

The Last Chancers - 4

Armageddon Saint

Последние Шансы

Святой Армагеддона

Перевел: AquariusNox

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империиума никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишаций демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждущих богов.

ПРОЛОГ

Топот и крики оборванных толп, которые стояли у старого отстойника, были штурмом на чувства, ошеломительным в своей интенсивности. Сотни ног стучали по феррокриту. Сотни кулаков били по металлическим перилам и перегородкам.

Запах был настолько же отвратительным, приторная смесь из масла, ржавчины, человеческого пота и грибного зловония орков. Испарения поднимались из вентиляционных решеток в полу, ядовитый туман, который лениво цеплялся к нижним ступенькам, ведущим наверх к импровизированным помостам, приваренным и прикрученным к окружающим стенам.

Источник как вони, так и шума был видим наполовину, стены широкого отстойника оставались в тени за мерцающими желтыми световыми полосами, которые висели на цепях в центре. Единственное смутное существование пристально смотрящих глаз и открытых ртов лилось насмешками и ненавистью на заключенных, ведомых в цепях.

Пленники отвечали на эту ненависть смесью яда и уныния. Некоторые из солдат, в изорванных униформах и без оружия, потому что его конфисковали, бросали взгляды на буйствующую орду; другие повесили головы, не отрывая глаз от кружащегося тумана вокруг своих ног.

Те, кто эскортировал пленников, высоко несли трофеи различного вида – захваченное оружие, отобранные шлемы, инсигнии Астра Милитарум. Они были одеты в найденные куски зенитной брони и куски панцирей, украшенные заточенными заклепками, орочьими глифовыми пластинами и цепями. На них были браслеты и ошейники, сделанные из частей танков и обломков подулья, головы защищала эклектическая смесь из крышек цистерн, рогатых орочьих чаш, Имперских стальных шлемов с забралом, шлемов рабочих и потрепанных колпаков экокостюмов.

У каждого из них где-то была эмблема, на веревке на шее, вырезанная на нагрудной пластине или несомая, как наклоненная защита рыцаря между шеей и плечом.

Деревянная, пластековая или металлическая, у каждого была одинаковая эмблема – красное пламя с тремя язычками.

Они остановили своих пленников, двадцати трех, которые пережили засаду, в нескольких метрах от ступенчатой платформы, встроенной в дальнюю стену отстойника. Платформа была заполнена множеством различного народа – человеческий зверинец из отбросов нижнего улья, знать из верхнего улья и все остальное между этим. Их одежда различалась так же, как их происхождение, охватывая диапазон от запачканных маслом тряпок до разноцветных плюмажей, и в промежутке рабочие комбинезоны, солдатская одежда, элегантные мантии и фраки с длинными фалдами. Как и у группы, устроившей засаду, у каждого из возвышенного собрания были символ их верности, нарисованный на пластинах, пришитый или вышитый прямо на одежде.

Трон из штампованного пластика доминировал над центром помоста. Он был выполнен в форме огня, языки пламени формировали его спинку, закручивались в воображаемых вихрях, чтобы сформировать ножки и подлокотники. Языки пламени соединялись в паре метров над помостом, формируя грубое изображение Имперской аквилы, с распростертыми крыльями. Несмотря на попытку ее изобразить, красный пластик был блестящим и исполненным грубо.

Вокруг трона было свободное пространство, неровный круг, радиусом в несколько метров, пустое место для двух фигур. Первая была громадным зверем, с темно-зеленой кожей, почти черной, с челюстью, напоминавшей ведро и красными глазками. Его расшитый золотом сюртук растянулся из-за мощных мускулов, шляпа с единственным пером растянулась на скошенном черепе между остроконечными ушами. Длинные руки висели по бокам, браслеты из шипованной стали были на запястьях, блестящие кольца охватывали сильные пальцы с толстыми костяшками. Рядом с орком был намного меньший по размеру компаньон, не выше, чем ростом до пояса людей. Его кожа была намного бледнее, его одежда в миниатюре копировала одежду орка, но была даже более экстравагантной в цвете и драгоценностях. Перья, которые украшали его шляпу, были почти такими же длинными, как и носитель.

Занимающий трон был одет в похожий на шелковый, открытый спереди пурпурный с черным халат – аристократические цвета. Его плоть была шрамирована во многих местах, его лицо было дуализмом из белой рубцеватой ткани на одной стороне и синюшными рубцами на другой. Отметины от ожогов шли к его груди, затемняя старые татуировки.

От этого его имя, которое срывалось с губ его последователей, сначала мягко звучащее.

«Сгоревший. Сгоревший. Сгоревший.»

Голоса нарастали в грубой гармонии, слова отражались от металлических стен.

«Сгоревший! Сгоревший! Сгоревший!»

Его титул был похож на молитву, и дикая толпа у стен протянула свои руки к нему, умоляя его повернуть свой взгляд к ним.

Пленников подтолкнули вперед, представляя их, как награду Сгоревшему, лидер рейдового отряда так низко поклонился, что его заплетенная борода прорезала борозду в миазмах, которые доходили до лодыжек.

Среди пленников был один, кто как и не пугался своего окружения, так и не проявлял воинственности. На нем были рубашка и леггинсы офицера Астра Милитарум; его фуражка и мундир были забраны. Даже без таких украшений, его манера держать себя передавала его превосходство больше, чем любой значок или эполеты.

Его пристальный взгляд был зафиксирован на Сгоревшем с самого момента вхождения, не обращая внимания на шумные угрозы, которые сыпались дождем. Глаза, похожие на два осколка льда, наградили повелителя Отстойника Ахерона невозмутимым презрением.

Сгоревший наклонился вперед, расширив глаза от удивления, белые сферы среди искаженной плоти его лица. Дикая ухмылка исказила его черты.

Военачальник подулья встал и сделал шаг, все еще пристально смотря на Имперского офицера. Он широко развел руки и повернулся налево, затем направо, охватывая

своим вниманием публику. Их пение превратилось в какофонию хвалебных криков и мольбы о внимании.

«Добро пожаловать в мои владения... Полковник.»

ОДИН

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Мне нужно перестать ухмыляться, это начинает быть жутко, но моя челюсть не хочет отвечать. Я просто смотрю вниз на Полковника Шеффера. Все остальное остановилось. Руки, ноги, язык, мозг. Сейчас ничего из этого не работает, как будто я какая-то удирающая добыча, пойманная в пристальный взгляд смертельного охотника.

Это его глаза, я клянусь. Никто не смотрит внутрь меня так же, пронзая мою душу без усилия. Сосульки, такие же холодные, как и кровь в его венах, проталкивающиеся все глубже и глубже с каждым вздохом, пока мы стоим и пристально смотрим друг другу в глаза.

Мое ротовое отверстие начинает тревожить толпу, их напряженная тишина растягивается по моим губам и щекам. Они ждут. Ждут моего объявления.

Сказать, что у меня смешанные ощущения, будет так, словно сказать, что получить попадание из лазерной пушки слегка опасно. Я, на самом деле, думал, что он мертв. Я имею в виду, фраг это, я думал, что я был мертв какое-то время.

Но он стоит прямо здесь, передо мной, такой же реальный, как и все остальное. Здесь, в глубинах подулья Ахерон, по меньшей мере, в двадцати километрах от чего-то, схожего на Имперскую власть. Это напоминание, что по ту сторону городов орков, по другую сторону разрушенных жилых комплексов и обрушившихся заводских уровней, война Империи за Армагеддон гремит, патовая ситуация длиной в годы, которая уже поглотила миллионы жизней.

«Кейдж.»

Он произносит мое имя, как проклятие, со сжатыми зубами.

«Сгоревший! Сгоревший!» Мое общество повышает свои голоса в знак протеста против использования моего имени.

Шеффер не реагирует, он просто стоит там, смотря на меня.

Я чувствую его презрение, и моя улыбка вянет, когда его презрение оmyвает меня. Удивление, удовольствие, может быть, предоставляет дорогу к памяти. К воспоминанию, что это Полковник Шеффер из 13-го Штрафного Легиона, Последний Шанс.

К воспоминанию, что он полный и абсолютный ублюдок.

«Полковник!» говорю я снова, заставив толпу утихнуть поднятыми руками. Я указываю на Шеффера. «Человек, который вырвал меня из небытия и бросил в каждую адскую войну, которую смог найти. Не предполагалось, что я выживу, так ведь, Полковник? Не переживу споровые мины тиранидов на Ичаре IV. Не переживу уничтожение ксеносов в Коританоруме. Не переживу воинов т'ау.»

Я делаю вдох, направив взгляд вверх на потолок и массу, напоминающего гору, улья, невидимого над нами.

«И не здесь, в пламени Ахерона.» Я опускаю свой взгляд и встречаю с его, восстановив силы от мысли о своем возвышении. «Но, вот я. Избегнувший смерти на каждом шаге, и теперь возвышенный над смертью рукой Самого Императора.»

Я вижу его первую реакцию. Сужение глаз, сжатие челюстей.

«Но вы это знаете, конечно же. Вы пришли, разыскивая меня.»

«Предатель!» выкрикнула одна из Гвардейцев рядом с ним. Сначала, я подумал, что это Лори. Она выглядит, как Лори.

На самом деле, нет. Она выглядит совсем не как Лори. Бледная кожа, но не белая. Темные волосы. По меньшей мере, на двадцать сантиметров ниже.

И Лори мертва. Оно разрезало ее.

Оно использовало мои руки, чтобы сделать это.

Еще одна вспышка колкостей гремит от публики, но я просто пожимаю плечами.

«Сила, намного выше, чем ты, судила меня,» говорю я безымянному солдату.

«Судила меня и вытащила меня из бездны.»

«Сгоревший! Сгоревший!»

На самом деле, не требовалось многого, чтобы мои последователи взволновались, и они были в состоянии возбуждения с тех пор, как пришли новости о том, что орки приближаются по юго-западным трубопроводам. Слух, что мы захватили Имперскую экспедицию, вывел их из-под контроля. Я едва мог видеть их, но я мог чувствовать сдерживаемую злобу, возбуждение, живую тварь, которая ревела посредством их глоток и пристально смотрела посредством их глаз.

Тварь, которая жаждала крови.

Слева от меня, Назрек пошевелился, его громада сместилась, когда он почувствовал волну эмоций. Звук, похожий на то, как гравий сокрушает плоть, прогреготал из глотки орка. Грот пронзительно захихикал.

Я, серьезно, не ожидал, что это будет Полковник. Если бы я знал, я бы не устроил этот праздник. Толпа слишком легковозбудима. Если я все не успокою, кто-нибудь бросит что-нибудь, а затем кто-нибудь еще подхватит, и это будет кровавая баня.

Это тонкая линия между тем, чтобы остановить их от убийства этих солдат и тем, чтобы воспрепятствовать им дать выход их растущему гневу. Гневу, который разрастался в последние дни, по неизвестной мне причине. Просто ярость, которая расшевелила орков, конкурирующих полководцев, даже Имперскую Гвардию, которая стояла лагерем снаружи улья. Кажется, все жаждали возобновления войны.

«Вот и он, доставленный в мою хватку Императором,» говорю я своей публике, протягивая руку в сторону Шеффера, а затем сжимая пальцы в кулак. «Годами, он был господином. Теперь, он беспомощен. Баланс сместился в мою сторону, да?»

В ответ послышался рев одобрения.

«Но вспомните, я когда-то был как те, кто с ним. Они его рабы, здесь на службе Бога-Императора. Покорные, следующие приказам, ищущие свое место в схеме Повелителя Человечества, как и все мы.»

Лоб Шеффера хмурился, пока он слушал, но он оставался тих.

«Избавьте их от нашего осуждения, пока мы не узнаем их души,» говорю я своим людям. Мой кулак становится указывающим пальцем, подзывающим Полковника. «Но вот этот, он идет со мной.»

Я быстро иду с помоста, не оглядываясь. Назрек гроыхает за мной, ворча, пока Грот спешит позади.

Остальные мои лейтенанты прикасаются пальцами к своим эмблемам-пламени в отдании чести, пока я прохожу.

Мои покои дальше по коридору, примыкающему к чану отстойника. Они использовались в качестве офиса смотрителя, я полагаю. Бронированная дверь преграждает вход, но я оставляю ее открытой и жду внутри.

Кэрл и трое из его банды ведут Полковника по коридору. Они скорее сопровождают его, чем тащат, с неохотой положив руки на Шеффера. Он выглядит так, как будто он на парадном плацу, с прямой спиной, руки машут, как будто на маршевых учениях.

Теперь его глаза двигаются, рассматривая все, минуя меня, смотря на Назрека, охранников, окружающую обстановку. Я отхожу от двери, когда он подходит, позволяя ему войти. Во внешней комнате есть пара скамеек и маленький стол, стены – голая штукатурка, потрескавшаяся местами там, где древний город-улей осел за века.

Я киваю Кэрлу и он уходит с остальными. Я закрываю дверь, поворачивая колесо замка.

«Спасибо Императору, вы--» начинаю я. Инстинкт заставляет меня пригнуться и развернуться, когда я поворачиваюсь назад к Полковнику.

Распрямленные пальцы Шеффера, направленные мне в горло, промахиваются на несколько сантиметров. Я полагаю, что он здесь не для того, чтобы привести меня живым.

Я направляю свои костяшки в его челюсть. Пока он уворачивается от удара, я сильно пинаю его сбоку колена, сбивая его.

Я отхожу, с поднятыми руками, вместо того, чтобы продолжить.

«Подождите!» рявкаю я на него. «Дайте мне фрагов шанс!»

Шеффер встает, разминая пальцы.

«Я знал, что ты не умер,» говорит он. «Не знаю, как, но я знал это. Нет тела, не доказательства.»

Он делает шаг вправо. Я двигаюсь, чтобы держать стол между нами.

«Меня трудно убить. Вот почему, я вам так нравлюсь.»

Появилась вспышка признания этого, но его взгляд ожесточился.

«Когда я услышал, что здесь есть военачальник, зовущийся Сгоревшим, я, сначала, не слишком об этом задумывался. Но даже в этом случае, это изводило меня. Мне нужно было самому увидеть, правда это или нет.»

«И это правда.»

Он опускает свое плечо, как будто собирается направиться вправо, но я не дурак. Я огибаю стол, когда он делает выпад влево.

«Ты уже должен знать, Кейдж. Ты не сможешь сбежать от меня. Ты не сможешь спрятаться от меня.»

«Узнал это на горьком опыте,» смеюсь я. Бронированная дверь позади меня. Шанса повернуться нет. Если я протяну руку назад, чтобы нащупать колесный замок, Полковник накинется на меня, как Нарусианская пантера.

Дело не в побеге. Если я открою дверь, Назрек и остальные примчатся сюда.

Шеффер прерывает мои хаотичные мысли, нога в сапоге соединятся с краем стола, отбрасывая его в сторону моих ног. Он следует за ним, отведя назад кулак.

Я перекачиваюсь, плечо сильно ударяется о ферроокрит, сотрясая мою шею. Я поднимаюсь на ноги и продолжаю двигаться, прыгая на одну из скамеек, отбрасывая ногу назад, когда он набрасывается на меня. Моя пятка встречается с его лбом, но он, как бык, пробивается сквозь удар, хватая мое колено и бедро.

Я закручиваюсь, пытаюсь нанести крученный удар другой ногой. Он пригибается, блокируя мой сапог плечом. Превращая удар в перекат, я освобождаюсь, но неуклюже приземляюсь на голову. Я перекатываюсь, не глядя, его нога врезается в пол мгновением позже после того, как моя шея смещается.

«Ты должен был заставить своих друзей убить меня, когда у тебя был шанс.» Полковник выпрямляется, когда я отступаю. Я тотчас чувствую легкость у своего левого бедра до того, как вижу свой боевой нож в его руке.

«Вы хитрый фраггер.»

В этот раз никакого внезапного нападения. Полковник направляется вперед, с клинком наготове. Он знает, что я хорош с ножом. Очень хорош. И это означает, что я хорошо знаю, как иметь дело с кем-то еще с ножом. Первое правило бойца на ножах: не брать с собой оружие, если враг может отобрать его у тебя.

«Ты предал меня. Ты оставил нас умирать.» Это первый раз, когда он показал настоящую эмоцию, сильно нахмурившись.

«Я никогда не предавал вас.» Я отступил назад и мои икры коснулись другой скамейки. «Я закончил миссию. Вы бы сделали то же самое. Вот, что значит быть Последним Шансом! Завершить миссию, даже если никто не выберется живым.»

Последовало легкое замешательство, но он продолжил, делая шаг ближе. Кончик клинка колебался влево и вправо, крошечные движения, чтобы замаскировать момент намерения.

«Точно.» Он снова зафиксировал этот взгляд на мне. «Закончить миссию, даже если это означает, что больше никто не уйдет живым.»

Мои приоритеты быстро менялись. В моей спальне есть лазерный пистолет, дверь в следующую комнату между мной и Полковником. Я не беру оружие на аудиенции; мне не нравится мысль принести оружие в кучу людей, которые могут захотеть использовать его против меня.

Я делаю последнее предложение о снисходительности.

«Я думал, что умру,» говорю я Полковнику. «Я схватил фон Страба и бросил нас в расщелину горнила, чтобы убить нас обоих.»

«Так почему ты не умер?»

Я пожимаю плечами. «Император спас меня.»

Я забыл, насколько быстро он может двигаться, хотя он, как минимум, на двадцать кило тяжелее меня. Мне пришлось получить порез на предплечье, чтобы отразить клинок от глазного яблока. Крутанувшись, я выбрасываю руку к его шее, надеясь ошеломить его.

Не смог. Он наносит мне удар рукой слева по челюсти, хлесткий удар его руки придает инстинктивному удару ужасную силу. Это сбивает меня на скамейку, где я растягиваюсь, голова сильно ударяется о дерево.

Мое зрение размывается, когда он нависает надо мной.

«Спасибо вам.»

Он останавливается, озадаченный моими словами.

«Что?»

«Спасибо вам,» говорю ему я, садясь. Я откидываю голову назад, предлагая свое горло кончику ножа. «За то, что спасли мою душу. Я умру очищенным.»

Шеффер наклоняется надо мной, лезвие опускается к артерии на моей шее.

«Я пришел сюда, чтобы убить предателя,» прорычал он. Кажется, что его слова не обо мне.

Я опускаю голову, встречаясь с его взглядом. Мои слова выходят медленно и честно.

«Я – не предатель.»

Я могу чувствовать напряжение в его теле, ожидающее, что я контратакую, что выхватю нож. Я делаю неровный вдох, едва ожидая, что снова смогу выдохнуть. Неверное движение, и моя кровь станет отделкой интерьера.

«Я не убил вас, потому что, зачем мне ваша смерть?»

«Множество причин,» отвечает Полковник. «Ты перечислил их. Ичар IV. Коританорум. Пресветлый Меч. Ахерон.»

«И я понимаю, почему это произошло. Я знаю, что Император направил меня сюда. И я отдал себя Ему, и я искупил свои сомнения и грехи.»

Нож слегка задрожал. Я, все еще, не осмеливаюсь пошевелиться.

«Это не должно быть концом,» говорю ему я, слова вырываются без раздумий. Но это не отчаяние, это не натура, цепляющаяся за жизнь, которая двигала мной большую часть моей жизни. Это правда, неприкрытая, вытекающая из моих мыслей через мой рот. «Раньше или позже, вы откроете ту дверь и будете убиты людьми снаружи. Это плохое место, чтобы умереть без хорошей причины. Что-то происходит, что-то большое, я могу чувствовать это. Лучше жить и сражаться с этим.»

Полковник пристально смотрит на меня так долго, что это ощущается веком, выискивая обман, которого нет. Я больше ничего не говорю. В конечном счете, он отступает. Я отмечаю, что он не предлагает мне нож.

«Здесь, внизу, становится опасно,» говорю ему я. «Скоро все взорвется, и я бы лучше оказался где-нибудь еще.»

«Твои люди не позволят мне просто уйти отсюда. Или ты.»

«Я знаю.»

Полковник, *не* пытающийся убить меня, это мгновенное улучшение ситуации, но это не решает никакую из более серьезных проблем.

«У меня есть убежище,» говорю ему я, наклоняя голову в направлении примыкающих комнат. «Фальшивая решетка вентиляционного отверстия, выходит в туннели, которые пролегают под каналами отстойников.»

«Это не поможет мужчинам и женщинам, которые пришли со мной.»

«Нет.» Я откидываюсь на скамейке, ломая себе мозги.

«Нам нужно выделить цель, а затем из этого определить лучшее направление,» говорит Полковник. «Как и в любой другой миссии.»

Я киваю и протягиваю руку, предлагая ему продолжить.

«Твое прибежище последователей - значительное анти-Имперское настроение.»

«Нет, это не так. Они просто защищают свою территорию.» Я встаю, иду к двери в следующую комнату. Я могу видеть две бутылки на перевернутом ящике. Одна с водой, другая с сильным спиртным напитком, который мы называем Топливом для Огнемета. Я захожу и беру воду. «Они, так же, защищают меня. Может быть, слишком привязались, на самом деле. Они – хорошие люди... но рискованные. Убогие.»

Я делаю глоток воды и предлагаю бутылку. Полковник мешкает, затем берет ее у меня, гоняет жидкость в своем рту несколько секунд до того, как проглотить.

«Сгоревший. Это история, больше ничего. Ложь, чтобы впечатлить простодушных,» продолжил он.

«Не ложь.» Он отдает воду и я закрываю бутылку, чтобы поставить ее на скамейку. Пока я продолжаю говорить, я поправляю перевернутый стол. «Они знают, кто я, что я сделал, откуда пришел.»

«И, как Император спас тебя?» Шеффер качает головой. «Слухи, которые я слышал, рассказывали о человеке, который прыгнул в огонь и появился с ангельскими крыльями, омытый золотым пламенем. Признай, это удобный миф. По крайней мере, подходящий, пока тебе не придется оставить своих неверующих последователей позади. Ты никогда не умел брать на себя ответственность, Кейдж.»

«Это то, что произошло,» настаиваю я. «Не могу с уверенностью сказать за крылья, но, тем не менее, я упал в огонь и он сжег меня.» Я делаю шаг ближе и он напрягается. Кончик моего пальца пробегает по расплавленному круговороту лица вниз. «Я сгорел, но я выжил. Тварь... тварь, которая была внутри меня. Тварь, которая заставила меня предать вас, которая убила Лори... Это была сила из бездны, посланник тьмы. Но Император изгнал ее из моих мыслей и спас меня. *Освободил* меня!»

Шеффер ничего не говорит, пока снова пристально разглядывает меня. Со вздохом, он проходит мимо меня и берет бутылку с водой. Он открывает ее и подносит горлышко к своим губам, все еще смотря на меня.

«Почему?»

«Почему Император спас меня?»

Он кивает.

«Я полагаю, по той же причине, по которой Он спасал меня раньше сотни раз. Каждая пуля, которая пролетела мимо меня. Пригибание, за мгновение до того, как споровая мина взрывалась на Ичаре IV. Давание мне силы, чтобы прорваться через разум богаращения на Ложной Надежде, сопротивление гипнозу ксеносов в Коританоруме. Сколько раз Он спасал вас, Полковник?»

Он открывает свой рот, я уверен, чтобы возразить, но затем закрывает его, ничего не говоря. Я могу предположить его мысли, потому что у меня такие же.

«Просто случай, так ведь?» говорю я. «Пуля должна кого-нибудь найти, только выжившие могут утверждать, что они были благословлены, мертвым нечего сказать. Удача? Совпадение? Но, тогда, вы должны спросить себя, было ли это всего лишь плохой или хорошей удачей, и все ли дело в том, что наши души спасены Императором? Либо Бог-Император смотрит, и, может быть, прикладывает руку, или... Он нет... как говорил тот сумасшедший, сломанный священник Гаппо. Что, если Он не слушает, когда вы молитесь? Или Кронин, бедный ублюдок. Произносивший только строфы из Литаний Веры. Должен ли он был умереть в часовне, выпотрошенный тиранидом. Может быть, он видел нечто, что никогда не мог объяснить. Чувствовать что-то... бессмертное? Нечеловеческое?»

«Ты говоришь, что это то, что ты чувствуешь? Прикосновение Императора на себе?» В первый раз в вопросе Полковника не было презрения.

«Именно так. Пламя лизало мою кожу, и я ощущал силу внутри себя, поднимающую меня из его объятий. В пламени, я видел лицо Императора, в его реве я слышал...» Я рассказывал историю сотни раз, она становилась слегка более приукрашенной с каждым пересказом, но пока Полковник пристально смотрит на меня, не реагируя, поэзия исчезает. Я ободрал ее до основ. «В моей голове был груз, давление, как тогда, когда посланник из бездны контролировал мои мысли.»

Слезы начали катиться по моей щеке, когда я вспоминаю это, четче, чем раньше. Есть что-то в Полковнике, стоящем здесь, слушающем, как будто он, может быть, разделяет это тоже. Я вспоминаю, как он почти погибал, один Император знает, сколько раз. И он был снова собран, заштопан, обработан Марсианскими техножрецами. Он просто слушает, внимательно, не задавая вопросов.

«Я был в огне, и я упал в один из туннелей подулья, сломанный противоречиями. Но, пока я лежал там, я чувствовал металл под своими пальцами, и я зарыл свои когти в него, и я цеплялся к нему, как будто собирался снова соскользнуть в огонь. Я помню, что молился. Благодарил Императора за то, что он дал мне мой последний шанс. И вы. Я просил Императора защитить вас. Было больно. Больно так фрагово, что я думал, что все равно умру. Не от огня, но от ножей в своей голове. Я протолкнулся в боль, приблизил ее, а затем попытался похоронить ее, взывая к Императору снова и снова. Затем это исчезло, оставив меня. Это ощущалось, как легкий ветерок, пронизывающий мою душу.»

Когда я закончил, я стою и трясусь, пристально смотря в его лицо, выискивая какой-нибудь намек на то, о чем он думает. Он осматривает меня сверху донизу, медленно, изучая каждый клочок меня.

«И поэтому твои последователи не будут счастливы, если ты уйдешь. Они видят тебя, как связь с Императором. Их пророк, их проводник.»

«Я ничего такого не говорил, хотя некоторые из них говорят это за меня.»

«Ты не отвергаешь их заявления.»

«Они могут верить во все, во что хотят. Если я начну спорить, все рухнет, и я вместе с этим.»

«Что приводит нас назад к вопросу, как ты освободишь себя от своих последователей.»

«А мне нужно?»

Вопрос удивляет его, и Полковник потирает костяшкой нос, думая несколько секунд.

«Что ты предлагаешь?»

«Мы все выбираемся отсюда, из Ахерона.»

«Ты – дезертир. В твоих рядах есть и другие, кто оставил свои посты. Зачем им возвращаться в Имперскую Гвардию?»

«Я уверен, что вы можете справиться с этой стороной вещей. Если у вас есть миссия, это делает нас новым 13-ым Легионом. Это не самая большая проблема. Я был бы счастлив разобраться с этим, если мы сможем добраться до Имперских линий. Нет, тысячи орков между нами и тем местом – это будет самой тяжелой вещью.»

«Ты сражался с орками с тех пор, как мы разделились, что делает это настолько отличным?»

«Одно - это борьба, чтобы сохранить некоторую территорию, может быть, несколько рейдов, чтобы держать баланс сил. Другое – это провести пятнадцать сотен мужчин, женщин и детей через занятый орками подулей.»

«Дети?»

«Здесь, внизу, есть семьи, пришедшие к Сгоревшему в поисках защиты.»

«Тебе, на самом деле, нравится играть в спасителя, Кейдж.»

«Никто не играет,» с гримасой говорю ему я. Затем мое настроение улучшается, когда поселяется идея. «Но история святого спасителя сможет, вероятно, убедить их пойти с нами. Я пушу слух насчет того, что вы пришли забрать нас на некую благословенную Императором военную операцию, что все мы были призваны Властью Терры.»

Полковник рычит. «Я не собираюсь допускать то, что ты был благословлен Императором.»

«Вы такой упрямый!» Я хожу туда-сюда несколько раз, сжимая и разжимая руки. «Я говорю правду! Но, даже если вы не верите мне, в чем проблема? Вы хотите отсюда выбраться или нет?»

«Компромисс – это трещина в стене безгрешности. Принципы – это не упрямство.»

«Вы звучите, как ходячая Мысль Дня,» фыркаю я.

«У меня другие беспокойства. Насчет тебя. Твоего недавнего прошлого.» Шеффер скрещивает руки на груди. «Ты всегда был эгоистом, но твои действия во время миссии фон Страба выходят за рамки самосохранения. Я не могу доверять тебе.»

«Вы никогда не доверяли мне.»

«Я всегда полагался на то, что ты сделаешь все возможное для своего собственного выживания. То, что произошло при дворе фон Страба, то, как ты повернулся против нас, было за гранью выживания. Это было мстительно и одержимо.»

«И это был не я!» Я пинаю ножку стола от разочарования. «Я говорил вам это! Во мне был дух бездны, тянущий меня вниз в моих собственных мыслях.»

«Который, ты утверждаешь, изгнал в одиночку.»

«Не в одиночку.» Я вздыхаю и трясую головой. «Это был Император. Дыхание Бога-Императора прошло сквозь меня.»

«Я взял с собой Охебса не просто так.» Полковник слегка поворачивает плечи, его поза направляет мое внимание на дверь. Он слегка наклоняет голову, глаза не двигаются. «Ты хочешь быть уверен, что всё от темного посланника исчезло?»

Я уже собираюсь выплюнуть еще один злобный ответ, но останавливаю себя. Литании Веры полны мучеников, которые умерли за Имперское Кредо. Небольшое сомнение Полковника – это не такая уж и серьезная помеха.

«Хорошо, сделаем по-вашему,» говорю ему я, пойдя к колесному замку. Я открываю его, и открываю дверь ровно настолько, чтобы высунуть голову наружу.

Назрек, Кэрл и остальные с удивлением оборачиваются.

«Он умереть?» ворчит орк, наклоняясь, чтобы посмотреть мимо меня в комнату.

«Я пощадил его на некоторое время,» игриво говорю я, направляя свои слова Кэрлу. «Мне нужен один из остальных. Пошли за тем, кого зовут Охебс. Помни, им не должны навредить, пока я не решу, что с ними делать.»

Захлопывая дверь до того, как они смогут задать неловкие вопросы, я поворачиваю колесо назад в позицию «закрото» и выпускаю долгий выдох.

«Польза слепого повиновения,» говорит Полковник. «Но она пуста без уважения к тебе. Она основана только на власти, на которую ты претендуешь.»

«Я знаю.» На этот раз я направляюсь за Топливом для Огнемета, когда я захожу в следующую комнату. Рядом с бутылкой простая металлическая кружка, и я наполовину наполняю ее. Я останавливаюсь, рука на полпути к моему рту. «Я знаю, через что прошел, но это не означает, что я не жду какой-нибудь амбициозной искры в той группе, чтобы думать, что они, может быть, справятся лучше.»

Я возвращаюсь к скамейке с нетронутым напитком.

«И все идет не так хорошо, за эти последние десять дней или около того. Много регресса. Я имею в виду, на самом деле ужасная борьба.» Моя голова начинает пульсировать, пульсация, которая надоедает мне примерно столько же времени. Я опрокидываю полный рот Топлива, позволяя ощущению горящего языка и глотки отвлечь меня от тупой боли в своих мыслях. «Возможно, это Император, говорящий мне, что настало время двигаться дальше. Может быть, знак, что вы придете сюда.»

Полковник выглядит задумчивым несколько секунд, смотря в сторону. Когда его глаза возвращаются ко мне, в его взгляде своеобразное качество, похожее на неуверенность.

«Что такое?» спрашиваю я. Сначала, он не выглядит так, как будто собирается ответить, но затем смягчается, распрямляет руки, со все еще сжатыми кулаками.

«От астропатов были плохие предсказания последние шестьдесят или семьдесят дней. Навигация внутрь и наружу Системы Армагеддона становилась все более трудной. Дикие разговоры о затемнении Астрономикона. Затуманивании.»

«Как Тень в Варпе?» предполагаю я.

«Не тираниды,» говорит Полковник.

«Тогда, орки. Назрек говорит об этом. «Большой зеленый». Вид орковства, который они все разделяют, становится сильнее, чем больше их вокруг.»

«Не орки,» тяжело говорит Шеффер. «Я думаю, что твой пассажир из бездны, тот, которого, ты говоришь, ты уничтожил, был предвестником чего-то еще. Варп волнуется странным образом.»

«Я делал это достаточно долго, чтобы знать, что это означает отличную возможность сделать что-нибудь безумно самоубийственное ради Императора.»

«Ты ошибаешься. У меня нет миссии, Кейдж.» Он говорит это почти извиняющимся тоном. Именно тогда я осознаю, что он не просто говорит о больших событиях, но слова более личные.

«Вот, почему вы пришли за мной! Заскучали, так ведь? Я слышал вещи. Линии нарисованы на карте уже довольно давно. Имперские войска окопались там, орки, по большей части, счастливы оставаться здесь. Вы застряли, сидя в окопе с фраговой кучей дел, так ведь?»

Я смеюсь над хмурым взглядом от раздражения Шеффера.

«Какое оправдание вы придумали?» Я опрокидываю оставшийся алкоголь, сжигая свой последний запас. «Сгоревший как-то представлял угрозу?»

«Я пришел убить предателя,» рычит Полковник, подавляя мой юмор. «Это была достаточная причина.»

ДВА

СМЕНА ПЛАНОВ

Стук в дверь извещает о прибытии Охебса, прерывая любой дальнейший разговор. Я распахиваю дверь.

«Это было довольно долго,» рявкаю я. С другой стороны Карсте, никаких признаков Кэрола, Назрека или остальных. У нее панический взгляд, который тотчас заставляет мое сердце колотиться быстрее. «В чем дело?»

«Орки, идут сюда через Очистные,» выдает она, переминаясь с ноги на ногу, что заставляет ее стоящий вертикально гребень волос, раскачиваться, как перья у птицы. Из высокого улья по рождению, Карсте сбежала сюда, вниз, когда вторглись орки. Она всегда была слегка легкомысленной, но была верной.

«Почему? Почему они идут в низ улья?»

Она пожимает плечами, с возрастающим волнением.

«Сасски-Ран говорит, что там их много. Много.»

Мой мозг, наконец-то, начинает уделять внимание фоновому шуму. Крики отдаются эхом из зала отстойника; гулкие удары дюжиндвигающихся ног, стучащих по ступеням; скрип металла, пока помосты трясутся под движением толпы. Я вижу страх в глазах Карсте и представляю его себе, увеличенным стократно моими последователями в зале отстойника. Я рванул назад в другую комнату, схватил свой лазерный пистолет, а затем вышел за дверь.

Она полуповернулась, желая тоже двигаться, глазами блуждая по коридору.

«Куда подевался Кэрл? Люди умрут в давке.» Я хватаю ее за плечо, привлекая ее внимание к себе. «Где Кэрл?»

«Он пошел к воротам отстойника, чтобы закрыть главный вход.»

«Слишком поздно для этого, если орки в Очистных,» говорю я. Она бросает взгляд вниз на мои пальцы, зарывшиеся в материал ее жилета. Я отпускаю, отступая назад. «Иди к пешеходным площадкам и собери всех, кого сможешь. Отведи их к сливу.»

«Слив? На другом конце слива орки.»

«Меньше, чем в верхнем улье.»

«Какой у тебя план?» Полковник, внезапно появившийся у моего плеча, заставляет меня вздрогнуть. «У тебя же есть план, да?»

«Бежать,» говорю я. «Сначала, вывести всех из отстойника, и озаботиться об остальном сразу же, как только мы выберемся отсюда.»

Медленное лязганье начинается в трубах, пролегающих вдоль коридора и вверх к отстойнику. Затем следует капание, становящееся более сильным истечением, кронштейны дребезжат, пока жидкость наполняет давно вышедшие из употребления трубы.

«Что это означает?» спрашивает Полковник, смотря вверх.

Я начинаю идти по коридору, схватив запястье Карсте, чтобы она пошла за мной.

«Это означает, что Кэрл опоздал, и теперь он заполняет дренажи, чтобы замедлить орков.»

Воющая сирена присоединяется к звуку льющейся потоком воды, прерывистой и отдаленная. Я чувствую вздрагивание Карсте от звука и ускоряю шаг до легкого бега, бросая назад взгляды, чтобы убедиться, что Шеффер следует за нами.

«А это сигнал от дымоходов. Они идут на нас со всех сторон.» Мой легкий бег становится бегом, пока крики раздаются эхом по коридору из зала отстойника. Вопрос продолжает бить меня по мыслям, и я озвучиваю его с ворчанием. «Почему сейчас? Что им нужно?»

Как я и боялся, зал отстойника – это преисподняя. Те, кто на верхних уровнях, карабкаются вверх по вентиляционным трубам, но это приведет их в проходы, которые пересекают разрушенный уровень улья наверху – оттуда нет выхода, кроме дороги назад в отстойник или на путь перед орками. Те, кто ниже смотровых галерей,

направляются к нижнему уровню, некоторые из них пытаются оттолкнуть других, пробираясь вперед. Начались драки, добавившиеся к хаосу.

«Я думал, что ты будешь лучше подготовлен к нападению,» говорит Полковник, когда мы добрались до моей тронной платформы. «Как ты выживал так долго?»

«Орки из подулья – тощие твари, как дикари в джунглях, с которыми мы сражались. Здесь, внизу, для них недостаточно еды, говорит Назрек, поэтому они не становятся слишком большими. Орки из улья, они не беспокоятся о том, чтобы спускаться сюда, потому что здесь нет ничего стоящего, что можно взять и ничего ценного, за что стоит сражаться.»

«До сих пор,» добавляет Полковник.

Я пожимаю плечами.

«Я не знаю. Ничего не изменилось.» Мой взгляд остановился на пленниках, сидящих кучкой и озадаченных в кольце моих бойцов. Эскорт не выглядит счастливым, пойманный между работой охранять их и распространяющейся паникой. Я могу видеть, что некоторые из них уже сбежали.

«Может быть, они подумали, что была новая атака,» говорю я, отпуская Карсте. Я указываю ей на лестницу слева от себя. «Иди, собери всех, кого сможешь.»

Она срывается прочь, не оглядываясь.

«Может быть, орки услышали слух об Имперских солдатах, идущих в подулье, и пришли поздороваться.»

«Ты думаешь, что это моя ошибка?» Полковник трясет головой. «Снаружи Ахерона сотни тысяч солдат, зачем бы оркам уделять внимание одному взводу?»

«Слухи могут убивать,» говорю я. «Взвод становится ротой, становится полком... И если те орки из верхнего улья стали такими же капризными, как те, от которых мы недавно избавлялись... Охочими до драки. По любому поводу.»

Я машу руками и начинаю кричать, пытаюсь привлечь внимание толпы, текущей вниз в зал отстойника, упрашивая их замедлиться, перестать паниковать. Некоторые поворачиваются, останавливаясь; другие продолжают продираться к двери в

дальнем конце – вертикальным воротам, которые использовались в качестве соскребателей водорослей, чтобы дать доступ в главный отстойник, который я превратил в свой зал для аудиенций.

«За мной!» кричу я охранникам, хватая лазган у ближайшего, когда добираюсь до них. Некоторые из них смотрят на Полковника и пленников, медленно реагируя. «Не беспокойтесь о них. Идите со мной.»

Шеффер собирает своих солдат, пока я проталкиваюсь дальше со своими, крича людям успокоиться, пока пробираюсь сквозь толпу. Приказ начинает распространяться, слишком медленно для некоторых, крепко зажатых в толпе или затоптанных, когда упали.

«Очистить дорогу! С дороги!» Пока я кричу, я хлопаю рукой по плечу Йозефа, одного из охранников. «Иди к лестнице на другой стороне, замедли всё. Никто не уйдет отсюда, если мы просто запаникуем.»

Он кивает, и уходит с некоторыми из остальных. Они – мои лучшие, как Кэрол и его группа, экс-Имперские Гвардейцы, ветераны войны с орками. Здравомыслящие, но некоторые из них не настолько заслуживающие доверия, чтобы я поворачивался к ним спиной. Хотя, учитывая ту компанию, в которой я состоял раньше, они весьма надежная банда.

Шеффер остается рядом со мной, в данный момент он счастлив следовать за мной. Я начинаю оттаскивать людей назад, силой пробираясь в давку, пока мы все ближе и ближе подбираемся к воротам. Как передача ведра по линии при учениях на случай пожара, мы оттягиваем людей и передвигаем их назад, как будто мы прокапываемся сквозь толпу.

В конце концов, мы добираемся до ворот, разделяя оставшуюся давку, как клинок, заставляя некоторых протолкнуться в щель перед нами.

«Двое за раз, не больше,» рычу я на мужчин и женщин вокруг себя, проходя во врата. «Быстро идите к восточному сливу.»

Я задерживаюсь на дальней стороне ворот, чтобы убедиться, что все под контролем. Есть некоторая борьба, пока они устанавливают новую систему, но я слышу, как

сообщение распространяется по толпе. Просто мельчайший намек на порядок, или кто-то с планом, успокаивает настроение на ближайшие пару минут.

«Следуйте дальше, когда выберутся последние,» говорю я своим людям, получая кивки в ответ.

Непрерывный поток людей направляется по тусклому коридору, сворачивая налево на развилке в конце, дальше в глубины. Топот ног по феррокриту непрерывный, наполняющий пространство запахом дыма и пота. Легкий ветерок дует от грохочущей установки рециркуляции, принося острую вонь старой воды, все еще находящейся в поддонах отстойника.

«Мы встретимся с Кэролом у дальних границ, а потом пойдем по сливу,» говорю я Шефферу.

Я как раз на грани раздумий, что мы сможем удержать это под контролем, когда весь коридор содрогается и взрыв гремит вокруг нас, каскадом снося пыль и ржавчину с потолка. Несколько криков сзади предупреждают нас о том, что все не так хорошо, и я полуповорачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть свежую волну людей, хлынувшую во врата, кричащую и визжащую.

«Оружейная! Там!» Я кричу Шефферу, указывая справа на развилку впереди. Так же, я кидаю ему лазган. «Если кто-нибудь попытается остановить вас...»

Он уже движется, ударом сердца позже, резко выкрикивая приказы, чтобы его группа последовала за ним. Я чувствую дрожь, поднимающуюся по моему позвоночнику, и мельком выхватываю знакомое лицо, когда они проходят мимо. Это Охебс, психический ноль, метнувший взгляд на меня, и затем, он затерялся в тенях темного коридора.

«Сгоревший!» Крик идет от женщины в толпе, скрытой массой, ее голос почти затерялся в хоре криков и воплей. «Благослови меня! Благослови меня!»

Ее цель подхвачена остальными, и некоторые из них откалываются от общего движения, идя ко мне с протянутыми руками, с глазами, горящими отчаянием.

«Сгоревший!» кричат они, надеясь, что я, каким-то образом, смогу спасти их только своим присутствием. Своим прикосновением.

«Фраг это,» ворчу я, ни на кого в частности. Я срываюсь на бег, пробираясь сквозь людей, бегущих по коридору. Коридор расширяется в более широкий, сводчатый зал. Здесь есть секция, где подулей сместился за века, создав перепад высотой около десяти метров. Мостики из собранного металла и пластековых кабелей уходят зигзагом вниз по феррокрытовой скале.

Я выбираю короткий путь. Перепрыгивая с одного на другой, я добираюсь до низа прямо в тот момент, когда еще один грохот взрыва прокатывается сверху. Все остальные несутся потоком по расколотому залу к остаткам старой насосной станции справа, но я направляюсь налево. Здесь есть срез, при условии, что вы сможете поднять себя на пять метров вверх по кабелю и проползти по лазейке, чего бы я не пожелал и сервитору.

Я подтягиваю себя вверх по импровизированному канату и пролезаю в люк, получая в лицо вонючие, горячие испарения, плывущие откуда то с верхнего улья. Мои глаза колет, мои ноздри горят, и я продолжаю держать свой рот плотно закрытым, пока извиваюсь в трубе техобслуживания и открываю решетку на противоположной стороне. Головой вперед, я вываливаюсь из трубы, вставая на ноги на случайной платформе строительных лесов. Сгнившее дерево почти ломается под моими ботинками, пока я иду по доскам к ржавой лестнице в конце. Прямо внизу падение в сотню метров в отстойник. Там внизу ничего нет, кроме крыс и медленной смерти.

Я становлюсь на лестницу, а затем перепрыгиваю маленький промежуток на более прочный выступ на другой стороне – остаткам старой инспекционной дорожки, бегущей вокруг внешней части главной емкости отстойника. Войдя, пригнувшись, в сервисное отверстие, избегая последние остатки неровного стекла вокруг рамы, я возвращаюсь к восточному проходу, избегая массивный изгиб вокруг остатков насосной станции.

Пролетая последний метр вниз к полу, я даю себе время подумать. Пройдет еще минута или две до того, как кто-нибудь еще появится с длинного обходного пути, хотя я могу слышать их приближение.

Всего лишь в нескольких метрах в стороне есть перекресток, что-то вроде узла между главным отстойником и дюжинами маршрутов доступа, которые, должно быть, ведут к станциям мониторинга, жилым блокам и, Император знает, куда еще. По большей

части – это заваленный камнями беспорядок, через который невозможно пробраться. Проходы – это туннели, прорытые в разрушенном рокрите, многие из них снова обрушились. Три, которые я знаю, продолжают действовать.

Восточный коридор изгибается вокруг и идет к сливу, массивной системы дренажей, где орки создали поселение. Влажность – это хорошо для них, и нам приходится использовать огнеметы, чтобы сдерживать их грибное распространение от того, чтобы оно расползлось слишком далеко вверх по трубам.

Есть еще юго-восточный коридор, который ведет вглубь территории орков, еще около двух километров по улью, как минимум, насколько мы можем сказать. Это там наша территория примыкает к разрушенному участку, известному, как Очистные. Смысла идти туда нет, прямо в улей орков.

И северный.

Я задерживаюсь на мгновение, глядя в черный проход. Он достаточно большой ровно настолько, чтобы человек прошел по нему, согнувшись. Вонь от газовых карманов означает, что вы не захотите брать туда с собой открытый огонь, а переносные силовые ячейки здесь внизу встречаются реже, чем улыбки комиссара, так что это трехчасовое ползание в кромешной тьме.

Но все-таки, это хороший шанс выбраться к краю улья. Проход слишком маленький для орков, и слишком ненадежный, чтобы через него эвакуировалась группа, так что это был бы только я.

Я говорю себе, что я изменился. Я чувствовал прикосновение Императора на своей душе, и это должно что-то значить. Он бы не оставил меня в живых только для того, чтобы я собрал вместе культ полоумных ради Него, а затем сбежал, когда стало опасно.

Я – Сгоревший. У меня есть последователи. Люди, зависящие от меня. Целая толпа людей отдала мне свое доверие. Свою веру.

И, все же, мое тело игнорирует мои добрые намерения, заставляя меня колебаться на перекрестке, вместо того, чтобы повернуться к восточному проходу, как я должен сделать.

Гортанный крик заставляет меня вздрогнуть, инстинкт почти бросает меня в темноту до того, как я перевариваю звук.

«Босс!» снова орет Назрек, громохая ко мне из юго-восточного туннеля, Грот резво скачет у него по пятам. За ними я вижу Кэрола с раскачивающимися косичками бороды, и около десятка других, быстро приближающихся ко мне.

Мое чувство вины заставляет меня остро осознать, где я стою, и я отхожу от северного прохода, как будто добавление расстояния между собой и ним уменьшит их подозрения.

«Какие новости?» спрашиваю я, когда орк и Кэрол добираются до меня.

«Никогда ничего такого не видел,» говорит Кэрол.

«Большой зеленый,» ворчит Назрек. Орк стучит себя сбоку головы массивными костяшками. «Чувствовать большой зеленый здесь. Много зеленого. Все идет сюда. Много Ваааагх!» Этот последний звук передан, как оглушительный крик.

«Тысячи, я бы сказал,» продолжает Кэрол, с испуганным выражением. «Я просто открыл заслонки и побежал.»

«Злые. Очень крикливые,» добавляет Назрек.

Грот что-то говорит своим пронзительным голосом. Его уши прижаты к голове – признак беспокойства. Назрек рычит в ответ, и Грот отскакивает на несколько шагов, спрятавшись за ногой Кэрола, красными глазками пристально смотря вверх на орка.

«Мы пойдем дальше,» говорю я им, начиная идти к восточному проходу. «Я отправляю всех через слив. Держась вместе, мы сможем захватить нижних орков врасплох.»

«Не хорошо,» говорит Назрек, мотая головой, толстые губы изогнулись в гримасе. «Большой зеленый. Нижние коротышки тоже чувствуют большой зеленый.»

«Другого выбора нет,» говорю я. Я поворачиваюсь, когда слышу шаги, приближающиеся позади нас, первые люди, сбежавшие из зала отстойника появляются из отдаленных теней. Теперь это не столько спешка, сколько движущаяся толпа, более храбрые последователи возглавляют шествие маленькими группами,

большинство из них несут трубы, заостренные куски металла и другое импровизированное оружие.

«Идите с ними, но пока еще не начинайте пробираться через слив,» говорю я Кэролу. Назрек движется, чтобы последовать за ним, когда Кэрол начинает отходить, но я хватаю орка за руку. «Останься со мной. Расскажи мне больше о том, что ты чувствуешь в большом зеленом. Как далеко толпа из улья?»

«Этот не сканер, босс,» отвечает он с пожиманием плечами. Странно, как он выхватил некоторые из наших слов и выражений. Удивительно быстрый ученик, когда я вспоминаю хрюканья и мычания, которые составляли раньше половину речи Назрека. Он говорит, это потому, что «зеленый» силен на Армагеддоне, делает орков умнее. Слыша о некоторых вещах, которые делал Зверь Газкулл, я могу в это поверить.

«Как будто, ты чувствовать горячее, но не можешь сказать, как близко огонь. Становиться намного горячее.»

«Ясно,» говорю я с кивком.

Люди проходят мимо нас теперь уже десятками. Я вижу Карсте среди толпы и показываю ей большой палец вверх. Она выглядит напуганной, но выдавливает нерешительную улыбку в ответ.

Орк ворчит и поворачивает голову, чтобы посмотреть назад в направлении туннеля, ведущего к Очистным, сузив глаза.

«Шумно. Громко.»

«Уже второй раз ты говоришь это. Что ты имеешь в виду? Что громко?»

«Большой зеленый громкий, босс,» говорит орк, скосив глаза на меня. Он нахмуривается. «Большой зеленый типа как гудение в голове. Больше орков – больше гудения, громче звук. Большой зеленый уже большой громкий. Не только зеленый, кто-то еще тоже. Еще больше громко.»

«Еще больше громко?»

«Типа. Отлично громко. Кроваво громко.»

Я, на самом деле, понятия не имею, о чем говорит Назрек, кроме того, что я могу ощущать пощипывание в нижней части шеи. Это происходит уже последние несколько минут, и я думал, что это было напряжение, но это похоже на пульсацию, которое не совпадает с моим пульсом. Давление, которое я ощущал раньше, ползущее вниз по моему позвоночнику, сдавливающее мой хребет своим весом.

Громче. Что громче? Я думаю.

«Продолжайте идти!» кричу я, махая толпе, чтобы отвлечь себя от тревожащих, наполовину сформированных мыслей. «Те, кто с оружием, вперед. Доложитесь Кэролу.»

Я задерживаюсь еще полминуты, подгоняя людей идти вперед. Я вижу Шеффера, движущегося с толпой, на голову выше, чем кто-нибудь еще. Он плывет сквозь них, разделяя людей рычащими командами и чистым присутствием, остатки Последнего Шанса следуют позади. У них смесь их лазганов и автоганов, несколько с пистолетами. Шеффер кидает лазерный пистолет мне, когда вырывается из потока людей, поворачивающихся в направлении слива.

Я беру на себя руководство, целеустремленно шагая рядом со спускающейся толпой, крича людям дать дорогу впереди. Поток людей начинает замедляться, собираясь в сотне метров или около того от разрушенной клапанной станции, которая выходит в слив.

«Продолжайте идти,» говорю я им, махая им продолжать идти вперед. Они кажутся неторопливыми, отказывающимися продвигаться дальше. Несколько прошептанных просьб и отчаянных стонов встречают меня, когда я подхожу.

«Не все привыкли идти навстречу опасности,» напоминает мне Полковник.
«Большинство людей пытаются уйти от этого.»

«Я не задумывался об этом,» признаюсь я. «Полагаю, что я просто привык противостоять смертельным врагам лоб в лоб, благодаря вам.»

Он поднимает бровь, но ничего не говорит.

«Продолжайте идти,» кричу я на копуш.

«Что насчет орков?» спрашивает кто-то из толпы. «У нас нет никакого оружия.»

«Те, которые позади нас, не будут более приятными,» напоминаю я им. Тем не менее, многие кажутся мешкающими, начальная паника исчезла, мысль о том, чтобы идти в опасность, когда им кажется, что они в безопасности, слишком трудно преодолеть. Я повышаю голос. «Я слишком много раз смотрел на смерть, чтобы вспомнить, но вы хотите услышать об одной вещи, которая убьет вас быстрее, чем что-либо еще?»

Некоторые из них требуют ответ, почти вымаливая его от страха.

«Не пытаться остаться в живых,» говорю я им. Я указываю вниз по туннелю. «Мы идем туда, с нашими пушками. Орки идут сзади, так что, если хотите жить, вы пойдете с нами.»

Я не жду дальнейших споров и ухожу, расправив плечи, устремив глаза вперед. Я могу слышать топот ботинок Департаменту Муниторум позади себя от Полковника и его солдат, а затем более неорганизованное шарканье, когда толпа снова приходит в движение. Я ускоряю шаг, неуверенный, сколько у нас есть времени до того, как толпа из улья доберется до нас. Я бы предпочел оказаться глубоко на территории коротышек-из-отстойника до этого.

У фильтрационной клапанной станции вместе с Кэролом около сотни вооруженных пушками последователей. Зияющая труба, около пяти метров высотой, врезана сквозь обломки прямо в искусственный горный склон, который мы называем сливом.

«Есть какие-нибудь признаки орков?» спрашиваю я, видя какое-то искусственное освещение через трубу.

«Еще нет,» отвечает Кэрол. Он бросает взгляд мимо меня на Полковника и Последних Шансов, расширяя глаза, когда видит оружие в их руках. Его глаза возвращаются ко мне, полные подозрения. «Какой план, Сгоревший?»

«Не беспокойся насчет них,» говорю я, бросая ухмылку Полковнику. «Они, так же, остро хотят выбраться отсюда, как и все мы.»

Полковник вырастает ближе, минуя пристальные взгляды моего народного ополчения.

«Сколько орков живут там, внизу?» спрашивает он.

«Сотни,» говорит Кэрол.

Я чувствую, что Полковник разрабатывает план, но это не его общество, это не его миссия.

«Но, в основном, рассредоточены,» добавляю я, перебивая его.

«Большой зеленый громче,» говорит нам Назрек, указывая тяжелым пистолетом с клинком в трубу. «Нижние коротышки идут, слышат громкий зеленый.»

«Мы здесь, чтобы пробраться, не нападать,» напоминаю я Кэролу и остальным. «Двигаемся быстро, не застреваем в большой драке.»

«Тогда, в какую сторону?» спрашивает он, слегка мотая головой. «Надо идти на восток, чтобы выбраться из улья, но я не знаю никого, кто бы прошел хотя бы больше километра в ту сторону. Мы можем просто забежать прямо в тупик и загнать себя в ловушку.»

Я оглядываюсь и вижу, что подошло множество моих людей, больше тысячи в целом. Они тихи, либо достаточно здравомыслящие, чтобы не привлекать внимание орков, или слишком подавленные тем, что произошло, чтобы говорить. В любом случае, это все еще очень большой мертвый груз.

Не мертвый груз, напоминаю я себе. Мои люди. Последователи Сгоревшего. Слуги Императора, притянутые моей верой.

«Нам нужно сделать это правильно,» говорю я Кэролу, подавая сигнал нескольким остальным, чтобы подошли ближе. «Поведем отряды, чтобы разведать путь, продвижение частями – может быть, пять групп, по сотне в каждой.»

«Твои люди недостаточно дисциплинированы для этого,» спорит Полковник, бросая взгляд через плечо на толпящуюся массу. «Даже с эскортом, у кого хватит смелости ждать до последнего?»

«Отлично, хорошее замечание,» рычу я в ответ, ненавидя то, что он прав, и ненавидя это еще больше, потому что я об этом не подумал. «Разведывательная группа и

основная группа, вот так. Выдвинем два дозорных отряда, чтобы присматривать за флангами, по десять человек в каждом. Хорошие глаза и уши, никого пугливого.»

Кэрол кивает, отворачиваясь, пока обдумывает кандидатуры. Полковник подходит ближе, понижает голос. Он адресует свои слова Кэролу, но его взгляд задерживается на мне на мгновение дольше, чем мне комфортно.

«Нам нужны надежные разведчики. Никого, кто сочтет это хорошей идеей просто сбежать.»

«Я буду с основной группой,» добавляю я, как-то быстро, осознаю я. Черт побери Полковника и его сомнения. Заставляющие меня очень остро реагировать.

Глухой удар проносится по туннелю, становясь причиной вспышки криков и жалоб от нервной толпы.

«Это будут баррикады, которые я опустил на перекрестках,» с гримасой произносит Кэрол, оглядываясь назад. «Меньше, чем в полукилометре отсюда.»

«Нам нужно идти,» говорю я, подталкивая его к фильтровальной камере. «Веди разведчиков вперед, мы последуем.»

Кэрол идет вперед, выбирая нескольких мужчин и женщин по пути. Остальные шаркают ближе, начиная продвигаться к входу в слив. Я обеспокоен приближающимся Полковником, его присутствие отвлекает меня.

«Как насчет того, чтобы сделать себя полезным и остановить любых бродяг?» говорю я ему.

«Ты хочешь, чтобы я пошел сзади?» Его глаза сузились. «Поближе к оркам?»

Я вздыхаю и мотаю головой.

«Если никто не нас не выберется, это не хорошо для меня, так ведь?» говорю я, разочарованный его низким мнением, но вынужденный говорить это в терминах, которые он ожидает. «Я бы предпочел, чтобы вы присматривали за нашими спинами, чем кто-нибудь другой.»

Кажется, его удовлетворяет этот ответ, на данный момент, по крайней мере. Он забирает небольшую часть своего отряда и проталкивается назад сквозь приближающихся людей, подгоняя их идти вперед. Я начинаю кричать, говоря им идти быстро, но спокойно, отправляя еще несколько людей с оружием каждые несколько секунд.

По линии, около пяти метров шириной, сотни метров длиной, мы пробираемся по сливу – огромному феррокритовому уклону, достаточно пологому, чтобы спуститься вниз, освещенному древними светолентами почти двадцати метров в длину, питаемыми один Император знает откуда. Это последний свет, который мы не несем с собой, и пока мы змейкой пробираемся в следующий туннель – старую сливную трубу, простирающуюся метров на триста – мы вытаскиваем свои лампы и ручные фонарики. Лучи желтого, голубого и белого танцуют на ржавой трубе, сопровождаемые топотом ног, волнением массового дыхания, окружающая среда становится холоднее, когда выдыхания наполняют туманом воздух.

Назрек топает у моего правого плеча, ворча каждые несколько шагов. Позади, шлепание босых ног Грота. Я бросаю взгляд на орка, в его красных глазах отражается свет фонариков.

«Что ты чувствуешь?»

«Зеленый, везде,» говорит он, поворачивая свою голову влево и вправо. «Зеленый и кровь, кровь и зеленый. Болит в мозгах.»

Я полагаю, что это означает, что нижние коротышки близко, но от разведчиков еще ничего не было. Если бы было нападение, мы бы услышали выстрелы и крики.

Чего они ждут?

ТРИ

ПРОХОД ЧЕРЕЗ ОРКОЛЕВСТВО

Мы проходим через несколько заброшенных мастерских и инструментальных цехов – голых оболочек, давно ободранных от чего-нибудь полезного, наполненных тенями и тревожащими скрипами там, где было оборудование.

Это не просто поколения человеческих мусорщиков, которые прошли здесь. Грибные пятна поднимают облака спор в неподвижный воздух, покрывая голый рокрит. Запах безошибочный, и я вижу, как Назрек пристально принохивается.

«Старые,» говорит орк. «Слабые.»

«Ты можешь понять, в какой они стороне?»

Орк топчется рядом какое-то время, пока остальная толпа движется через мастерские, сбившись в кучу, как стадо добычи, глядя во всех направлениях. Те из нас, кто вооружены, создают что-то типа коридора для них, чтобы они шли дальше, стоя на стреме у лестничных колодцев и арочных проходов, проходя вперед и оглядываясь назад, движущийся защитный карман. Я удивлен, что мы не на ourselves ни на каких нижних коротышек. Что бы не расшевелило орков из верхнего улья, может быть, это еще не добралось сюда вниз.

«Идем дальше, так быстро, как можем,» говорю я время от времени, повторяя это медленно и спокойно, чтобы снова не спровоцировать панику. Если люди запаникуют тут, внизу, они разбегутся во всех направлениях, и мы никогда не выведем их наружу.

«Становится ближе,» предупреждает Назрек, когда мы входим в останки старого скрипториума. Я могу сказать, что это было по поднятому постаменту надзирателя в дальнем конце и ржавым дыркам в полу там, где крепились скамьи и кафедры. Над головой, вне досягаемости, ржавые люстры продолжают мерцать, периодически высасывая энергию из подземной термальной энергетической сети.

По полуразрушенному коридору мы проходим одной линией в общежития, вероятно тех, давно позабытых писцов. Комнаты, достаточно большие для десятков кроватей, расположены по бокам коридора, по восемь с каждой стороны. Здесь металлические обломки и брошенные тряпки, а из одной комнаты несет орочьим дерьмом. Пока мы подходим ближе, вонь становится почти невыносимой. Выросшие грибы, такие же большие, как я, цепляются к стенам, заставляя нас пробивать себе путь, каждый удар клинка и приклада оружия высвобождает еще больше едких спор в воздух. Странные жуки носятся по ярко окрашенным отросткам, с предвкушением работая мандибулами, пока более крупные создания с шумом пробираются через подлесок из более мелких, тусклых наростов.

Пока мы пробираемся дальше, Грот останавливается, наклоняясь, чтобы набрать пригоршню грибов из угла между полом и стеной, запихивая некоторые прямо в рот, а другие в маленькую сумку, привязанную на груди. Назрек проходит мимо, небрежно ломая плодоножки и топча грибы ногами, пятнающими его зеленую кожу пятнами желтого и красного. Орк приседает посреди гриба и производит странное, мягкое ворчание, протягивая руку.

Нечто, длиной, примерно, с мое предплечье, выскальзывает из грибной рощицы, похожее на многоножку, но с волнующе орочьими чертами. Пучок усиков шевелится над красными глазками, чувствуя Назрека, который тихо смеется в своей груди от прикосновения. Я зачарованно смотрю, как чужак поднимает орконожку, пробегаясь пальцем по ее длине. Назрек встает, крепко держа орконожку позади головы. Блестящие клыки щелкают, как складные ножи, с них капает зеленая жидкость. Назрек поднимает жука выше, позволяя яду падать на его высунутый язык.

Орк смакует губами, берет орконожку обеими руками и отрывает ей голову резким движением. Отбросив голову в сторону, Назрек быстро вскрывает панцирь длинными ногтями, обнажая зеленую, сочащуюся плоть, которую он помещает в открытый рот с удовольствием.

Орк рыгает и поворачивается ко мне.

«Сгоревший хочет?» спрашивает он.

«Не голоден,» быстро говорю я, и это кое о чем говорит, исходя из того, что мне приходилось есть в прошлом.

Назрек пожимает плечами и наклоняется, чтобы схватить Грота за шею. Маленький оркоид запихивает несколько последних грибов в рот до того, как броситься прочь дальше по коридору, угрожающий рык Назрека подгоняет его.

Впереди дрожь реакции, предшествующей прибытию Бентзы, одной из разведчиков. Ее лазган висит у нее на плече, длинный нож в руке.

«Мы нашли пленников, Сгоревший,» говорит она, когда подходит ко мне. «В цепях в одной из комнат впереди.»

«Окей, покажи мне,» отвечаю я, кивая Назреку, чтобы он пошел за мной.

Мы обгоняем остальных и находим Кэрола у развилки, более маленького коридора из необработанного рокрита, уходящего направо, лестницы в несколько метров в длину. Я могу слышать жалобы и шепотки, призывающие к тишине, раздающиеся в коридоре.

«Пленники? Наши?» спрашиваю я, когда встаю рядом с Кэролом, поворачиваясь к лестнице.

«Не узнаю их,» говорит он мне, ведя меня налево на площадку у основания лестницы, через проем без двери, выходящий в низкую, широкую комнату, которая едва достаточно высокая, чтобы в ней стоять.

В ней воняет, как в ротной уборной, со смесью вездесущей острой вони орочьих следов. В комнате ничего нет, кроме группы из семи человек – трех женщин, четырех мужчин – прикованных цепью к кольцу на дальней стене, колесо насоса выступает из металлической плиты рядом с ними. В дальнем углу покрытая мухами куча человеческих отходов, в самой дальней точке досягаемости цепи, и остатки еды, разбросанные повсюду.

Некоторые из рабов вскрикивают, когда видят меня, шокированные моими шрамами, я полагаю. Они бормочут, пытаюсь сформировать слова, поднимая окровавленные руки ко мне. Свет от фонарика Кэрола заставляет их отдернуться. Я хватаю его руку, направляя луч прочь, видя боль, которую он им причиняет.

«Фраг,» говорю я, не находя других слов. Струпья кругом покрывают их лодыжки там, где кандалы связывают их, их ноги покрыты грязью, волосы отросли до талий и ниже. Они практически такого же грязного цвета, как стены, и когда они говорят, я вижу окровавленные десны, утыканные несколькими зубами, как бункеры на оборонительной линии.

«Фраг,» повторяю я. Я думал, что видел все, но я ошибался.

«Он... помогите,» выдавливает одна из женщин, поднимаясь, трясясь, на ноги. Они все обнажены; я могу видеть завитки там, где мясные черви прогрызлись сквозь кожу, и темные поражения от проникших спор.

Затем я вижу, что один из них не двигался с тех пор, как я вошел, лежащий у стены. Я направляю фонарик Кэрола на лежащую фигуру и вижу мух, жужжащих вокруг пустых глазниц. Мертв какое-то время, орочки грибы растут на кусках его кожи, личинки ползают по гниющим ранам.

На этот раз Кэрол дает выход нашему отвращению.

«Фраг.» Он закрывает рот, рыгая. «Фраг это. Фраг это.»

«Возьми себя в руки,» ворчу я, хватая его руку. Я отвожу фонарик в сторону, направляя его так, чтобы он осветил цепи. Не толстые, но и не тонкие.

Звук движения заставляет меня повернуться.

«Какого...» Полковник затихает, стоя в дверном проеме, наклонив голову. Если это достаточно плохо, чтобы взволновать Полковника, вы понимаете, что это плохо. Последовало мгновение, когда он выглядит чувствующим отвращение, замененное на видимый гнев. Не часто вы видите такую реакцию, как эта.

Жалобное бормотание от пленников снова привлекает мое внимание к ним; они натягивают цепи, царапая грязный пол покрытыми волдырями пальцами. Это так, словно они позабыли, как говорить, просто бормочут и повторяют «пожалуйста» и «помогите» снова и снова.

«Что ты собираешься делать?» спрашивает Кэрол, как будто это какой-то здравый вопрос. Очевидно же, что мы мало чего можем тут сделать.

«Они замедляют тебя,» говорит Полковник, снова с невозмутимым лицом.

Это правда, но слова ощущаются, как обвинения, исходя от Шеффера. Что остается невысказанным, так это то, что я просто кину этих бедолаг, чтобы позаботиться о себе. Он этого не говорит, но я все равно чувствую осуждение.

«Пушку,» говорю я, делая жест Кэролу. Он отдает мне свою винтовку, и я вытаскиваю обойму. Я вынимаю патрон сверху, снова вставляю обойму и отдаю ему оружие.

«Что ты делаешь, Кейдж?» спрашивает Полковник, заинтригованный. «Орки будут здесь с минуты на минуту, так или иначе.»

Я одаряю его тишиной в ответ, идя к стене, где кольцо врезано в пласкрит. Я проделываю маленькую дыру своим ножом, достаточную, чтобы вставить патрон между пластиной с кольцом и стеной.

Отходя назад, я вытаскиваю лазерный пистолет из-за пояса и прицеливаюсь.

«Кейдж!»

Я игнорирую Шеффера и нажимаю на спусковой крючок, световой заряд ударяет в патрон. Маленькая детонация вырывает кусок из стены, достаточно для того, чтобы два болта на пластине с кольцом отлетели. Пленники осознают, что происходит, и собираются вместе, их чахлые мускулы натягивают цепи.

Я хватаю звенья в свои кулаки и тоже тяну, Кэрол позади меня, и через несколько секунд ржавый металл скрипит, и пластина отрывается и падает, бросая нас на грязный пол. Пленники начинают смеяться, собираясь вокруг меня, безумно ухмыляясь.

«Что теперь?» ворчит Полковник. Он указывает на цепи, все еще сковывающие их вместе, протянутые сквозь тяжелое кольцо.

«Приведи еще кого-нибудь,» говорю я Кэролу. Он мешкает, не уверенный в том, что я имею в виду, так что я поднимаю цепь на свое плечо. «Пять сильных спин должно быть достаточно.»

«Это идиотизм,» говорит Полковник, когда уходит Кэрол. «Мы все погибнем, если понесем такую ношу.»

Пленники начинают шаркать к дверному проему, подгоняемые мной, несущие столько цепей в руках, сколько могут. Полковник отходит в сторону, когда мы доходим до дверного проема, смотря на меня с гримасой.

«Вам бы это понравилось, так ведь?» говорю ему я, встречая его взгляд. «Доказать себе то, что вы были правы обо мне? Вы ошибаетесь. Я больше не та личность. Я не оставляю этих людей.»

«Если хочешь помочь им, всади им по лазерному заряду, но не рискуй всеми нашими жизнями из-за этого.»

Я плечом отталкиваю его с дороги.

«Идите нафраг.»

В конце концов, оказывается, что будет быстрее нести истощенных пленников вместе с цепями – они совсем не в состоянии пройти какое-либо расстояние. С нагрузкой, распределенной на больше, чем двадцать человек, это едва ли ноша – каждый из них настолько истощен, что они практически ничего не весят.

Проходит несколько минут, и мы входим на неизвестную территорию. Большая часть наших разведок и рейдов против орков проходила к западу отсюда, в лабиринте разрушенных жилых пространств и пустых заводов. По правде, большая часть подулья Ахерона была вычищена во время первого вторжения Зверя Газкулла, так что мало чего осталось здесь, внизу, ко времени второго нападения. Насколько я знаю, фон Страб – бывший губернатор и цель моей последней миссии с Полковником – обещал оркам контроль над всем ульем, привлекая их в качестве оккупационных сил. Все, кто узнали об этом, спускались сюда, но большинство из них либо умерли от голода, умерли от радиации из-за разрушенных контуров реактора на севере, или были вынуждены вернуться назад.

Территория, на которую мы направляемся, которую местные называют трясиной, это пустошь, наполовину затопленная токсичными отходами, которые пожирали основание улья веками, возможно, тысячелетие. Очень нестабильная и очень опасная. Так же, чиста от орков, что является единственным доводом в ее пользу. Хотя, мы все еще не ушли с территории нижних коротышек; осталось около

полукилометра вперед и километр вниз до того, как мы достигнем первых уровней трясины.

Я избегаю Полковника, затерявшись среди передней части толпы, пока он снова занимает место в задней части. Я не могу понять, приписываю ли я это ему, или он преднамеренно вынудил меня спасти пленников. Я думал, что знаю то, чего хотел, во что верил, но его появление перевернуло мои мысли с ног на голову.

«Этот Полковник,» говорит Кэрол, держась справа от меня. «Что у него в голове насчет нас? Когда мы выберемся, я имею в виду.»

«Я не думаю, что у него есть что-нибудь в голове. К чему ты ведешь?»

«Мы все – дезертиры. Если он думает, что мы возвращаемся назад к Имперским линиям с улыбками и рукопожатиями...»

«Он просто пришел за мной,» говорю ему я. «Я был тем, кто сказал, что все должны уйти, или я не уйду.»

«Ты так сказал?»

«Я – Сгоревший, я присматриваю за своими людьми,» говорю ему я, постукивая дулом своего лазерного пистолета по его деревянному значку-пламени. «Я помню, когда ты начал носить это. Сначала думал, что это было в шутку. Я имею в виду, почему бы тебе постоянно напоминать мне о том, что я сгорел?»

«Это было не ради тебя,» говорит он. «Это напоминание нам о том, что ты сделал, через что ты прошел ради нас.»

Прошло время с тех пор, как я разговаривал с кем-то, кто был там в самом начале. Со всеми отвлечениями из-за ответственности, я слегка позабыл многое из того, что случилось.

«Ты сгорел, очистил свои грехи в пламени,» продолжает Кэрол. Я едва могу видеть его в свете искусственного освещения, но в его глазах блестят слезы. Он не смотрит на меня, его взгляд прикован вперед, как будто он видит что-то еще. Его руки начинают трястись, нож и пистолет трясутся от силы воспоминаний. «Ты показал нам, что можно вытерпеть, если у нас есть вера. Когда Зверь пришел в первый раз,

Император дал нам благословенного Яррика и Лорда Данте, и мы нашли храбрость, чтобы сражаться, и мы победили. Когда Зверь вернулся...»

«Вы получили фон Страба.»

Он бросил взгляд на меня, с чистой ненавистью в глазах.

«Да. Фон Страб, предатель.» Кэрол покачал головой. «Продал нас, даже не Зверю, а одному из его военачальников. И те бедные ублюдки,» он дернул большим пальцем в направлении пленников, которых несли позади нас, «лишь единицы из тех, кто страдал.»

Я не рассказывал ему, что мы пришли только за фон Страбом, потому что инквизитор собирался объявить Экстерминатус Улью Ахерон – что эффект на боевой дух от предательства Имперского командующего был настолько опасен, что Ориель хотел убить миллиард людей, чтобы предотвратить это. Я даже не знал, что мы идем сюда, на Армагеддон, просто совершаем один долгий, включающий сумасшествие варп-прыжок через большую часть Галактики. Именно тогда мой маленький помощник, посланник из бездны, должно быть, скользнул в мои мысли. Оглядываясь назад, варп-сны становились хуже к концу, и, должно быть, именно тогда он захватил мою душу.

Год в варпе, это ни для кого не лучший план.

Так же, я не рассказывал ему о том, как посланник играл моими худшими страхами и самыми глубокими желаниями и наиболее отвратительными страстями против меня, овладевая мной в момент кровожадности – в один я убил одного из моих лучших друзей. Я забыл упомянуть, что я примкнул к фон Страбу, отвернулся от Полковника и остальных, и помогал казнить их, пока присутствие Охебса не притупило эффект злого духа во мне на достаточно долго время, чтобы я снова взял под полный контроль свое тело.

«Ты хотел умереть, чтобы спасти нас от фон Страба,» говорит Кэрол, тяжело сглатывая. «Бросить себя в пламя, чтобы защитить Ахерон и Армагеддон.»

«Да, хотел.» отвечаю я. Тогда я хотел, чтобы все это закончилось. Это все, что я помню, пока я падал в ту искусственную пропасть. Всю жизнь сражаясь, чтобы

выжить, я нашел шанс, чтобы закончить все должным образом. «Полковник привел меня сюда, чтобы спасти мою душу, и это было то, что я смог сделать.»

«Но Император послал ее назад.» В его голосе было изумление. «Он избавил тебя от пламени.»

Я ничего не говорю, игнорируя Кэрола на мгновение, чтобы напрячь свои уши и глаза в поисках каких-либо признаков орков из нижнего улья. Это место – путаница из металлических скрипов и стонов, не говоря уже о звуке нашего перехода, но моя паранойя говорит мне, что здесь есть другие звуки, нечто не к месту. Я прижимаю палец к губам, призывая к тишине, и подаю сигнал остальным, чтобы они остановились.

Стук. Настойчивый стук по трубам, отдающийся эхом откуда-то слева от нас.

«Это сигнал,» шиплю я, поворачиваясь назад к толпе. «Бегите!»

До того, как кто-нибудь реагирует, спереди раздаются отличительные резкие звуки лазганов, оттуда, где разведчики.

«Дерьмо. Слишком поздно.»

Паника, которая имела место в зале отстойника, возвращается с удвоенной силой. Половина людей начинает рваться вниз по проходу, направляясь к бою; другие хотят бежать в другую сторону, но они заблокированы Полковником и его солдатами. Когда их мольбы пройти становятся пронзительнее, он стоит перед решением пропустить их или открыть огонь.

Он позволяет им пройти, его миниатюрный взвод разделяется, чтобы позволить им броситься назад в направлении орков, пришедших из верхнего улья.

Лазерный огонь впереди усиливается. Я могу видеть вспышки, отражающиеся от стен в сотне метров или около того от моей позиции, совпадающие со случайными, более темными дульными вспышками и грохотом оружия орков. К счастью, нижние коротышки не очень хороши в обслуживании оружия или изготовлении боеприпасов. К несчастью, они все еще хороши в получении острой кромки на клинке, или забивании остроконечных кусков в металллом, и вот, где орки самые отвратительные – вблизи, перед твоим лицом.

Именно поэтому Назрек уже расталкивает всех плечами и пробирается вперед, ревя в довольном предвкушении. Большая часть его криков кажется бессловесными мычаниями, случайно нарушенными «крушить», «взрывать» или «давить».

«За мной, в огневую линию!» кричу я, направляясь за орком, забирая группу экс-солдат с собой. Быстрый взгляд назад подтверждает, что Полковник, так же, идет вперед, оставляя убегающих задержать орков, приближающихся к нам сзади.

«Что насчет них?» спрашивает Кэрол, выбросив большой палец в сторону группы, несущей практически бессознательных бывших пленников.

Я повышаю голос, пока бегу, пытаюсь быть услышанным над увеличивающимся шумом испуганной толпы.

«Если есть пушка, идите вперед! Если нет пушки, будьте позади кого-нибудь с пушкой! Если найдете пушку, забирайте и идете вперед!»

Я могу слышать орочьи голоса среди стрельбы и проклятий моих людей. Женщина спотыкается передо мной, и я замедляюсь, чтобы наклониться и помочь ей подняться. Она начинает благодарить меня, но я отталкиваю ее назад к ее компаньонам и продолжаю бежать дальше, времени для любезностей нет.

Назрек оторвался уже метров на двадцать. Его тяжелый пистолет громыхает, когда он добирается до линии схватки, красная вспышка от выстрела освещает вестибюль, где держатся разведчики. Сквозь стробирующий свет от лазерного огня и искры от пуль орков, я вижу врага в туннеле дальше, пригибающегося и пробирающегося через узел трубопроводов, мерцающее изображение из рычащих клыков и напоминающих бусинки красных глаз.

«Огневая дисциплина!» кричу я, объединяясь с разведчиками и грубым взводом Кэрола. «Отмечайте цели! Направленный огонь!»

У нас было достаточно стычек с орками, так что они должны знать лучше. Назрек называет их коротышками, но они, все еще, такие же большие, как люди, может быть, слегка жилистые по строению, но это все мускулы и подлость. И они жестче, чем Флотский бисквит, так что одно попадание из лазгана, может быть, привлечет их внимание, два разозлит их, и вам нужно четыре или пять, чтобы нанести какое-

нибудь серьезное повреждение. Даже в этом случае, вам нужно продолжать поливать. С пулями, практически, то же самое.

Я прицеливаюсь из своего лазерного пистолета, наводясь на орка, примерно в пяти метрах, прыгивающего из люка в стене. Кэрол рядом со мной, и мы открываем огонь одновременно, целясь выше – больше шансов попасть в горло, глаз, открытый рот...

Маленькая огневая команда вырастает вокруг нас, когда присоединяются остальные, уничтожая каждого орка по очереди, сначала ближайшего, а затем следующего и следующего, стреляя, пока они не упадут, а затем еще немного стреляя. В обычных условиях, мы бы принесли огнеметы, но нет никакого смысла блокировать себе путь впереди горящим прометием.

Стрекот автоганов возвращает меня назад к юности в подулье Олимпии, но треск лазгана я знаю лучше всего. Стандартное изделие Имперской Гвардии, главная опора Астра Милитарум. Это успокаивающий звук для меня; слышать, что это оружие стреляет, означает, что я все еще здесь, что ублюдки все еще не добрались до меня. Так много битв, так близко к смерти так много раз, это тупо, что это успокаивает.

«Там тоже!» приходит крик из коридора, примыкающего к перекрестку, где мы продвигаемся вперед.

Я не могу оторваться, прямо перед нами еще дюжина орков. Некоторые начинают стрелять из грубых пистолетов, тяжелые пули врезаются в трубы наверху, или вырывают куски пласкриты из стен. Удачный выстрел попадает в человека слева от меня, снося правую сторону его лица. Он падает на спину с криком, кровь хлещет на мой халат.

«Кто-нибудь, хватайте его пушку!» кричу я, пытаюсь найти стрелков во мраке.

Вынужденные пригнуться и уйти от нового залпа пуль спереди, наш огонь уменьшается, и орки развивают успех. Трое добираются до открытого пространства, не обращая внимания на лучи лазганов, пока рвутся через дверной проем.

Кэрол пытается встретить их в лоб, внезапный прилив крови, вероятно. Ему лучше знать. Удар топора отсекает ему руку, а второй удар глубоко зарывается ему в грудь.

Орк стоит над его телом, пытаясь вытащить свое оружие, пока остальные двое несутся вперед.

«Продолжайте стрелять!» Я пчусь назад, следуя своему собственному приказу, вонзая три лазерных заряда в боковую сторону головы ближайшего орка. Крепкая кость сдается на третьем выстреле, глазное яблоко и глазница взрываются.

Перекресток наполнен ослепляющими вспышками, когда мы открываем огонь, заряды мерцают всего лишь несколько метров и сжигают зеленую кожу, пули рвут грубую плоть. Рыча, орки рвутся сквозь шторм, за ними следуют еще. Нож, длинный, как мое предплечье, находит горло женщины справа от меня, мгновением позже орк падает у ее ног, брызги артериальной крови женщины покрывают его падающее тело.

У другого орка цепи, обернутые вокруг кулаков, такие же смертоносные, как любой молот или топор, и он молотит ими, длинные руки набирают смертельный импульс с каждым взмахом. Двое из моих бойцов падают, с развороченными лицами, со смятыми грудными клетками.

Тот, у которого топор, высвободил свое оружие и орет на нас, разбрызгивая слюни, сверкая клыками в свете лазеров. Тени от еще большего количества орков заполнили коридор позади него.

Назрек прибывает, как зеленый убийца-бульдозер, прорываясь сквозь нас с оглушительным ревом. Его самодельный пистолет – слишком большой, чтобы я нес его в одной руке – рывкает вместе с ним, пули большого калибра, изготовленные Гротом, превращают орка-с-топором в месиво от прямого попадания.

Назрек прыгает на второго, как дубиной ударяя пистолетом его по челюсти. Кость трещит и разлетается зеленая кровь. Удар тыльной стороной руки прикладывает орка к стене, ломая шею.

В другой руке у Назрека «чоппа» - восемьдесят сантиметров острого металла, ублюдочный отпрыск, у которого матерью был меч, а отцом - топор. Этот ужасный клинок ловит следующего врага за боковую часть головы, отнимая щеку, ухо и скальп одним ударом. Невероятно, но с нижним коротышкой не покончено. Он прыгает на

Назрека, открыв челюсти. Мой телохранитель ударяет его в грудь рукоятью пистолета, затем отбрасывает оружие, чтобы схватить другого орка за горло.

Чоппа заканчивает работу, которую начала, отнимая оставшуюся часть головы, которая пролетает надо мной, капая каплями крови.

«Поддержка!» выкрикиваю я, идя за Назреком, пока орк врезается в следующего врага, направляя клыки ему в его горло, чтобы, буквально, откусить ему лицо. Несмотря на всю свою силу и ярость, даже Назрек будет окружен и повержен, если его оставить самого по себе против наступающих орков.

Мы стреляем, когда можем, мимо буйства Назрека. Ножи, булавы и пистолеты, когда требуется. Один из коротышек проскальзывает мимо большего орка и направляется ко мне, с кривой острой в одной руке, когти другой направлены мне в лицо.

Я повидал лицом к лицу достаточно орков, так что знаю, что единственная вещь, которая помогает – это использовать свою скорость. Я пригибаюсь под замахом остроги, зная, что если я не убью своего врага за следующие три секунды, она снова опустится на мою голову или спину. Когти зарываются в мое плечо, но я игнорирую боль, вонзая кончик своего ножа в нижнюю часть выступающей челюсти и сквозь мягкую ткань неба в мозг выше. Я стреляю из своего пистолета, лазерный заряд обжигает сторону моего лица своим соседством до того, как попасть орку в глаз.

Удар остроги не приходит, и я стряхиваю спазмирующий труп как раз вовремя, чтобы броситься в сторону от клинка другого орка, который прорвался. Мои компаньоны предают его забвению прикладами лазганов и клинками, избивая и режа существо до тех пор, пока оно не обезглавлено и не изуродовано. В своих смертельных спазмах, он ломает ногу Себастину, отправляя его выть на пол.

Минута позже, и мы ворвались во что-то типа холла, квадрат около сорока метров, вероятно энергетическая станция, ее оборудование давным-давно разграблено для других целей. Здесь нет света, за исключением наших фонариков и оружейного огня, но в свете проносящихся лучей кажется, что здесь немного орков. Тусклый желтый свет ламп пересекает высокую арку на противоположной стороне, ведущую в широкий коридор.

«Закрепитесь здесь. Ведите всех туда!» кричу я своим людям, направляя их к феррокритовым плитам и другому укрытию. «Кто-нибудь, берите фонарики. Держите их в движении!»

Толпа врывается в зал и бежит к выходу, качающиеся фонарики подгоняют их в направлении арочного прохода. Я меняю силовую ячейку в своем пистолете – осталась еще одна, сотня выстрелов в сумме – и выпускаю несколько зарядов в орков, прячущихся в дверных проемах и смотровых ямах слева от нас.

Прибывает Назрек, покрытый орочьей кровью. Пули бьют по его броне и плоти, но он не обращает на них никакого внимания, вглядываясь в темноту. Его ноздри раздуваются, когда он шумно нюхает воздух.

«Что такое? Сколько их там?»

«Большой зеленый,» ворчит он. Он поворачивает голову. «Не здесь. Сзади.»

«Кейдж!»

Вопль Полковника разворачивает меня как раз вовремя, чтобы увидеть, как он и его команда вырываются из входа по пятам у спасающейся бегством толпы. Половина из них разворачиваются и начинают стрелять назад в коридор. Не слишком хороший знак. Я встречаю его на полпути назад к коридору.

«Орки из верхнего улья, их сотни,» говорит он мне.

«Насколько близко?»

«Слишком близко. В тридцати секундах позади нас.»

Я проверяю прогресс остальных. Около половины невооруженных людей покинули зал, остальные вливаются в арочный проход. Нас здесь с оружием, наверное, две дюжины – вдвое меньше с Полковником.

«Уходим. Мы не можем сражаться, нам нужно бежать.»

Полковник рывкает приказ своим солдатам, которые ломают свою огневую линию и следуют за нами, пока мы бежим прямо за убегающей толпой, изредка стреляя по нижним коротышкам, которые рванули из своих укрытий за нами.

Следующие несколько минут – это бег сломя голову по прямому коридору длиной около полукилометра, за которым последовало восхождение по изгибающейся металлической лестнице, один Император знает куда. Я слышу орочьи крики и грохот металла позади нас. Кажется, что нижние коротышки так же не счастливы видеть орков из верхнего улья на своей территории. Это хорошо, насколько я понимаю. Больше времени для нас.

Назрек ворчит с каждым большим шагом позади меня. Густая зеленая кровь свертывается вокруг множества дырок от пуль, покрывающих руки и грудь орка, еще одна линия пореза пересекает его лоб над правым глазом. Каждые несколько шагов он трясет головой и гримасничает.

«Ты окей?»

«Большой зеленый делает больно,» грохочет в ответ Назрек. «Не тело.»

Это звучит совсем нехорошо, но гораздо лучшие новости в том, что мы, кажется, отделались от нижних коротышек. Наверху лестницы бегство замедляется до более организованного бега, когда запыхавшиеся легкие и уставшие конечности начинают освобождаться от чистой паники. Светоленты освещают группу коридоров и комнат, их бледный зеленоватый тусклый свет почти болезненный после темноты.

Это самое яркое, что множество людей, спешащих через комнаты, когда-либо видели, рожденные и выросшие в сумерках подулья. Они косятся и стонут, даже когда пытаются прикрыть свои глаза.

«Продолжайте двигаться,» подгоняю я их, снова и снова. Я слышу, как начались молитвы, мое имя используется в качестве благословения.

Я не оглядываюсь. Я могу чувствовать Полковника у себя по пятам и слышать остальных. Нет никакого смысла оборачиваться; это не сделает орков дальше и это просто замедлит меня.

Я думаю, что могу слышать ворчание и рычание, прерываемое гортанными криками. Назрек начинает замедляться и оглядываться назад. Он, вероятно, не привык отказываться от боя, но я хочу, чтобы орк был поблизости, если мы забежим во что-нибудь впереди.

«Оставайся со мной,» говорю я. Грот щебечет свое собственное ободрение, стремительно петляя между наших ног, указывая костлявым пальцем вперед.

Впереди маячит темнота, переходящая в огромное открытое пространство, которое поглощает все звуки. Румяный свет омывает нас, почти комфортный после жесткого света. Пол покрыт серыми и белыми плитками, потрескавшимися и запятнанными от времени. Стены кажутся невозможно далекими, в сотнях метров, едва освещенные. Дырки в полу показывают, где были закреплены машины, наносы ржавчины лениво движутся из-за воздушных циркуляторов, которые все еще доносят дуновения искусственного ветра издалека сверху.

Я воспринимаю это все с первого взгляда, но что, на самом деле, беспокоит мои чувства, так это грохот позади нас. Продолжительный гром, который, осознаю я, потому что мой рот пересыхает и моя глотка сжимается, это топот орков позади нас.

ЧЕТЫРЕ

ЕЩЕ БОЛЕЕ СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ

В великой схеме вещей, это не самое пугающее, в чем я побывал – эта честь принадлежит ночи, проведенной в часовне-крепости Сестер Битвы на Освобождении в ожидании тиранидов, смотря, как тысячи их спор падают с орбиты. Хотя, слышать этот гром – довольно близко к тому.

И я не единственный, кто взволнован. Я вижу нервные взгляды оборачивающихся, которые бегут по огромному пространству, и у ветеранов вокруг меня выражение в глазах, которое я хорошо знаю, предательская дрожь в руках.

Мы опоздали.

Я не произношу этого. В этом нет необходимости, все на расстоянии предела слышимости знают это. Я обмениваюсь взглядом с Полковником.

«Если ты побежишь сейчас, ты можешь опередить тех остальных,» говорит он.

«Возможно, доберешься до безопасности. Нет ничего, что ты можешь сделать, чтобы защитить их.»

Как будто он взял голос из моей головы и вытащил его наружу. Черт его дери. Император прокляни его ледяной взгляд и невозмутимое искушение.

«Все еще стоите на этом, да? Думаете, что я просто сорвусь и побегу?»

Я отхожу в сторону до того, как он может ответить, повышая голос, чтобы обратиться к тем, кто вокруг меня.

«Мы должны защитить отход,» говорю им я. «Выиграть им время, чтобы они выбрались.»

Многие из них не слушают, уже убегая по пустому пространству зала. Некоторые замедлились, обернулись, а затем снова побежали.

«Это твой план?» говорит Полковник. «Стоять здесь и стрелять, пока они не доберутся до тебя?»

«Лучше топор в лицо, чем в спину,» говорю я, хотя от мысли, что орочий топор попадает мне куда-нибудь, меня бросает в дрожь. Не чисто, совсем не быстро. Если Император, на самом деле, присматривает за мной, я получу одну из тех по-идиотски больших пуль в голову, легко и просто.

«Я предлагаю занять лучшую позицию вон там,» говорит Полковник, указывая на неровную секцию пола, где рампа ведет в серию смотровых ям и котлованов, примерно в двухстах метрах.

Остальные услышали его и сорвались на бег, не оставив мне никакого выбора, кроме как последовать. После нескольких больших шагов я осознаю, что Назрек не идет с нами. Он стоит, заметно трясется, пялится туда, откуда мы пришли.

«Назрек!»

Орк не отвечает. Грот в тревоге мечется к ногам Назрека и обратно, чередуя бормотания и визг. Я бегу назад к ним, сильно ударяю рукой по спине орка. Медленно, как будто пытаюсь проснуться, орк поворачивает свои красные глаза ко мне, ярость избороздила его лоб, рука поднимает чоппу надо мной.

«Мы собираемся подождать их там,» говорю я, дернув большим пальцем в сторону смотровых ям. «Тактика, помнишь?»

Несколько секунд никакого понимания. Может быть зеленого слишком много, подавившего маленькую часть человечности, которую приобрел Назрек. Я был таким идиотом, обманывая себя, забывая, что эта тварь – убийца, простой и чистый. Мгновение я не вижу ничего, кроме убийства в глазах чужака, и дрожь, пока я ожидаю, что чоппа опустится, разрубив меня напополам.

Губы Назрека дрожат, показывая зубы. Он хрипит из глубин груди, и кивает.

«Тактика.»

Орк опускает чоппу и, когда я отворачиваюсь, он неуклюже топает рядом со мной, Грот следует за нами по пятам. Залп извергается от солдат впереди до того, как мы

добираемся до убежища смотровых ям. Я не озаботился идти к рампе, просто прыгаю прямо вниз, но не рассчитываю падение. Я тяжело приземляюсь, почти ломаю лодыжку. Назрек спрыгивает рядом со мной и поворачивается, тяжелый пистолет в его кулаке почти мгновенно рывкает плохо нацеленными выстрелами.

Здесь нас больше, чем я осознавал. Некоторые из остальных должно быть заняли укрытие до нас, но я не заметил. Может быть, пятьдесят пушек ожидают орков, пока они выливаются из ярко освещенного прохода в отдающийся эхом простор.

Они больше, чем коротышки, каждый, по меньшей мере, на голову выше и почти в два раза шире. Меньше, чем Назрек, я полагаю, но это мало утешает. Орк ревет вызов, громче, чем фыркание автоганов. Басовый крик возвращается от приближающейся орды, собравшийся в единый бессловесный вой, который прокатывается подобно физической волне по нам.

Я начинаю стрелять, едва ли приходится выбирать цели, орки идут на нас плотной массой. Из-за того, что они гнались за нами на скорости, их прицел стоит меньше, чем старая банка из-под пайка в карточной игре, пули отскакивают от плиток перед нами или со свистом проносятся над головой. Пока они приближаются, они еще в паре сотен метров, я могу увидеть больше деталей. Шахматная клетка и большие пистолеты нарисованы на пластинах собранной брони, несколько из больших экземпляров со стягами на спинах показывают орочьи глифы. Назрек научил меня нескольким, и я узнаю несколько символов – *смерть, пронзать, ломать, крушить*. Они могут быть именами, или хвастовством, или угрозами, невозможно различить.

Несущаяся орда начинает разделяться. Наша позиция примерно в пятидесяти метрах в стороне от линии между входом и выходом, и добрый кусок орков направляется прямо за последними из остальных, скучковавшихся вместе, пока они пытаются выбраться. Остальные направляются прямо к нам. Если мы пойдем сейчас, чтобы перехватить группу, идущую за убегающей толпой, нас просто убьют.

Я пытаюсь сфокусировать свое разочарование во что-нибудь полезное, но нахожу себя поспешно стреляющим, гнев похож на стук в моей голове. Сумасшедшая идея захватывает меня – выбраться из ямы и рвануть прямо на орков, вырезать их своим ножом. Сквозь стрельбу я слышу проклятия и угрозы, даже какой-то смех от солдат

вокруг меня. Я могу ощущать их боевое возбуждение, ни на что не похожее, что я испытывал раньше.

Зеленый свет следует за группой, движущейся на нас. Арки зеленой энергии поднимаются вверх, пока искры танцуют на шлемах и кончиках лезвий, отбрасывая странные тени. Позади них даже еще больше орков вливаются в огромный зал, но они не направляются к нам, следуя по пятам за теми, кто направляется прямо по открытому пространству.

Назрек бормочет что-то, когда свежий наплыв зеленого света пузырится вокруг штурмового отряда орков.

«Что это было?» спрашиваю я.

«Чудила,» говорит он (Weirdboy), постукивая сбоку головы дымящимся дулом своего пистолета. «Магнит для большого зеленого. Мозговые силы. Реальный трясибашка.»

Как будто собираясь проиллюстрировать то, что Назрек имел в виду, орки разделяются, открывая кричаще разодетого орка, больше похожего на коротышку, чем на взрослого воина. Неуклюжий, держащий посох в своих руках с навершием в виде солнца, с металлическими кольцами вокруг рук и шеи, зеленые искры роятся, как мухи, вокруг него. Искры сливаются в мерцающий зеленый кулак, и Шеффер орет предупреждение за мгновение до того, как видение с воем несется к нам. Я бросаюсь на пол. Краем глаза я вижу вспышку зеленой энергии, врезающуюся в край ямы в нескольких метрах, и слышу болезненный крик одного из моих людей, пока она, пошатываясь, пятится, рука и голова объаты зеленым огнем.

Назрек испускает оглушительный вой, запрокинув голову. Сначала я подумал, что в него попало, но, когда я вижу зеленые искры, срывающиеся с клыков и из глаз, я осознаю, что это момент наслаждения, а не боли. Полагаю, надо что-то делать с большим зеленым, продолжая стрелять в зеленую орду, все еще надвигающуюся на нас.

Даже пока я стреляю, я не могу не взглянуть мельком на даже большую волну вражеских воинов, просто бегущих мимо нас, воющих и ревящих, пока они направляются прямо по залу. Могу себе представить, что некоторые из них гонятся за

более легкой добычей в виде спасающейся бегством толпы, но на орков не похоже, чтобы они игнорировали происходящий бой.

«Что они делают?» спрашиваю я Назрека, стукнув орка по плечу, чтобы привлечь его внимание.

Веревки слюны падают с его луковицеобразных губ, пока он смотрит на других ксеносов. Брови Назрека соединяются, делая лощины на его зеленом лбу.

«Кажется, убегают.»

Леденящее осознание пробегает по моей спине, когда эти слова проникают в меня. Внезапно, я вижу орков в совершенно другом свете. Вопли и рычание от страха, не гнева. Отчаяние, не кровожадность.

«Полковник! Они идут не за нами! Они убегают!»

Шеффер делает паузу между залпами из автогана и смотрит на меня, момент замешательства становится нехарактерным обеспокоенным взглядом. Он озвучивает вопрос, которого я пытаюсь избежать.

«Убегают от чего?»

Я, серьезно, не в настроении выяснять, но у нас нет никаких вариантов – орки слишком близко, чтобы мы сделали перерыв на это, и их слишком много, чтобы мы могли надеяться на победу. Смотря на зеленокожих тварей, несущихся на нас, я обретаю некоторую спокойную ясность, которая заключила меня в свои объятия, когда я упал в огненную пропасть. Я думал тогда, что это, вероятно, просто уверенность. Знание о приближающемся конце, смерти, которую не избежать. Возможно, это было чем-то еще, например, прикосновением Императора.

«Мы должны выиграть время, чтобы остальные выбрались,» говорю я, поднимая пистолет в сторону орков, направляющихся за остальными.

Давление в моей голове усиливается и спускается странная тишина, словно туман на мой слух, который приглушает топот ног орков, треск пуль. Мое сердце бьется о мою грудь, пытаюсь пробить себе путь наружу, но моя рука тверда и мой прицел уверенный.

Я нажимаю на спусковой крючок, и заряд красного света летит в орков. Я стреляю снова и снова; невозможно не попасть в кого-нибудь, но я пытаюсь отслеживать цель, чтобы попасть несколько раз в надежде свалить одного из крепких чужаков.

Кажется, больше никто не последовал моему примеру.

Сквозь грохочущий пульс я чувствую изменение вокруг меня.

«Кейдж!»

Уже не в первый раз Полковник рывкнул мое имя. Я медленно поворачиваюсь, крепко сжав зубы, пытаюсь сфокусироваться на его лице сквозь красный туман. Это просто румяный свет, я уверен.

Остальные двигаются, направляясь к рампе, и я не понимаю, почему. Мой взгляд перемещается к оркам, которые наступали на нас. Их импульс замедлился. Они разворачиваются, поднимая оружие в направлении чего-то позади них. Чудила вопит и еще один заряд изумрудной энергии улетает в темноту, направленный на их преследователей.

«Может быть, это Имперс...» Мое бормотание затихает, когда я фокусируюсь на том, что по ту сторону волны орков. Нечто большое – шести, даже семи метров в высоту – шагает целенаправленно сквозь темноту. Крылья, шире, чем у боевого самолета, распростерты позади этого и животное лицо, искаженное невообразимой яростью, сердито смотрит на все перед собой. Каждый когтистый кулак несет топор, которые мерцают болезненным черным светом, движение лезвий, пока оно приближается, оставляют кровоточащие порезы в самом воздухе. Оно одето в бронзовую броню, которая мерцает теплом, испарения кольцами вырываются из расширяющихся ноздрей. Печной жар исходит от него, приукрашенный острой вонью горячей крови. Пули отскакивают от его брони и шкуры, как будто попадают по боевому танку, оставляя вокруг него дождь из смятых пуль.

Я поворачиваюсь и бегу.

Чистый инстинкт берет верх, помещая одну ногу перед другой, снова и снова, без необходимости думать об этом. И это хорошо, потому что мой мозг, как и пуст, так и полон противоречивых мыслей. Ничто не задерживается в моей голове, только

смутное пятно страха, надежды и гнева. В нем, так же, ощущение освобождения. Свободы. Свободы, которую я не осознавал, что упустил, но ощущение прорывается сквозь меня, унося меня вперед еще быстрее.

Я мог бы продолжать бежать вечно.

Вокруг меня повсюду хаос. Орки и люди вместе врываются во ворота толпой, объединенные в нашей слепой нужде убиться от смерти за нашими спинами. Хриплые крики и высокотональные визги объединяются в постоянный шум ужаса.

Не будучи в состоянии протолкнуться дальше в давку, я поворачиваюсь, примерно в пяти метрах от арочного прохода.

Лучше бы я этого не делал.

Монстр маячит над уменьшающейся толпой ксеносов, рубя налево и направо своими кошмарными топорами, каждый удар проходит сквозь пяток орков. Я слышу его вопли в глубине своего разума, басовый удар внутри моего черепа, который доводит до суровой реальности растущее давление последних нескольких дней. Взгляд на звериное воплощение убийства наполняет меня легкостью духа, и на мгновение я страстно желаю быть с ним, видеть его силу и величие. Затем снова приходит чистый ужас, цвет исчезает со сцены и превращается в румяное пульсирование света и моего пульса, и я вижу искаленные трупы сотен орков, отраженные в броне убийцы, погнутой и блестящей от крови.

Вокруг чудовища разрастается красная волна меньших тварей из бездны. Ростом с человека, сгорбленные, с луковицеобразными головами и мертвыми, белыми сферами вместо глаз. Они несут трехгранные клинки с блестящими краями, длинные раздвоенные языки слизывают кровь орков с заостренных зубов. Некоторые больше по размеру, черные рога изгибаются назад со лбов, они одеты в богато украшенную, древнюю броню.

В воздухе кровавый туман, частично настоящие капли жизненной жидкости, хлещущей от резни, частично искажение реальности, где глубокий варп пытается истечь в смертный мир. Еще больше очертаний переплетаются в смертельном тумане, огромные медные кони, на которых ездят Нерожденные с топорами, и глотки с крыльями летучих мышей, которые проносятся, как стервятники над резней.

Из орочьей толпы вырывается заряд зеленой энергии, кружащейся, как взбесившаяся змея, пока она прорывается сквозь ряды воинов Нерожденных. Арки зеленой энергии прыгают от орка-псайкера, некоторые из них прожигают себе путь сквозь глаза его соседей, другие копьями летят в массу тварей из бездны, чтобы взорваться в облаках искр. Пока краснокожие создания направляются к орку, его заряды становятся более непостоянными и даже еще более неистовыми. Он крутится на месте, пойманный в водоворот своей собственной энергии, случайные заряды вылетают из вихря. Замерев с дрожью, орк падает на колени, медный посох соскальзывает с кончиков пальцев, сделанных из пламени. Содрогаясь, чужак откидывает голову назад, массивная челюсть широко открывается, чтобы извергнуть поток изумрудного огня. Поток психической энергии продолжается, становясь быстрее и ярче, сжигая слуг бездны дюжинами, пока орк не взрывается зеленым грибным облаком, опрокидывая на землю своих компаньонов, круговорот его разрушения разрывает на куски даже еще больше Нерожденных.

Я вспоминаю слова Назрека. Реальный трясибашка.

Рука на моем плече отвлекает меня от вида адских гончих полурептилий, скачущих сквозь останки псайкера, их вой присоединяется к воплям ярости и скрежету клинков.

Шеффер.

К нему вернулось некоторое самообладание, но я могу сказать по тому, как его глаза перескакивают с меня на приближающуюся армию бездны, что он почти напуган так, как никогда. Не говоря ни слова, он тащит меня в трясину из людей и орков, и вместе, окруженные кучкой солдат, мы движемся по живой волне в коридор по ту сторону.

С воздухом, почти выбитым из меня давкой тел, у меня нет выбора, кроме как двигаться с потоком паникующей массы. Я концентрируюсь на том, чтобы держаться на ногах, понимая, что если упаду сейчас, то попаду под ноги убегающей в панике толпы и буду затоптан в мгновение. Я уверен, что наступаю на других людей, плоский ферроокрит становится волнуяще ухабистым и мягким время от времени, но я не могу посмотреть вниз, даже если бы и хотел. С прикованным вперед взглядом, локтями и плечами пробивая себе путь вперед вместе с остальными, я могу чувствовать, что заднюю часть моей шеи покалывает, как будто от сильного тепла.

Физический пик активности уходит, замененный более продолжительным страхом – не только из-за тварей, которые не могут быть далеко позади нас, но, так же, из-за того, что происходит сейчас, окруженные дюжинами орков, хлынувшие на абсолютно неизвестную территорию. Эта толпа может перепрыгивать через край кислотной ямы, а мы никогда этого не узнаем, пока не станет слишком поздно.

Достаточно странно, но мой мозг, кажется, не в настроении придумать ясный план...

Я проверяю наше окружение в больших деталях. Коридор. Около двадцати метров шириной, тридцати метров высотой. Сводчатая крыша, большая часть сети вырвана мусорщиками, феррокрит потрескался и крошится. Движемся от ворот несколько минут, возможно, покрыли полкилометра. Здесь нет других арочных проходов, ведущих в сторону от главного прохода, ведущего один Император знает куда.

Кажется, выбор простой. Придерживаться толпы или попытаться силой выбраться и пойти в одиночку.

Стадный инстинкт – мощная вещь, даже когда половина этого стада мускулистые зеленые чужаки, которые могут снести мне лицо, будь на это хоть полшанса. С другой стороны, с интенсивность назойливого коротышки капрала, которого я когда-то знал, меня донимает мысль, что мне лучше быть самому по себе.

Ответ мне почти дан, когда коридор переходит в несколько меньших залов и спальных корпусов, неосвещенных, за исключением разросшихся очагов люминесцентных грибов. Толпа разделяется, подульевичи и ксеносы все еще вместе, пока расходятся налево и направо, другие замедляются, пока обдумывают свои варианты, создавая водовороты в бегстве, как воронки в потоке.

«Сгоревший!» выкрикивает кто-то, опознавая меня в толпе. Я чувствую постукивание на своем плече и смотрю налево, один из моих последователей протягивает пальцы, чтобы привлечь мое внимание. Ее лицо искажено страхом, щеки покрыты слезами, глаза красные, короткие волосы прилипли к черепу. «Веди нас к спасению, Сгоревший!»

Ее слова разжигают чувство надежды, напоминая мне, что Император присматривает за нами, даже в это страшное время. И, если у Него, на самом деле, есть цель для меня, Он направит меня к ней, несмотря на обстоятельства. Требуется немного веры.

«Туда,» кричу я, поднимая руку, чтобы указать в направлении, куда я хочу пойти – боковому проходу, куда уже и так направились многие из моих последователей.

«Это точно?» кричит Полковник сквозь шум спасающейся бегством толпы. «Куда он ведет?»

«Чертовски хорошо отсюда,» говорю я ему с полусумасшедшим смехом, потому что у меня нет мыслей, куда мы направляемся. «Есть лучший план?»

Я не жду ответа, а собираюсь с силами, чтобы пробиться сквозь поток людей. Сам акт сопротивления заставляет некоторых из них менять направление, как будто перекрывая поток, и несколько дюжин людей идут за мной, направляясь в почти черный, как смоль, туннель.

Мы продолжаем бежать, более размеренно, чем бегство из зала, в темпе, в котором большинство из нас еще может. Некоторые орки начинают посматривать в нашем направлении, чуждые инстинкты к битве возвращаются в их мысли. Мы спускаемся по погрузочным рампам и бежим по брошенным пристаням, где древние подземные каналы проходили до сердца Ахерона. Иногда есть свет, мерцающие люмены, запитанные от тысячелетних реакторов, затерянных где-то в плотной массе глубин улья. В другое время только несколько фонарей направляют наш прогресс, когда мы выбираем свой путь через скользкие от мха трубы и спускаемся по лестницам, которые из себя больше представляют ржавчину, чем металл.

Я потерял всякое ощущение пространства и времени. Мы можем направляться назад в центр улья или быть в нескольких километрах от открытого воздуха. В любом случае, сейчас, кажется, орда из бездны больше не у нас на пятках. Хотя, у меня такое чувство, что это не будет одноразовое мероприятие. Воспоминание о нарастающем напряжении, кипящем гнев у орков и моих людей, все указывает на вторжение ужасного размера.

Вы слышите слухи, конечно же, но никто никогда не говорит ничего вслух. Корабли, потерянные в варпе. Гарнизоны, которые исчезают. Даже бормотания об Инквизиции, уничтожающей все население планеты. *Экстерминатус*, называют они это. Пятно варпа, говорят они. Мутанты. Несанкционированные псайкеры. Иногда вы можете услышать упоминания о чужих, которые живут в том безбрежье эмпирей,

таких как поработители, которые превращают псайкеров в живые врата варпа, или мозговые скарабеи, которые питаются вашими ночными кошмарами, подпитывая ваши страхи телепатическими эманациями.

Но есть еще одно слово, запретное, которое мы все слышали. Оно звучит между строк молитв проповедников.

Демон.

Тварь не из плоти, но из самой бездны.

Мои мысли прерваны окружающим светом, когда мы покидаем подульевые доки и выходим на старую транзитную магистраль, пять платформ под разрушенным куполом из пласкрита. Здесь повсюду трещины, такие же широкие, как плечи человека, пыль падает кружащимися облаками сквозь лучи света, которые исходят от нескольких функционирующих светосфер в углублениях высоко наверху.

Удивительно, но здесь, так же, есть машины. Слой пыли и песка непотревожен, и я оглядываюсь назад, чтобы увидеть, что по обе стороны от неровного прохода, из которого мы только что вышли, кучи обломков. Запечатанный ульетрясением на века, только сейчас терминал снова стал доступен.

Группа использует пространство, чтобы разделить, люди движутся в одну сторону, наблюдая за орками, пока они смещаются на другую. Внутри грубой лачуги мы находим останки человека, все еще одетые в рабочую одежду сварщика, с несколькими инструментами поблизости.

Никакого оружия.

Я собираю людей вместе, чтобы подвести итоги того, что у нас есть, в то время как на другой стороне платформ орки начинают спорить друг с другом, с множеством взмахов клинками и выбрасыванием когтистых пальцев в нашу сторону.

На человеческой стороне вещей, большинство кажутся слишком оцепенелыми, чтобы даже думать о том, что случилось. Некоторые лежат, истощенные или напуганные, невозможно сказать. Другие в страхе бросают взгляды на нашу зеленокожую компанию. Я выдаю несколько мягко произнесенных слов тем, кто с

оружием, говоря им быть настороже, но не делать ничего агрессивного, что может спровоцировать чужих.

Это нелегкие несколько минут, пока я подвожу итог нашей ситуации.

Нас семьдесят два и, к моему удовлетворению, Назрек один из них. Осталось четырнадцать солдат, и Полковник, а из остальных моих людей здесь, у тридцати есть кое-какие пушки и большинство подобрали куски сломанных труб, клинки и все такое. Здесь, вероятно, в половину меньше орков, но – это орки, и всего лишь пятьдесят метров между нами не дадут нам достаточно времени, чтобы открыть огонь и уменьшить их численность, если они решать закончить то, что начали демоны.

Назрек бродит туда-сюда на краю нашей группы, поочередно смотря на меня и на других чужих. Он сейчас ближе всего, чем раньше, к существам своего вида после присоединения к Сгоревшему, не считая прямых боевых столкновений. Я все еще не уверен насчет большого зеленого и что он делает с ними, но я бы сказал, что его тяга становится сильнее с каждой проходящей минутой.

«Нам нужно выбрать путь отсюда и выдвигаться,» говорит Полковник. Он уже распределил своих мужчин и женщин вне группы, подобно пикетам. «Я предлагаю следовать по рельсовым путям.»

Я слышу писк Грота и Назрек оборачивается ко мне, что-то бормоча меньшему ксеносу.

«Мы не знаем, какой путь ведет из улья,» отвечаю я, пытаюсь выкинуть пристальный взгляд орка из своих мыслей. Я могу чувствовать его глаза на мне, не уверенный, что так сильно привлекло его внимание. «Если мы пойдем неправильным путем, мы направимся назад к тем... тварям.»

Полковник стискивает зубы при этой мысли, пальцы сжимаются на рукоятке его лазгана.

«Впереди их может быть еще больше,» говорит он. «Пошли разведывательные группы, чтобы найти лучший путь к поверхности. Мы сможем соединиться с Имперскими войсками так быстро, насколько возможно, после этого.»

Я слышу ворчание от Назрека и чувствую, как он подступает ближе, грибное выдыхание омывает меня. Уголком глаза я вижу, как пристальный взгляд орка движется между мной и Полковником. Назрек сутулится, мышцы напряжены.

Я вспоминаю, что последний раз, когда я видел его таким, был как раз после того, как я убил его босса, орочьего военачальника, звавшегося Железноклык.

«Мне нужно рассказать вам кое-что,» говорю я Полковнику, двигая головой, что мы должны отойти от орка. Он смотрит так, как будто собирается поспорить, и я ужесточаю свой взгляд. «Сейчас же.»

Я не жду ответа, а ухожу, повернувшись спиной к Назреку. Это доминантное движение, показывающее, что я не жду от него никакой угрозы.

«Что такое, Кейдж? У нас нет времени на споры.»

«Вы подрываете мое лидерство.»

Полковник выглядит неуверенным и складывает руки на груди.

«Твое лидерство?»

«Не стойте так, это выглядит так, как будто вы игнорируете меня.»

«Я все еще твой командир,» говорит Шеффер. «Если, конечно, ты на самом деле не дезертир?»

Это хорошая точка зрения, но у нас нет времени, чтобы обсуждать тонкости. Я могу слышать тяжело дышащего Назрека, снова подходящего ближе. Я не думаю, что у него даже есть выбор. Это – инстинкт, вроде права на размножение у меньших животных.

«Орки не следуют приказам, они следуют за лидерами,» говорю я. «В тот момент, когда большой зеленый ублюдок за моим плечом подумает, что я не во главе, он попытается бросить мне вызов, и как только он станет по главе, он снова станет настоящим орком и отдаст нас своим друзьям вон там.»

«Ты уже выиграл его подчинение,» говорит Шеффер.

«Я разнес его босса гранатой. У меня сейчас нет гранат. И он, вероятно, разорвет вас на части тоже, если вы выглядите, как угроза.»

«Я не думаю, что это угроза. Это зевота.»

«Показывая свои клыки. Мне нужно упрочить свою позицию незамедлительно и решительно.»

«Как ты планируешь--»

Мой кулак врезается в подбородок Полковника, настолько сильно, насколько я могу размахнуться. Это отвратительный запрещенный прием, тот, который я мечтал нанести уже годы. Даже в этих тяжелых обстоятельствах меня охватывает трепет удовлетворения, когда я смотрю, как Полковник откидывается назад, ноги подгибаются, но не совсем сдаются.

Я пинаю его в колено, помогая ему закончить путешествие на твердый пол. Сжимая кулаки, я делаю шаг ближе, не отрывая своих глаз от его, пока они восстанавливают фокус.

«Лежите,» говорю ему я, надеясь, что не выбил из него возможность слушать. Я вижу, как его взгляд мельком метнулся на тяжело дышащего орка, который подошел ко мне сзади. *«Лежите.»*

Я не знаю, насколько Назрек хорош в чтении человеческих черт – выражения орков весьма отличаются и более очевидны, и, может быть, всего лишь намек на неповиновение может положить конец всему.

«Убить его?» предлагает Назрек.

Я отворачиваюсь как от Полковника, так и от орка, игнорируя обоих. Я во главе, говорю я себе. Говорю, что делать и куда идти.

«Вы, четверо,» я показываю пальцем на нескольких солдат Полковника.

«Разведотряд, двести метров впереди, поглядите, сможете ли найти путь, который выведет нас наверх. Мы здесь, примерно, в полукилометре под поверхностью. Если мы не поднимемся наверх, мы можем просто идти и идти под пепельными пустошами.»

Они мешкают, но я не позволяю этому продлиться дольше, чем на вздох.

«Сейчас же! Или вы хотите сидеть здесь и ждать, пока не придет первозданный хаос и не поглотит нас всех?»

Это напоминание отправляет их в путь, и я поворачиваюсь к Назреку. Я указываю на других орков, которые внимательно наблюдают за нами.

«Если мы будем сражаться друг с другом, те варпо-твари придут сюда и убьют нас всех. Ты понимаешь?»

«Ага. Кровопарни плохие новости.»

«Ты можешь сказать это тем другим оркам? Они нападут на нас?»

«Не знаю, босс. Большой зеленый тих. Может быть, это не так хорошо.»

Альянс, кажется, может распасться в любой момент, и я, на самом деле, не могу прямо сейчас смотреть за оба плеча.

«Окей, вот план. Мы пойдем этим путем, орки могут пойти тем путем. Никаких проблем, никакой драки.»

«Я скажу им.»

Назрек рывкает на Грота, который припускает за орком, пока тот быстро идет по платформе к другим оркам.

«Есть еще одно дело, которому надо уделить внимание.» Полковник прямо за мной, и я поворачиваюсь, обнаруживая его с Охебсом. Раньше Шеффер назвал его «нулем». Что-то, связанное с подавлением варпа и псайкеров. Быть от него, всего лишь, в нескольких метрах, заставляет мою кожу покрываться мурашками, и я знаю, что не одинок в этом ощущении.

«И что мы собираемся сделать? Обняться?» ворчу я.

Охебс делает шаг ближе, и я пячусь не думая, испытывая отвращение от его присутствия. Шеффер всего чуть-чуть изменяет свое положение, смещая свой лазган, готовый поднять его и выстрелить за удар сердца.

«Кейдж...»

Я сжимаю челюсти и борюсь с физическим отвращением, которое чувствую. Я знаю, что я чист. Император изгнал тот дух из бездны из моей души и очистил меня огнем. Я знаю себя. Я не та тварь, которая убила и покалечила тех людей в верхнем улье. Это был не я.

Заставляя себя идти вперед, я смотрю в глаза Шефферу, позволяя ему видеть, что это я. Один шаг. Другой.

Я почти в двух шагах от Охебса, и не ощущаю разницы. На самом деле, я чувствую себя слегка лучше. Давление в моей голове – стук крови, который, должно быть, связан с вторжением хаоса – становится просто слабым тремором. Я поворачиваю свой взгляд на Охебса и улыбаюсь.

«Я – это я. Кейдж. Лейтенант. 13ый Штрафной Легион.»

ПЯТЬ

ПОКИДАЯ АХЕРОН

Увеличивающаяся громкость от орков начинает меня беспокоить. Единственная вещь, которая успокаивает меня, это то, что Назрек кажется больше, чем любой из них. Все еще есть множество указаний в нашем направлении, но еще больше в том направлении, откуда мы пришли. Несколько раз я вижу, как Назрек встает перед некоторыми зеленокожими, обнажая свои клыки, чтобы воспрепятствовать спорам. Прошло почти пять минут. Я не знаю, хорошо это или плохо, что они делают это так долго. Может быть, они упертые, и Назрек не может убедить их, или, может быть, они просто настолько тупы, чтобы понять мысль о перемирии.

Кажется, патовая ситуация разрешена, некоторые возбужденные прыгают к Гроту и обратно. Назрек сердито смотрит на других орков, а затем возвращается к нам. Я полагаю, что если бы все прошло плохо, остальные орки просто бы напали на нас. Я не уверен, какие у орков любезности перед боем.

«Они хотят пойти тем путем,» говорит Назрек, указывая в направлении, в котором я планировал пойти. «Сказал им, что там много Императорских парней, но они больше напуганы кровавопарнями.»

Я взвешиваю варианты. Мы просто можем отпустить их, и, по крайней мере, выдвинуться. С другой стороны, мое чутье говорит мне, что пойти по тому туннелю с рельсами – это самый быстрый путь выбраться наружу. Чем дольше мы остаемся в Ахероне, тем больше шанс, что вторжение хаоса встретится с нами.

Я уже почти готов ответить, когда волосы на моей шее встают дыбом. Парой секунд позже подходит Охебс, заставляя мою кожу покрываться мурашками даже больше.

«Что?» рычу я на него.

«Они идут,» тихо говорит он с испуганным взглядом.

Мне не нужно спрашивать, кто.

«Сколько еще?»

Он пожимает плечами, что не очень полезно.

«Когда они приходили раньше. Думай,» говорю я ему. «Сколько времени между этим ощущением и их прибытием?»

«Пара минут, не больше,» говорит он. «Нам нужно сейчас же уходить.»

«Отлично,» говорю я, снова поворачиваясь к Назреку. «Мы пойдем другим путем.»

«Ты отступаешь?» говорит он, нахмурившись от мысли. «У них не так много дакки. Мы их хорошо поломали.»

«Идут кровопарни,» говорю я, говоря так понятно, как могу, но говоря тихо. Насколько хорош у орков слух? «Мы пойдем другим путем, но мы уйдем *первыми*.»

Это авантюра. Я не знаю, поймет ли он, или это против некоторого кодекса чести орков или что-то такое. Из того, что я видел, они не слишком хороши в хитрости, но это просто из-за того, что они думают слишком прямолинейно, чтобы быть по-настоящему подлыми. Понадобилось несколько медленных секунд, чтобы идея пропитала мозг Назрека. Он кивнул и прокричал что-то другим оркам. Они захрюкали и пролаяли в ответ.

«Они смеются, но мы смеемся больше, босс,» говорит Назрек с не-очень-коварным подмигиванием – манерой, которую он перенял от людей.

«Время выдвигаться,» кричу я остальным. Я проверяю силовую ячейку своего пистолета и машу остальным выдвигаться. Полковник идет рядом со мной. «Больше нет времени для разведки – если ты ощущаешь потребность в молитве о наставлении Императора, сейчас хорошее время.»

Мы почти у туннеля, когда тепловое пощипывание на моей коже становится интенсивным. В тот же самый момент слышатся гиканья и фырканья от орков позади нас, пока Назрек напрягается, поворачиваясь с озадаченным рыком. Я чувствую кровь в воздухе, я знаю это слишком хорошо из прошлого опыта, за исключением того, что здесь, вообще-то, нечему пахнуть. Как скрежет клинков и отдаленные

крики, это не мои чувства засекают эти вещи, я чувствую их внутри своих мыслей. И возвращается сильное желание сражаться.

Я не единственный, кто останавливается в нескольких метрах от кирпичного арочного прохода, который поглощает старые рельсовые пути.

Я оборачиваюсь, сгибая свои пальцы, инстинкт бежать сменился даже еще более сильным желанием остаться и сражаться. Я хочу встретить лицом к лицу этого врага, сразить его и доказать, что я сильнее.

Противоположность каждому естественному чувству, пробегающему по моим нервам.

Воздух в дальнем конце терминала рябит от энергии бездны. Кровавые воины не то, чтобы на самом деле прибывают, сколько появляются подобно румяным теням, обретая форму и очертание, когда подходят ближе. Я чувствую крюки у себя в мозгу, натянутые цепи ярости тянут меня к рогатым, молочноглазым убийцам. Рев и воинственные кличи, грохот боевых одеяний наполняет арочное пространство, отражаясь от стен, сопровождаемые намеком на стучащие гусеницы танков и грохочущие двигатели.

Орки воют свои собственные вызовы и срываются в атаку, бросая себя на приближающихся бессмертных воинов. Искры оружейного огня и трассирующие пули прорываются сквозь материализующееся воинство, сбивая на землю нескольких из марширующей армии. Позади содрогающихся тел возникает все больше и больше краснокожих тварей, языки лижут воздух, как будто пробуя на вкус животную ярость нападающих.

Охебс движется между нами, Полковник с ним, разбивая колдовство Нерожденных.

«Бегите!» кричу я, произнося это единственное слово с величайшим усилием, борясь с каждой частью своего тела, чтобы заставить свои ноги и руки двигаться. Я ныряю в туннель, не заботясь о том, что кто-нибудь из остальных последует, зная, что орки задержат этого ужасного врага только на несколько минут.

Прошло почти двадцать лет с тех пор, как я покинул Олимпию. Двадцать лет, насколько я подсчитал, с растяжением времени в варпе и фактом, что год на

Олимпии примерно на треть короче, чем стандартная Терранская орбита. Но я вырос в подулье, и было неважно, Олимпия ли это, Армагеддон, Некромунда или Ставия: подулей есть подулей. Шестнадцать лет я провел в полутьме, с регенерируемым воздухом, регенерируемой водой. Я помню, когда нас доставили в доки, чтобы погрузить на транспортники Астра Милитарум, набитые толпами клерков Департаменто Муниторум и болванами Имперского Командующего Хефа. Свет солнца Олимпии, даже сквозь слой токсичных облаков, был таким ярким, что было больно даже просто находиться снаружи. Но воздух. Сладкий, сладкий воздух был тем, что я себе никогда не представлял.

Итак, я, с некоторой уверенностью, объявляю, что мы почти у поверхности. Атмосфера Армагеддона медленно унесет десятилетие из вашей жизни, вздох за вздохом, но малейший намек на нее был сквозняком от чистейшего выдоха Императора. Из Его бессмертных легких в мои, наполняя меня жизнью и энергией.

Под ногами песок, предвестник пепельных заносов, которые ждут нас на поверхности, просочившийся в подулей сквозь системы жизнеобеспечения, напрямую соединенные с внешним миром. Еще нет чистого света, но уже скоро.

«Ты уверен?» спрашивает Полковник.

«Он прав, сэр,» говорит одна из солдат, которая пришла с нами. Нас все еще не представили, но я узнаю эмблему полка Армагеддона на рукаве ее грязной рубашки. «Я родилась в Аиде, я узнаю этот пепельный запах везде. До уровня поверхности не может быть больше километра или двух.»

Остальные толпятся рядом, некоторые смотрят с надеждой, другие взволнованы новостями. Один из этой второй группы – высокий, жилистый мордоворот из моих по имени Харла – озвучивает их беспокойство.

«И что потом?» говорит он, пальцы сжимают гаечный ключ, который он держит в одной руке, другая тербит лазерный пистолет в кобуре на поясе. Он указывает на грубую аквилу, вытатуированную на его щеке, цифра шесть в круге ниже ее. «Если я вернусь, меня ждет или работа по разминированию или обязанности камикадзе.»

Остальные добавляют свое собственное недовольство при мысли о возвращении к Имперским линиям. Некоторые из них встают полукругом позади Полковника и кучки солдат с ним, поднимая свое оружие.

«Солдаты Императора пристрелят Назрека,» говорит орк, сопровождаемый оживленным писком и жестикулированием от Грота.

У орка хорошая точка зрения. Я не могу представить себе, что комиссары и полковники Императора просто впустят нарядного Назрека в один из своих лагерей. Я не могу ничего обещать, потому что, как только мы окажемся под пушками Имперской Гвардии, Полковник снова обретет контроль, в этом у меня нет сомнений.

«Ахерон больше не безопасен для вас,» говорит им Полковник, поворачивая голову в одну сторону, затем в другую, чтобы посмотреть на каждого по очереди. «Я пришел только за Кейджем, остальные свободны пойти тем путем, какой выберите.»

«Сгоревший один из нас,» говорит Карсте, проталкиваясь в переднюю часть толпы. Она где-то по пути взяла автоган и направляет его на Полковника.

Харла поддерживает ее кивком.

«Мы не можем вернуться в армию, Сгоревший. Мы должны превратить этих фраггеров в грязь. Спрячемся в пустошах, сделаем все по-своему. Ты сделал это однажды, ты сможешь сделать это снова.»

«Заманчивое предложение, но я не уверен, что знаю первую вещь о выживании в пустошах.»

«Император покажет нам путь. Покажет *тебе* путь, Сгоревший,» добавляет кто-то позади меня.

«Не похоже на то, что всемогущий Повелитель Терры вручил красиво сформулированные заметки и карту,» резко бросаю я, не желая ничего из этого прямо сейчас.

Неправильный ход. Несколько раздосадованных бормотаний, несколько резких втягиваний воздуха. Я сопротивляюсь желанию тотчас проверить Назрека, опасаясь,

что этот акт сам по себе может показать слабость, но я могу ощущать его присутствие где-то слева от меня.

Я смотрю в направлении, откуда мы пришли, на сумрачный ряд комнат, которые выглядят, как камеры или общие спальни, тяжело понять без мебели. «Вы хотите сделать это здесь? Те кошмарные твари приближаются, а вы хотите стоять тут и обсуждать, что делать?»

«Куда ты ведешь нас?» требует Харла.

До того, как я могу ответить, знакомое показывание на коже накрывает меня. Остальные чувствуют это, их беспокойство растет. Нерожденные приближаются, похожий на жар из кузни, который движется перед ними, касается кожи.

«Хватит задавать неправильный вопрос,» рычу я. «Я увожу вас *отсюда*. Это то, на чем мы все всё еще должны фокусироваться. Одна проблема за раз. Выберемся из Ахерона, а затем поглядим, что происходит, верно? Может быть, орки повсюду, и некуда идти. Или, может быть, приближается Гвардия, с танками и сверкающими пушками, видя орков, созревших для сбора. Я просто знаю одну вещь. Мы продолжаем идти или нас поймают. Вы мне верите?»

Это не точное обращение Святого Себастиана к Первому Синоду, но в сочетании с неминуемой угрозой нападения это, кажется, сработало. Мои бандиты отступают, успокаиваясь в своих угрозах к Полковнику и его солдатам. Я возглавляю шествие с Полковником и смесью из моих людей и людей Шеффера, по десять с каждой стороны. Мы идем впереди основной группы, выбирая путь через кучи раздробленного феррокрита и расколотого пластика. Потолочные балки – пласталь, покрытая пятнами ржавчины – угрожающе провисают, и мы кричим остальным поспешать за нами. Я следую за своим носом, время от времени консультируясь с рядовой из Аида, которая сказала мне, что ее зовут Террик, хотя я не уверен, фамилия ли это или имя.

Стук крови опять начинается, пульсируя у меня в груди, давая мне головную боль и наполняя мое тело давлением, пока не ощущается так, как будто мои артерии взорвутся. Я не осмеливаюсь посмотреть назад, когда некоторые из остальных выкрикивают предупреждение, а иду дальше в руины впереди, отчаянно пытаюсь

найти путь вперед. Острые глаза Террик находят лазейку в склоне из смещенного материала, который почти похоронил канал техобслуживания. Здесь есть пространство только для одного за раз, поэтому я посылаю туда сначала Террик, а затем нескольких других до того, как забираюсь туда сам.

Это тяжело, ползти на четвереньках, но мысль об одной из тех кровавых тварей, хватающей меня сзади, потрясаяще стимулирует, и я клянусь, что ползу так же быстро, как если бы бежал. Я слышу дыхание в канале, близкое и резкое, но говорю себе, что это просто человек позади меня. Нет времени посмотреть, просто надо продолжать двигаться, продолжать оставаться в живых.

Я задумываюсь, стоило ли мне задержаться, выиграть время для остальных, но сейчас уже слишком поздно.

Я не многое вижу за остальными впереди, но после, примерно, сорока метров ползания у меня ощущение, что стало больше света. Более мягкий, более оранжевый, чем большинство люменов или светолент. Я слышу грохот чего-то, падающего на участок лазейки, а затем слышу крик спереди. Продолжительный крик сзади заставляет меня ползти вперед даже еще быстрее, игнорируя боль в коленях и металлические занозы в ладонях.

Еще двадцать метров приводят меня к концу канала и в широкий зал. Слева идет дневной свет, пробивающийся сквозь то, что однажды было богато украшенными окнами, теперь разбитыми либо орочьей атакой, либо Имперской осадой. Мало что осталось от мебели, кроме обломков, в дальнем конце прямоугольного зала воронка, за ней стена обрушилась, отрезая любое дальнейшее продвижение.

«Зубы Императора!» выругался я, полностью вытаскивая себя из грязи. Я осматриваюсь вокруг, но окна слишком высоко, чтобы до них добраться.

«В ловушке,» говорит Харла, выплевывая пыль.

На мгновение, кажется, что над головой плывут облака, освещающие разбитые останки ступеней, ведущих наверх.

«Знак,» выкрикивает Карсте позади меня. «Смотри, как Император освещает тебе путь, Сгоревший.»

«Иди!» говорю я, подтолкнув Карсте. Еще больше людей вылезают из лазейки, окровавленные и с синяками, покрытые потом и грязью, и я отправляю их вперед. Грот выбегает наружу, обнажая острые маленькие клыки в ухмылке. Назрек появляется сразу за ним, широкие плечи почти застряли там, где упавшая каменная кладка свела металл ближе. Я хватаю его за руку и вытаскиваю орка. Полковник прямо за ним.

«Я не думаю, что призракам из бездны нужно ползти по каналам,» говорю я, пытаюсь сразу смотреть во всех направлениях.

«Нет, не нужно,» отвечает Шеффер. Не сговариваясь, мы стоим почти спина к спине, направляя оружие на потрескавшуюся каменную стену, под которой мы только что проползли. Несколько остальных остаются с нами, с оружием наготове, направляя его на различные точки входа в зал. Стук от еще большего количества людей, вылезающих из канала, заставляет меня вздрогнуть, и несколькими секундами позже появляется Охебс, с широкими глазами, его лицо выглядит почти лихорадочным от пота, в то время, как его взгляд мечется вокруг, не фокусируясь ни на чем.

«Прямо позади меня,» хрипит он. «Прямо позади меня. Прямо...»

Кажется, он расслабляется, на его лице появляется странная улыбка, а затем он падает. Я могу слышать царапание, но, кажется, оно не становится ближе.

«Больше никого нет.»

«Бьемся здесь,» ворчит Назрек, шагая туда-сюда, как зверь в клетке, размахивая чоппой и пистолетом.

«Ты можешь чувствовать кровь в большом зеленом?»

Он останавливается, наклонив голову, как будто прислушивается.

«Неа. Нет большого зеленого. Не большой. Маленький зеленый. Я и Грот.» Орк трясет своей массивной головой. «Нет кровопарней.»

«Хватай его,» говорю я, указывая пистолетом на Охебса.

Я направляюсь к лестнице за остальными. Парой минут позже, после восхождения по продуваемой ветром, засыпанной обломками лестнице, я обнаруживаю себя на

плоской крыше между двумя квадратными башнями, покосившимися, но целыми, над головой дымное небо, испачканное красными облаками. Ахерон возносится на километры над нами и по обе стороны, такой же массивный, как гора, зазубренная и с обломанными верхушками. Но я узнаю, где мы, контур выступающего здания и контрфорсы, которые поддерживают его.

Часовня. Храм Императора.

«Фраг меня, это, действительно, чудо,» говорю я никому в частности.

Часовня являются частью образования около двух километров в длину, выдающегося из южных склонов Ахерона. Тяжело что-то увидеть, смог от промышленности и войны покрывает все, нарушенный только непостоянными порывами ветра. Глядя на обломки, которые навалены по обе стороны, кажется, что целый кусок оболочки улья соскользнул вниз с нескольких километров, похоронив почти все, но, каким-то образом, часовня уцелела. Кроме ветра, единственные звуки – это отдаленный грохот артиллерии и случайные визги реактивных двигателей далеко наверху, скрытые румяными облаками.

Чего тут нет, к облегчению многих, это каких-либо признаков демонов.

«Здесь ничего нет,» кричит Карсте с самого дальнего края крыши, над тем, что я думаю, когда-то было комнатами для одежды проповедников. Все здание сверху имеет форму стилизованной «I» с разрушенными аркбутанами, которые когда-то формировали поперечины в середине. Четыре башни близки к тому, чтобы рухнуть, россыпи кирпича и куски известкового раствора лежат на потрескавшемся феррокрите крыши между ними. Несмотря на это, Харла осмелился забраться на одну рядом с главным входом, по покрытой ямками облицовке улья. Сложив руки чашечкой у рта, он кричит вниз.

«Не вижу никаких варпорожденных отсюда!»

Я показываю ему большие пальцы вверх и подаю ему знак начать опасный спуск вниз.

«Никаких слуг бездны,» говорю я Полковнику. Мы стоим на мостках возле края крыши, смотря вниз на пропасть в несколько сотен метров глубиной. Никаких

признаков того, что там внизу что-то движется. «Может быть, какая-то сила часовни?»

«Это возможно.» Он выпрямляется, слегка нахмутив лоб. «Должно быть, здесь нечто большее, чем это. Строение улья практически не препятствует появлению призванных из варпа. Почему мы не видим их, появляющихся вокруг нас?»

Я чешу затылок, чувствуя охлаждающее дуновение ветерка на коже, которой не касался открытый воздух больше года. Нет никакого тепла, никаких покалывающих ощущений.

«Я не чувствую их, а вы?»

Шеффер мотает головой.

«Никакого гнетущего присутствия,» соглашается он.

Я поднимаю взгляд на мрачное безбрежье улья, представляя сцены бойни внутри.

«Бои все еще идут внутри,» говорю я, царапая шрам на своем подбородке. «В улье и верхнем шпиле все еще много людей и орков. Посланник, который прокатился в моем мозгу, казалось питался... Страдание и жестокость, он расшевелил это все, делал ужасные вещи, чтобы подпитать себя, я полагаю. Может быть, демоны были привлечены бойней. Если мы будем держаться подальше от проблем...»

Тяжелый топот сапог привлек наше внимание к приближению Назрека. Орк выглядит страдающим.

«Здесь зеленого нет,» грохочет он. «Просто зеленая планета. Какой план, босс?»

«Ты не чувствуешь крови в зеленом?» спрашиваю я, подтверждая свои подозрения.

«Ни крови, ни зеленого.»

«Мы не можем вернуться в Ахерон,» говорит Полковник. Я бросаю на него предупреждающий взгляд, чтобы напомнить ему, что мне нужно быть во главе. Он принимает мое значение с кислым взглядом. «Куда ты хочешь пойти? Имперская линия сама по себе проходит в десяти километрах. В этой зоне мало присутствия – Ахерон - это кампания сдерживания, ничего больше.»

Сорок три выживших добрались до часовни, включая меня, большинство из них сидят кучками под защитой башен в передней части. Некоторые из наиболее сообразительных распределились по крыше для наблюдения. Несколько человек собрались поблизости, чтобы послушать разговор. Карсте выходит вперед. Она представляет собой печальное зрелище, ее волосы в грязи и спадают на лицо, куртка с заклепками порвана, окровавленная повязка у нее на левой руке. Но выражение ее лица – совсем не сожаление. В ее глазах огонь, которого я не видел раньше. Катастрофа ломает некоторых людей и делает из них других.

«Мы должны предупредить кого-нибудь о том, что происходит,» говорит она.
«Насчет... нападения?»

«Я полагаю, что Имперские власти уже знают,» говорит Шеффер, и многозначительно смотрит вверх.

Над нами, каким-то образом видимое сквозь мрак, небо доминирует на тем, что выглядит, как наспех нарисованная спираль, пульсирующий вход в самую реальность. Куда бы я не посмотрел, это в центре моего зрения. Я практически могу чувствовать пагубные энергии, сочащиеся из нее, осевшей на Армагеддоне подобно нематериальным ядерным осадкам.

«Нам нужно увести всех в убежище,» говорю я, бросая взгляд на жалкую толпу своих последователей. «Орки, мусорщики, воины из бездны... Одни из них доберутся до нас, раньше или позже.» Я делаю глубокий вдох, готовя себя, и смотрю на Полковника. «Я не думаю, что мы найдем безопасное место где-нибудь еще, кроме Имперских сил.»

Раздаются несколько протестующих выкриков, несколько от облегчения. Я поворачиваюсь к Назреку.

«Прости, я не знаю, что случится с тобой. Если ты хочешь уйти и найти орков, ты должен пойти и сделать это.»

«Назрек еще не уходит. Еще будет бой.» Грот что-то ворчит рядом с ногой Назрека и ему отвечает сапог с металлическим носком, отправляя его хромать прочь по крыше, визжа, как раненая птица. «Все еще следую за Сгоревшим боссом.»

Я уставляюсь на перемещающиеся клубы дыма и токсичных испарений, которые скапливаются и разлетаются вокруг похожего на подножие горы основания улья. В отдаленном мраке, мне кажется, что вижу блестящие пятна, может быть вспышки артиллерии, хотя это, на самом деле, это может быть все, что угодно. Десять километров не звучит, как нечто существенное, но это по чистым песчаным заносам и пепельным дюнам. Человек может потеряться за минуты, или упасть в кислотную яму, или быть проглоченным карстовой воронкой. Я возношу тихую молитву о том, чтобы там не было кислотных ливней, и о том, чтобы мы не попали в карман с мутагенным газом или в токсичное облако.

И не будем забывать о демонах, мусорщиках и орках.

«Ладно,» говорю я остальным. «Выдвигаемся.»

ШЕСТЬ

В ПУСТОШИ

Вы когда-нибудь пробовали проглотить полный рот соли, а затем запить ее горячим песком? Вот это каждый вдох, пока мы прокладываем себе путь в пустоши. Через несколько минут Улей Ахерон становится просто темным пятном в тумане, в то время, как адский разлом продолжает корчиться и двигаться, пристально смотря на нас отовсюду. Нижний слой основания улья дает путь к пепельным потокам, серому морю из постоянно движущихся дюн и волн. Частицы сверкают на ветру, почти красивые, когда на них попадает свет – смертельные, если вдохнуть большое количество.

Тысячелетие строительства и разрушения сделали невозможным узнать, где заканчивается город-улей, и где начинаются пустоши. Что рубеж веков начал, война с орками закончила. Потрескавшиеся ферроокритовые скалы прорезают дренажные реки, которые блестят своим собственным болезненным светом, падая с водопадов, созданных сломанными, наполовину расплавленными пластековыми балками, проливаясь в озера плазменных кратеров. Тут и там знакомые очертания выступают из шлаковых холмов, как, например, зубчатые стены старой сторожевой башни или высокие, узкие окна какого-то древнего завода или фабрики. Старые мусоросжигательные печи и скелетные останки разграбленных печных заводов нарушают плоскогорья из потрескавшихся керамических плиток, узоры на которых давным-давно исчезли от переносимой воздухом пылью. Кислотные речушки прорезали случайные пути вниз по искусственному горному склону, и мы закрываем свои глаза от испарений, зарывая свои лица во все, что можем, чтобы избежать жгучей дымки. Согнутые балки предоставляют мосты над заброшенными местами горных работ, камни, смещенные нашим продвижением, падают невероятное количество времени до того, как звук от их падения эхом возвращается к нам.

Медленно, структура дает путь к волнистым холмам из обломков, отмеченных шрамами от дрелей и дырками от ломов в тех местах, где мусорщики пытались вытащить несколько драгоценных крупниц металла. Мы проходим случайно

попадающиеся ворота и дверные проемы, распахнутые, как гробницы старых королей, о которых я слышал, и, соответственно, разграбленные, хотя больше ради археотека, чем королевских сокровищ. Останки старых городов, торговых станций, которые, может быть, стояли сотни лет, теперь уже стерло ветром и кислотным дождем, разрушенные снарядами Имперской Гвардии и торпедами кораблей Флота на орбите.

Тут и там мы натыкаемся на дыры, на вид идеально пробуренные в твердой поверхности, около трех в диаметре, их боковые поверхности идеально гладкие, как стекло.

«Лучи лэнсов,» объясняет Полковник, ссылаясь на массивные лазерные батареи боевых кораблей Императора. Кто знает, на что они нацеливались, если вообще на что-то, среди неразличимых руин прошлых поколений. Орки в движении? Вспышка сенсора? Неточные координаты?

Это напоминает мне о Коританоруме и сумасшедшем ублюдке Страйдене. Единственной персоне, насколько я знаю, которая вызвалась добровольцем на одну из миссий в один конец Полковника. И Император, должно быть, благословил его, потому что он вышел с другой стороны живым и с нетронутыми конечностями. Держу пари, что могу посчитать на одной руке, может быть на двух, людей, которые когда-либо возвращались с миссии Последних Шансов. Полковник, естественно. И я, каким-то образом, прошел через три экскурсии с ним, хотя я, серьезно, не знаю, считать ли ликвидацию вон Страба выживанием, или нет. Я должен быть мертв. Серьезно, искренне, сгореть до пепла. Я хотел умереть, но этого не произошло.

Может быть, Армагеддон получит меня, думаю я, пока мы спускаемся вниз по рушащимся рокритовым блокам в пустоши.

Никто не подготовлен для этого. Становится холоднее, пока мы удаляемся от последних окраин Ахерона, ветер серьезно кусает обнаженную плоть. Никаких шарфов, чтобы закрыть свои рты, никаких плащей, чтобы защитить тела и руки, никаких головных уборов, кроме нескольких шлемов, которые есть у нас. Только у половины из нас есть оружие, и это, если мы считаем оружием несколько маленьких ножей и импровизированных дубин. Ни воды, ни еды.

Десять километров, продолжаю говорить я себе. Десять километров, и мы будем рядом с Имперскими лагерями. Так думает Полковник. Десять километров. Три часа? Может быть, четыре, в данных условиях. Если мы наткнемся на пикет или патруль, возможно, даже раньше.

Несмотря на очевидную простоту задачи, внутри я знаю, что никогда не бывает так легко. Если у Императора, на самом деле, есть путь, проложенный для меня, Он, я уверен, посмеивается на Золотом Троне, подбрасывая веселые, угрожающие жизни препятствия на моем пути каждый раз, который у Него есть.

У меня есть много времени, чтобы подумать об этом, потому что никто не хочет разговаривать. Просто открывание рта – это приглашение втянуть полные легкие бритвенного дождя – металла и пластика, поднятых в атмосферу войной, превратившихся в игольчатые осколки от постоянного движения и плазменного разряда, втянутых в верхние слои воздуха термальными взрывами, а затем нежно уложенных по пустошам влиянием орбитальных бомбардировок.

Армагеддон. Вероятно, самое худшее место, в которое Его Божественное Величество мог поместить меня, за исключением поездки на Катачан. Это была уже тысячелетняя дерьмовая дыра, индустрии улья отрывали загрязнения так долго, что никто не знал, на что это раньше было похоже. Только экваториальные джунгли представляли собой подобие родной жизни, все остальное – это пепельные пустоши или блестящие моря гудрона или кислотные гейзеры полярных регионов.

Но это был просто твой повседневный ад, в котором продолжаешь жить. Терпимо, если не приятно. Когда Зверь Газкулл вернулся, стало намного хуже, очень быстро. Этому орочьему ублюдку не нравилось, что его побили раньше, и он помнил, кто был главной причиной этого – Яррик, комиссар, Герой Империиума. Улей Аид остановил орков ранее, так что Зверь в этот раз сбросил на него астероид. Геотермы взорвались, создавая этот сумеречный смог, вулканическая зима объяла большую часть континента. Один Император знает, какие токсины, артиллерийские орудия и специальные боеприпасы были потрачены, чтобы выгнать орков, но от радиационных зон до прометиевых рек, едва ли был квадратный километр земли, который не был бы покрыт шрамами от конфликта. Воздух, погода, все было затронуто им.

А внутри территорий орков, как в Ахероне и частях джунглей, должно было быть намного хуже. Забытые орками территории, как та, через которую мы прошли, но в огромном масштабе.

Внезапно я вспоминаю о пленниках, которых мы освободили. Я не могу вспомнить, когда видел их в последний раз. Когда появились Нерожденные, я полагаю, что люди, несущие их, решили избавиться от груза, и я не могу сказать, что виню их. О чем я думал? Просто пытался доказать, что Полковник ошибается? Тупо, расточительно. Возможно, посодействовал тому, что еще больше из нас убили. Вероятно, так.

Закутанный в эти мрачные мысли, я почти упустил движение в кружащейся дымке. Шикающее предупреждение от Полковника и внезапная активность вокруг меня привлекают мое внимание к остальным, готовящим свое оружие.

Я не чувствую демонический жар, так что моя первая мысль – это орки. Поднимая свой пистолет, я готовлюсь открыть огонь в тот самый момент, как увижу клыкастое лицо.

Харла кричит сзади, предупреждая нас о присутствии еще большего числа расплывчатых силуэтов, которые следуют за нами. Полувидимые фигуры появляются и исчезают в румяных вихрях смога. Не прямо позади нас, но приближающиеся под углом. Умный, хороший шаблон засады. Орки иногда нападают на вас спереди и сзади и в конечном итоге попадают друг в друга промахнувшимися выстрелами. Эти люди знают, что они делают.

Так что, не орки. Они могут быть хитрыми, но редко терпеливыми. Если бы это были орки, они бы уже начали нападение.

«Подождите,» говорю я, пытаюсь сохранять спокойствие.

Может быть, это демоны? Не достаточное их количество, чтобы быть причиной покалывающего ощущения, но, может быть, начинающие появляться снаружи Ахерона? Я бросаю взгляд вверх, не в состоянии остановить себя, приковывая глаза к угрожающему кругу из энергии, пульсирующему в небесах.

Мысль о том, что это может быть патруль, вселяет трепет надежды в мое сердце. Это быстро проходит, когда я вижу, как несколько смутных фигур принимают более определенные очертания. Фигуры закутаны в плащи и шарфы, лица скрыты за масками и затемненными очками, яркие ленты и флажки привязаны к их длинноствольным лазганам и рукояткам клинков на их поясах. Не просто украшения, вспышки цвета на фоне унылой серости пустошей помогают им отслеживать друг друга.

Мусорщики.

Судя по их организации и числу, не просто какая-то группа мусорщиков, шатающаяся рядом с основанием улья в надежде найти вход внутрь. Скорее кочевники пепельных пустошей, рожденные и выросшие в них, перемещающие свою торговлю и свои нападения от одной песчаной чаши к другой. Я насчитал тридцать, и еще больше на расстоянии. Более низкие, вероятно, дети. Поблизости должны быть еще, охраняющие караван.

Технически, нас не превосходят числом, но нас, определенно, превосходят в оружии, и мы в плохой позиции.

«Фраговы мусорные крысы,» ворчит кто-то справа от меня.

«Никому ничего не делать,» резко бросаю я, слегка опуская свой пистолет. «Опустите оружие.»

Некоторые мешкают. Харла бросает кислый взгляд на меня.

«Я не позволю им сделать первый выстрел, Сгоревший. Ты знаешь, что эти дикари делают с людьми? Лучше сдохнуть, чем тебя продадут.»

«Если бы они собирались напасть на нас, они бы уже открыли огонь,» говорит Полковник, как будто читая мои мысли. «У них было множество благоприятных возможностей нанести первый удар, но они ими не воспользовались. Это предполагает, что они хотят поговорить, а не сражаться.»

«Что означает, опустите свои фраговы пушки и ничего не начинайте,» добавляю я. Я бросаю взгляд на Назрека. «Ты понял? Пока не деремся. Может быть, друзья.»

Орк смотрит на незнакомцев с открытой враждебностью, но опускает руки по бокам, с колуном и пистолетом в руке.

Хруст шагов заставляет нас всех обернуться, чтобы увидеть троицу приближающихся мусорщиков, их винтовки висят на спинах, руки отодвинуты от боков, чтобы показать свои мирные намерения. Судя по строению, что обманчиво исходя из окружающих условий и одежд, я бы сказал, что две женщины и намного более высокий мужчина, но это, серьезно, всего лишь предположение. Под слоями защитных одеяний и накидок они могут быть чем угодно. Остальные держаться позади, видимые, но перемещающиеся так же, как маскирующие клубы дыма, держа нас в неведении касательно их точных позиций.

«Никому ничего не говорить,» говорю я своим людям, бросая на них предупреждающий взгляд, пока мы ждем прибытия делегации мусорщиков. «Нам не нужно еще больше врагов.»

Тень на моем плече раскрывает прибытие Шеффера. Я могу сказать, что у него зудит, чтобы отдать приказы, чтобы напасть, и, должно быть, его сжигает изнутри то, что он уступает место мне. Интересно, сделает ли он это. Готовый рискнуть столкнуться с вызовом Назрека теперь, когда мы далеко от других орков.

«Какие у тебя намерения, Кейдж?» тихо говорит он.

«Остаться в живых. Сказать все, что угодно, чтобы так и было.»

«Любая помощь, которую они окажут, будет временной. Раньше или позже тебе придется вернуться в Имперскую зону.»

«Это то, о чем вы беспокоитесь? Что я брошу вас ради шанса жить, как мусорщик? Я оскорблен, Полковник. Этого никогда не было у меня в мыслях.» Но теперь, когда Шеффер обратил мое внимание на эту идею, я немного обдумываю ее, пока смотрю, как три мусорщика осторожно поднимаются по склону пепельного наноса. У них элегантный, спокойный способ ходьбы, который кажется неспешным и не тревожит слишком сильно поверхностный слой. Смогу ли я научиться такому трюку? Смогу ли я жить такой жизнью, оставаясь на шаг впереди от голодной смерти и обезвоживания?

Не для меня, я предпочитаю, чтобы мои потенциальные угрозы смерти были внезапными и жестокими, а не длительными и скучными.

Я убираю пистолет в кобуру и поднимаю пустую руку в приветствии, другая на рукояти моего ножа.

Самый высокий мусорщик слегка отделяется от остальных двоих, рука, закутанная в узкие повязки, поднимается к маске-черепу под капюшоном. Я слышу легкое шипение отсоединяющегося респиратора, когда маска отодвигается, открывая кожу, более темную, чем моя, два изумрудных глаза с интересом пристально смотрят на меня. Полные губы и впалые щеки. Может и женщина, в конце концов. Ее смущающий взгляд движется к остальным, а затем обратно ко мне.

Она поворачивает голову и что-то произносит на диалекте, который я раньше не слышал, и получает в ответ смех от остальных двоих.

«Что смешного?» спрашиваю я.

«Ты ошибиться поворотом, ульевик?» говорит мусорщица, без какого-либо яда. Ее губы формируют широкую улыбку. «Ты выглядеть, как дерьмо ржавоугря, а пахнуть еще хуже.»

Я смотрю на нее несколько секунд, не совсем уверенный в том, что делать, а затем разражаюсь смехом. Шутка не настолько смешная, но последние несколько часов сдерживаемого безумия просто нашли выход и понадобилась почти минута прежде чем я могу подобрать какие-нибудь слова.

«Должно быть, мы слегка увлеклись,» говорю я ей. Пока моя истерия стихает, я осознаю присутствие других мусорщиков. Они все еще держат нас в поле зрения, и все это может быть изощренным обманом, не важно, что говорит Полковник. Я рискую поделиться информацией, чтобы все оставалось цивилизованным. «Меня зовут Кейдж.»

«Орская,» отвечает она. «Орская Эдрауск, дочь Адры Нуриен.»

«Это твои земли? Мы не хотели вторгаться.»

Я вижу, как трое мусорщиков напрягаются, и смотрят на что-то позади меня. Медленно поворачивая голову, я вижу Назрека, бормочущего что-то себе под нос, слегка покачивающегося влево и вправо.

«Назрек со мной,» говорю я, хотя что это означает для мусорщиков, остается спорным. Это, так же, напоминание, что мне нужно осторожно подбирать слова перед орком.

Орска возвращает свое внимание ко мне.

«Нет, это не чьи-то земли, больше нет, с тех пор, как *Звериз* вернутся. Обнаружить ваши следы, когда мы погружаться в пепел на основании улья, сделать такой беспорядок, думать вы *орик*. К счастью ваши большие рты показать нам, что нет.» Ее глаза переместились к Назреку, расчетливый взгляд. «По крайней мере, не все.»

«Видишь это?» я указываю вверх на рану в небе. Она кивает. «Это – плохие новости для нас всех. Ахерон кишит низшими демонами, и не пройдет много времени до того, как они полезут наружу отовсюду, бьюсь об заклад. Может быть, идут уже прямо сейчас.»

«Мы уже имеем плохое время,» говорит она мне, ее выражение лица становится мрачным. «Наша *витчя* не проснуться. Сон-убийца, ужас убить ее.»

Я не уверен, что сказать дальше, но мои глаза улавливают движение. Я рванул вперед не задумываясь, видя извивающееся движение в пепле в паре метров от левой ноги Орски. Черная с серым змея выпрыгивает из склона дюны, но я достаточно близко, чтобы схватить ее позади головы, нож в другой моей руке проходит сквозь нижнюю челюсть, наглухо закрывая ее пасть. Она бьется в конвульсиях, почти отбрасывая меня в сторону, когда больше ее безмерной длины раскручивается из пепла. Я слышу тревожные крики сзади. Спутники Орски приходят мне на помощь, когда я падаю на спину, мечущаяся змея пытается вырваться из моей хватки, зловонная кровь хлещет из ее раны. Вдвоем они оттаскивают меня от нее и быстро ее обезглавливают, позволяя телу упасть на пепел у моих ног.

Мгновение я лежу, не совсем уверенный в том, что произошло, ощущая, как капля крови змеи стекает по моей щеке. Орска наклоняется надо мной и вытирает ее рукавом перед тем, как предложить мне руку, чтобы поднять меня. Она выше меня

сантиметров на десять, а ее хватка такая же сильная, как и любая, которую я ощущал в Гвардии.

«*Стриквена*,» говорит она, смотря вниз на безголовый труп, сползающий по склону. Она возвращает свое внимание ко мне. «Удар-гадюка, или, может быть, пустозуб твои люди звать ее. Смертельная.»

«Не стоит благодарностей.»

Ее глаза сужаются, и она делает шаг назад.

«Никто двигаться быстрее, чем удар-гадюка.»

«Инстинкт, вот и все. Должно быть, видел ее движение, но не осознавал. Я оставался в живых долгое время просто действуя без раздумий.»

«И теперь я жива тоже.»

«Я полагаю, теперь ты мне обязана жизнью, или что-то такое?»

Она ухмыляется мне, трясая головой.

«Я не выстрелить тебе в левый глаз десять минут назад. Я должна тебе дерьмо и ничего. Можешь получить и то, и другое.»

Я снова смеюсь, ошеломленный ее прямолинейной манерой поведения. Я жил рядом с несколькими очень интересными людьми – если ваше определение интересного – это воровство, кровожадность, корысть и безумие – но Орскя кажется отличной от них всех. Большинство 'свободных ораторов', которых я знал, извергают свои собственные предвзятые мнения, восстают против дисциплины Имперской Гвардии, пытаются шокировать своей, так называемой, искренностью. Они хотят реакции, чтобы оправдать свое существование. В Орске нет позерства. Она просто говорит то, что имеет в виду. Я полагаю, жизнь в пустошах, на самом деле, не оставляет места для деликатностей.

Она напрягается, и ее спутники делают шаг вперед, пока кто-то спускается по склону к нам. Я поворачиваюсь и вижу, что это Полковник, и подавляю вздох раздражения.

«Я – Полковник Шеффер, старший офицер,» говорит он, метнув на меня взгляд, провоцируя меня на возражение. Технически он прав, он, определенно, выше меня по званию, и ему не нужно объявлять, что он командует. «Каковы ваши намерения?»

«Намерения, Полковник?» Орскя пожимает плечами. «Нет намерений. Теперь мы вас видеть, нам не интересно. Мы собирать останки армейских лагерей хорошо эти последние дни. Вы? Нечем торговать. Нечего украсть.»

«Вы знаете путь назад к Имперским линиям?»

«Что вы имеете в виду?»

«Имперские силы,» объясняю я. «Окопы, бункеры, танки и солдаты? Здесь, неподалеку, укрепления, охраняющие Ахерон. Где они?»

«Они уйти.»

Шеффер ворчит, затем мотает головой, озадаченный.

«Полмиллиона Имперских Гвардейцев не могут просто уйти.»

«Как долго вы искали меня?» спрашиваю я, удивляясь, как это Полковник мог не знать о перемещении целой армейской группы.

«Армия идти юг,» говорит Орскя, указывая за мое плечо. «В спешке тоже. Четыре дня назад?»

«Пять,» поправляет ее один из мусорщиков. Он хлопает по своему бедру. «Был день Аланца сломала свою ногу.»

«Ах, пять дней назад.»

«Куда они ушли?» спрашивает Полковник, явно раздраженный этим открытием. Он бросает взгляд на меня и понижет голос. «Не было никаких приказов, когда я покидал штаб.»

«Что было когда?»

«Восемнадцать дней назад.»

«Ваши люди в большой спешке. Быстрый марш, на грузовиках и танках. Они уйти до наступления темноты. Трах, бах! Один день, все уйти.»

«Нападения орков не было?»

Она указывает на небо, но не смотрит.

«Это случилось день раньше.»

Орская отворачивается, когда еще один мусорщик спешит сквозь дымку. Она наклоняется, чтобы послушать прошептанное сообщение, доставщик бросает быстрые взгляды назад в дымку. Орская выпрямляется, говорит что-то в ответ, что я не понимаю. Двое ее спутников подходят к ней для краткого разговора перед тем, как направиться во мрак.

«Орки покидают Ахерон,» говорит нам мусорщица. «Тысячи.»

«Выгнанные захватчиками из бездны,» говорю я. «Именно так мы оказались здесь.»

«В следующие часы и дни их будет намного больше,» добавляет Шеффер. «А затем за ними придут адские слуги.»

«Я знаю, что это звучит странно от меня, но я устал от бегства,» говорю я, переводя взгляд от Шеффера на жалкую толпу позади нас.

Некоторые кивают, другие выглядят достаточно напуганными, чтобы метнуться в смог при малейшей провокации. Назрек одобрительно шевелит губами, и рокот согласия раздается глубоко в груди орка.

«Я имею в виду,» продолжаю я, «нам нужно где-то передохнуть и пополнить запасы. Проработать наши реальные варианты.» Я смеюсь. «Я не говорил о какой-то дурацкой контратаке...»

«Здесь поблизости должны быть какие-нибудь оставшиеся Имперские войска,» говорит Полковник. «Орская, у вас есть какой-нибудь вокс-передатчик или приемник?»

«Вокс-ящик? Да, мы иметь два. Один с Нордасом, другой в лагере.» Она указывает большим пальцем за плечо. «Вокс дальнего действия в лагере. Два километра в ту сторону. А что?»

«Мы можем воспользоваться им, чтобы связаться с помощью, может быть, выясним, где точка сбора отступления,» продолжает Шеффер.

«Не с нашим воксом,» говорит мусорщица, гримасничая. «Армия найти нас, расстрелять нас.»

«Вы не сможете выжить здесь сами по себе,» говорю я ей, указывая назад в направлении Ахерона. «Там сотни тысяч орков, миллионы людей, в том улье. Чем больше они сражаются, чем больше их погибает, тем больше тот разрыв над нами становится, я считаю. Те орки, идущие этим путем сейчас? Только начало.»

«Мы пережить *Звериза* два раза. Мы пережить это.»

«Ты должна послушать его!» Мы все с удивлением поворачиваемся, пока Карстервется вперед. В дымке мусорщики поднимают свое оружие в ответ. «У него видение Императора»

«Кто ты, маленькая девочка?» говорит Орская, смотря на хрупкую жительницу улья со смесью веселья и смущения. «Что это за видение Императора?»

«Когда пришел Зверь и фон Страб сдал Ахерон, я убежала. Но я не убежала достаточно далеко. Затем пришли эти двое,» она указывает на меня и Полковника, «и они убили предателя. Я снова побежала, в глубины. Но Сгоревший, он нашел меня. Он спас меня. Всех нас!»

«Это правда?» Орская подняла бровь, глядя на меня. «Ты убить фон Страба?»

Она делает жест на своем лице, как будто забирая слова со своих губ и бросая их на землю. Я осознаю, что это знак отвращения, как будто само имя плохое на вкус. Значит, могут быть некоторые рычаги воздействия.

«Да, я убил его,» говорю я. Я указываю на Шеффера, а затем поворачиваюсь и выбираю Охебса из остальных. «Мы были частью команды, посланной, чтобы избавиться от предателя-командующего.»

«Сгоревший умер, так что предатель был убит!» выкрикнул кто-то из группы.

«Пламя очистило его!» крикнул другой.

«Ты не выглядишь мертвым, Сгоревший,» Орскя осматривает меня сверху донизу, снова оценивая меня в свете этой новой информации.

«Мне стало лучше,» говорю я с кривой ухмылкой.

Я могу ощущать, как Шеффер рядом со мной напрягается, хотя невозможно понять, от этого ли разговора о моей предполагаемой святости или просто более общее волнение. Это напоминает мне о том, что время здесь работает против нас. Я знаю, что нам не понадобилось слишком много времени, чтобы забраться так далеко в пустоши; орки не могут быть слишком далеко.

«Он привел нас в убежище вопреки демонам из бездны,» добавляет Карсте, смотря на меня широкими глазами. «Он снова найдет нам убежище! Вы должны пойти с нами.»

Ее серьезность почти ошеломляющая, граничащая с комичной, но Орскя смотрит на меня с выражением, которое я совершенно не могу расшифровать, время от времени переводя взгляд на жалкий вид остальных подульевичков.

«Вы можете использовать вокс-ящик,» уступает она, делая шаг назад. «Идти со мной в лагерь. Зови друзей.»

«Спасибо,» говорю я, когда она начинает поворачиваться. «Я обязательно буду тебе должен.»

Орскя снова поворачивается, у нее пристальный взгляд.

«Будешь, Сгоревший. Действительно, будешь.»

А затем она пошла, длинные шаги быстро унесли ее в кружащиеся пепельные облака. Шеффер уже организывает остальных к тому времени, как я возвращаюсь назад к группе. Харла пробирается ко мне, едва не падая, пока волочит ноги по пепельным наносам.

«Это план, так?» говорит он. «Мы попадем в лагерь, потом заберем их вещи?»

«Нет. Мы придем в лагерь, воспользуемся их воксом, чтобы поглядеть, сможем ли мы связаться с какими-нибудь Имперскими силами, а затем уведем этих людей куда-нибудь, где им не отгрызут лица орки или монстры из бездны.»

«Ну же, Кейдж. Я говорил с некоторыми из тех солдат, которых мы поймали. Этот Охебс, он бросающий в дрожь ублюдок, но он все мне рассказал о тебе.»

«Рассказал?» Я сопротивляюсь желанию посмотреть на Гвардейца и сохраняю уровень голоса. «Как ты сказал, он бросающий в дрожь фраггер. Может быть, не стоит верить всему, что он говорит.»

«Но ты был близок к фон Страбу, так ведь?» Харла скрещивает пальцы. «Очень близок, я слышал.»

«Император знает, сколько орков идут прямо позади нас,» говорю я ему. «Сейчас не время и не место для этого.»

Я отворачиваюсь, но он хватает меня за руку.

«Мы не закончили.»

«Закончили,» тихо рычу я, смотря вниз на его руку. «Ты можешь закончить с функционирующими пальцами, или без. Тебе решать.»

Он тотчас отпускает, отходя на несколько шагов от чистого яда в моих голосе и взгляде. Я пристраиваюсь позади него, все еще говоря тихо.

«Будь умницей, Харла. Ты можешь заблудиться по пути к лагерю мусорщиков.»

И с оставшейся висеть угрозой, я ухожу, не давая ему никакого шанса поспорить.

СЕМЬ

МУСОРЩИКИ

«Знаешь, я слышал, что мусорщики могут найти свои лагеря по запаху.» Этот блестящий вклад в скудную беседу внес Незериав, один из ульевиков, который впервые нашел меня. Он подталкивает меня локтем. «Ну, знаешь, из-за вони, которую они производят.»

«Они носят дыхательные маски,» отвечаю я, качая головой. «Идиот.»

Он замолкает, надувшись, но меня не волнуют угрюмые последователи и мятежи, и быть чертовым избранником Императора. Мои ноги болят, моя спина болит, я собираюсь задохнуться до смерти от пыли, если какая-нибудь болезненная жестокость не посетит меня в следующие несколько часов.

Может показаться, что он прав. Я не могу отличить один путь от другого; мы можем ходить кругами, насколько я знаю. Все дюны выглядят одинаково, и клубы висящего над землей дыма иногда снижают видимость до, всего лишь, нескольких метров. Иногда мы можем видеть, может быть, на две или три сотни метров, просто открытое пространство из серого и коричневого пепла, неотличимого от тех мест, которые мы прошли.

Через несколько минут Полковник догоняет меня, злобно смотря на пески, засасывающие его сапоги, как будто он мог заставить пустоши разойтись перед ним от его чистой злости. Он тащит себя по пеплу с вызовом перед изменяющимся уклоном вместо того, чтобы работать с ним, что очень хорошо объясняет все, что вам нужно знать о Полковнике Шеффере.

«Будет не слишком мудро провести слишком много времени с этими ворами,» говорит он мне, бросая недоверчивый взгляд на наш эскорт из мусорщиков. «Они избавятся от нас, как только над ними нависнет угроза. Или хуже.»

«Это вы захотели вокс-передатчик. Вы получите один. Чего жаловаться?»

«Самый временный и прагматичный из альянсов, ничего больше. Как только мы выясним местоположение Имперской точки сбора, эти люди больше не будут нам нужны.» Он еще больше понизил голос. «То же самое касается орка и твоих приятелей-дезертиров. Они вызовут проблемы.»

«У нас и так полно проблем, как есть, без ссор между нами.»

Он качает головой и позволяет себе отстать на несколько шагов.

В поисках лучшей компании, я спешу вперед, чтобы догнать Орскя, тяжело топая, чтобы соответствовать ее длинным и, как кажется, легким шагам, пока я тащусь по колено через скользящий пепел. Я вижу блеск чего-то на ее запястье перед тем, как это исчезает в ее манжете.

«Это твое секретное чувство, так ведь?» говорю я, кивая на ее руку. «Нашла себе навигатор?»

Она поднимает рукав, чтобы показать мне ауспекс на запястье. Зеленый экранчик треснул и корпус сильно потерт, но, как только она прикасается большим пальцем к кнопке активации, прибор быстро оживает.

«Четыре поколения дюнных провидцев нашего народа обладать этим,» гордо говорит она, снова выключая прибор. «Все мои матери, и теперь ко мне.»

«Дюнный провидец, это так вы называете своего лидера?»

«Нет. Я, как вы это называть, эм, старший разведчик? Витчя, Мудрейшая, лидер, но она умереть, как я говорить. Мы еще не выбрать нового лидера, все еще опечалены потерей. Слишком рано.»

Я ничего не могу придумать, что сказать на это, и мы продолжаем идти в тишине. В отсутствии разговора время от времени улавливаю отличительный шум, похожий на бурление какого-то невидимого водопровода или потока или потрескивание какой-то неизвестной субстанции прямо под пеплом под ногами. Я, так же, могу слышать изменения в ветре. Различные скорости и углы свистят и стонут над наносами.

На самом деле, это звучит очень похоже на голоса. Отдаленные завывания и лающие крики.

«Здесь всегда звучит так бросающе в дрожь?»

Орская останавливается и отодвигает капюшон накидки, открывая ухо.

«Нет,» говорит она. «Это не звук пустошей. Я не знаю, что это.»

Я знаю, но мне требуется мгновение до того, как я могу произнести это.

«Нерожденные. Адские голоса кошмара. Может быть, они следуют за нами, или, может быть, это повсюду.»

«Может быть, гадать ни для кого не хорошо,» резко бросает она, явно на взводе от этого открытия.

Несколькими минутами позже мы взбираемся на дюну и внезапно обнаруживаем себя на краю лагеря мусорщиков. Закамуфлированные обшивки и палатки сливаются почти плавно с пеплом и песчаником. Тщательно расположенные шесты создают изгибы, которые маскируют линии палаток на фоне чаши впадины, в которой находится лагерь, в то время, как меньшие бивуаки наполовину вкопаны в сам пепел, формируя маленькие пещеры и туннели. Пройдите мимо всего лишь в сорока метрах, и вы ничего не увидите.

У кого бы ни была установка вокса, он, должно быть, просигнализировал вперед, потому что нас ожидает встречающая компания, с оружием наготове, в то время как наш эскорт спокойно отходит в сторону с линии огня. Я насчитал двадцать закутанных фигур в лагере, все вооружены. Младших, должно быть, увели в целях безопасности, младенцев и детей постарше, так что, вероятно, их здесь еще больше. Палатки, которые я вижу, кажутся не настолько вместительными для всех, поэтому я полагаю, что либо они вкопаны в дюны под пологими, либо здесь есть второй, может быть даже и третий лагерь неподалеку.

Орская подходит к ближайшей группе, ни один из них не настолько высок, как она, и кратко беседует. Один из тех, к кому она подошла, поднимает руку, а затем резко опускает, и остальные мусорщики опускают оружие. Около половины из них поворачиваются и уходят по другим делам, в то время, как значительная часть тех, кто нашел нас, уходит в лагерь.

Я бросаю взгляд на Назрека. Орк всю дорогу был очень тих, смущенный всем, что происходит, я полагаю. Он стоит там, руки по бокам, плечи поникли, взгляд направлен на землю. Нет никакой обычной скрытой орочьей агрессивности. Пока Орскя продолжает свое маленькое собрание с теми, я полагаю, кто, должно быть, старшие, я бреду к воину ксеносов.

«Хорошо?» спрашиваю я.

«Не хорошо,» говорит Назрек, потирая костяшками лоб. «Нет зеленого. Чувствую плохо.»

«Точно.» Я не уверен, что делать. Я никогда раньше не имел дело с апатичным орком. «Держись подальше от неприятностей, но будь к ним готов.»

Назрек мрачно кивает и садится в пепел.

«Жду здесь,» говорит он.

Я не уверен, предпочитаю ли я это или две сотни кило зеленокожей подлости, всегда ищущей следующей битвы. Я привык к болвану, у которого чешутся кулаки, а не к апатичному типу. По крайней мере, я буду знать, где найти орка.

Пока несколько мусорщиков начинают раздавать шарфы, капюшоны и маски – милость, о которой я не просил и которую не ожидал – Орскя представляет меня и Полковника Макси, Элгу и Тормасу, трем старшим членам группы. Харла, Карсте и несколько остальных присоединяются к нам, как только получают лучшую защиту против жестких погодных условий.

Мне предложили куртку, которую, должно быть, забрали с брошенных Имперских линий – толстый камуфляжный материал, усиленный на локтях. Девушка принесла пару разных шлемов. Первый – стандартный Каданский, но он слишком большой для меня, даже с подбородочным ремнем, затянутым так туго, насколько возможно. Я осматриваю другое предложение с подозрением – высокий церемониальный шлем, покрытый синим бархатом, остроконечный гребень и меховая подкладка. Надеваю его, чувствую себя достаточно защищенным, но, в то же время, ощущаю себя идиотом. Вместо этого меняю его на плащ с капюшоном, вознося быструю молитву Императору, чтобы меня не ударили по голове в ближайшее время. Я

вешаю предложенную маску на шею – не дыхательная маска, просто слои фильтрующего материала, зажатые в жестком каркасе, который немного похож на череп, достаточно, чтобы закрыть рот и уши - и затемненные очки для глаз.

Мы собираемся под одной из пепельных теней и разделяем тепловатый напиток, который на вкус слабо напоминает пот, но я не жалуюсь. Тормас говорит больше всего. Низкий, но крепко сложенный мусорщик, его Низкий Готик обрезанный и поспешный, но он подтверждает то, что у них есть запасная одежда только потому, что они недавно разграбили несколько брошенных Имперских позиций. Мы должны помнить о великодушии племени, и я обещаю, что я буду. Шеффер снова поднимает вопрос о воксе, и Тормас кивает и ухмыляется в ответ.

«Да, говорильный ящик. Это. Здесь.» Он ведет нас в заднюю часть палатки, отодвигает обрезиненную ткань, чтобы показать тусклый, потрепанный приемопередатчик. Исходя из отсутствия должного корпуса и размера, я полагаю, что его забрали с машины, может быть с разбившегося самолета.

«Выглядеть плохо. Работать хорошо,» говорит Тормас, морщинистое лицо сморщивается еще больше, когда он подмигивает. Он берет рукоятку управления приемника и предлагает ее мне.

«Нам может понадобиться некоторое время,» говорит Полковник, вставая между мной и Тормасом. «Нам придется проверить много частот, чтобы поглядеть, какие еще работают.»

«Мы можем просто воспользоваться экстренной передачей,» говорю я, указывая пальцем на большую красную кнопку на главной панели.

Шеффер поворачивается ко мне, сузив глаза от раздражения.

«Я уверен, что у наших войск есть другие задачи, которым надо уделить внимание. Мы не должны тратить их время.»

Он самый любезный за все время, пока я его знаю, а взгляд на его лице пытается передать что-то, но я просто не понимаю что. Я уже снова готов заговорить, когда он мягко, но многозначительно сжимает мою руку с рукояткой своей, не давая мне активировать переключатель.

«Есть *протоколы* безопасности, которые нужно соблюдать. Мы должны быть уверены, что не выдадим какие-нибудь секретные данные.»

«Да, протоколы,» говорю я, наконец-то понимая его. Он не хочет, чтобы мусорщики подслушивали, и я вижу в этом смысл. «Я помню тренировки. ‘Еретики прислушиваются к небрежному шепоту’ и все такое.»

Полковник начинает возиться с круговыми шкалами, не делая ничего особенного, а я возвращаюсь назад к нашей компании.

«Это может занять много времени. Орскя, я уверен, что тебе нужно готовиться переместить лагерь. Те орки не будут далеко отсюда к закату.»

«Это мудро, двигаться дальше, да,» говорит она. «Я уже сказать остальным, но дополнительные руки сделать быстрее работу.»

«Харла, почему бы тебе не убедиться, что все готовы уйти, как только у нас будет контакт.»

Подульевик на секунду отворачивается.

Слишком поздно я осознаю, что он, на самом деле, ловит взгляды людей позади себя.

Харла толкает Карсте на Тормаса и прыгает вперед, вытаскивая кусок сломанного штыка из своего кармана, чтобы прижать его к горлу старика. Остальные вытаскивают пистолеты и нацеливаются на нас. Их пятеро, двое из команды Полковника.

«Ты был занят, Харла,» говорю я. «Кажется, придумывал маленький заговор.»

«Норст, Гарданди, отставить!» рявкает Полковник.

«Не принимаем приказы, Полковник,» говорит тот, кого зовут Гарданди. Он жестом показывает, чтобы Шеффер отошел от вокса. «Не сейчас, когда все скатилось в дерьмо.»

«Не могу позволить передать нас властям, Полковник,» говорит Харла. Он делает шаг назад, таща Тормаса с собой, поворачиваясь так, чтобы он мог видеть Орски и остальных двоих старейшин. Позади него, один из заговорщиков опускает подол

палатки, скрывая нас с вида. «Один шанс, Кейдж. Я скорее рискну с адскими слугами и зеленокожими, чем с комиссарами. Полагаю, ты чувствуешь то же самое.»

«Не уверен,» отвечаю я, почесывая щеку. «Какой у вас план?»

«Видел здесь сани. Собираюсь загрузить их припасами, затем направится на север. Заберем этого на километр или около того с собой, просто чтобы все были честны.»

«Шеффер остается здесь,» говорит Норст, метнув убийственный взгляд на Полковника. «Или мы покончим с ним прямо сейчас. Оба варианта хороши.»

«Вы делаете большую ошибку,» говорит Полковник, медленно складывая руки на груди. «Нам нужно как можно больше здоровых бойцов, так что я проигнорирую этот проступок, но только один раз.»

«Ты не в том положении, чтобы что-то предлагать, сумасшедший фразгер,» говорит Гарданди.

«И куда ты возвращаешься?» говорит Харла, адресуя слова мне, со странным взглядом в сторону Карсте. Она не часть заговора, выражение ужаса застыло на ее лице, даже когда он продолжает говорить. «В лучшем случае, ничего не случится. Анархия, паника, армия полностью отступает. В худшем, поцелуй комиссара в тот момент, когда они нас увидят.»

Я смеюсь на его сленг, относящийся к массовой казни, осуществляемой офицерами Имперского Комиссариата.

«По крайней мере, фуражки с черепами сделают все быстро,» отвечаю я. Я гримасничаю и пожимаю плечами. «Не уверен, что Нерожденные не затащат вас в свой бездонный ад и не поиграют с вами несколько жизней...»

«Надо сначала нас поймать, верно?» говорит один из остальных тупиц. «Будем продолжать идти, как эти мусорщики. Не застрянем в каком-нибудь бункере или окопе, чтобы просто ждать, что это случится.»

«Слегка устал от беготни,» говорю я им, двигая руки к бедрам.

«Руки вверх, Кейдж,» рявкает Харла, вонзая кончик заточки в Тормаса, капля крови потекла из прокола. «Будет стыдно вскрыть этого старого мусорщика.»

«Что думаешь, Орскя?» спрашиваю я, отодвигая руки от своего оружия.

«Я думаю любой угрожать моим людям, их трупы холодные до заката.»

«Фраг тебе,» говорит Норст.

«Нам не нужно пробивать себе дорогу наружу, никто не должен пострадать,» говорит Харла. «Есть еще некоторые, которые думают так же, как и мы, на случай, если вы думаете попытаться послать сообщение наружу или что-то такое.»

«Карсте,» говорю я, приковывая все свое внимание к ней. «Что бы ты сделала для Сгоревшего?»

«Что угодно,» затаив дыхание отвечает она. «Ты спас меня.»

«Если я пойду, ты последуешь?»

«Я... да. Если это то, чего ты хочешь.»

«Хватит говорить,» говорит Харла. «Начни слушать.»

«Я не хочу идти с этими людьми, Карсте,» говорю я.

Она тотчас понимает, что я имею в виду, и бросается на Харлу. Он отдергивает свою руку от старейшины и направляет заточку на нее. Остальные не могут помочь, но реагируют, их пистолеты движутся в направлении женщины, бросившейся вперед.

Гораздо быстрее вытащить нож и рвануть вперед, чем вытащить свой пистолет и прицелиться. Кончик клинка ударяет Норста под ребра спереди, прямо под грудной костью и в сердце. Кровь покрывает внутреннюю часть палатки, и я приземляюсь на него.

Звук пистолета мусорщика оглушительно громкий позади меня, и я вижу, как Харла отшатывается назад с дырой в своей правой щеке. Еще один бум, и пуля проходит через его глаз, чтобы покрыть осколками черепа и мозгами одного из его заговорщиков. Треск лазерного пистолета – Полковника, я полагаю – посылает голубой разряд смертоносной энергии в грудь другого, который врезается спиной в ее компаньона, прямо в тот момент, когда он открывает огонь из своего стаббера. Пуля провыла над моей головой, когда я поднимаюсь, с клинка капает кровь.

Рявканье пистолета мусорщика звучит снова, и последний мятежник падает, грудь пузырится красной пеной.

«Что насчет тех снаружи?» говорю я, переводя взгляд с Орски на Полковника. «Мы не знаем, кто знает об этой фрагово плохой идее.»

«Ты можешь выяснить,» говорит Шеффер, опуская свой пистолет. «Выбирайся быстро наружу, притворись, что ты присоединился к Харле.»

Я киваю и проскальзываю под пологом палатки, глазами сканируя лево и право, чтобы увидеть, кто обращает внимание.

Я ловлю взгляд Сераса, одного из солдат Полковника, который слишком невозмутимый, пока слоняется поблизости от входа в лагерь. Я задерживаюсь у палатки и жестом подзываю его.

«Я слышал выстрел. Что случилось?» шепчет он, начиная пролезать под пологом палатки. Я хватаю его за руку и останавливаю.

«Шеффер мертв, и один из старейшин.» Я отталкиваю его прочь и вижу сани, о которых упоминал Харла. Я указываю на них своим окровавленным ножом, а затем осматриваюсь вокруг, проверяя, где мусорщики и остальные мои люди. «Приведи остальных, сейчас, и охраняйте те сани. Мы уходим в спешке.»

Он сглатывает, кивает и направляется в кружащиеся пыль и пепел. Как только он поворачивается спиной, я опять ныряю в палатку старейшин. Я вижу Орски и Элга, присевших рядом с Карсте, которая лежит рядом с телом Харлы. Макси промакивает шею Тормаса тряпьем. Полковник сердито смотрит на вокс-приемник, от которого из дыры спереди лениво поднимается дымок.

«Фраг,» говорю я, осознавая, что в какой-то момент времени в схватке пуля, должно быть, попала в прибор. «Он работает?»

«Нет, но его можно починить,» ворчит Шеффер.

«Ладно, оставлю это вам...» Я оборачиваюсь к Орскя. «Здесь есть другой выход?»

«Да,» говорит она мне, делая жест в сторону задней части палатки.

«В следующие пару минут около саней соберется группа наших людей, примерно в пяти метрах слева от входа в палатку. Они все твои.»

Орская встает и хлопает Макси по плечу. Вдвоем они исчезают в тени позади установки вокса, и я возвращаю свое внимание к Карсте.

«Как она?» спрашиваю я, вставая на колени рядом с Элгом, который окровавленной рукой прижимает тампон из тряпья сбоку груди Карсте. Ульевик бледна, глаза дрожат под веками, дыхание неглубокое и кровь пузырится от каждого выдоха.

«Укол, в легкое.»

Я бросаю взгляд на Тормаса.

«Ты можешь помочь?»

«Может быть,» говорит он с пожиманием плечами. «Я вижу другие лучше. Я вижу другие мертвы.»

«Не пойдет,» рычу я.

Я встаю и подхожу к Полковнику, который вскрыл заднюю часть установки вокса и с подозрением тыкает во внутренности кончиком боевого ножа. Мои следующие слова прерваны внезапной стрельбой снаружи, сопровождаемые краткими криками и воплями.

Несколькими мгновениями спустя полог палатки поднимается, показывая Орскую с удовлетворенным взглядом.

«Предатели мертвы.» Она смотрит на Полковника. «Вы хотите части от другого вокса?»

«Это может помочь,» говорит он.

Я останавливаю ее, когда она собирается уйти.

«Нам нужно медицинское учреждение,» говорю я, кивая в сторону Карсте. «Станция помощи, полевой госпиталь, что-нибудь типа такого. Как далеко до ближайших Имперских войск?»

«Я говорить тебе. Вся армия уйти юг. Мы искать медицинские припасы. Взять кое-что. Ты можешь взять, может быть.»

«Дело не в припасах, дело в опыте,» говорю я ей. «Кто-нибудь из твоих людей знает, как подлатать ее?»

«Нет,» говорит она со вздохом. «Я отвести тебя к ближайшим укреплениям. Двухчасовое странствие. Взять ее на сани, она, возможно, выжить так долго.»

Визг из дальнего конца палатки отрывает внимание каждого от Карсте. Шеффер отступает от вокса, глядя, как искры выскакивают из вскрытого аппарата. Вопреки ожиданиям, частотные шкалы светятся жизнью и спикер гудит от мощи, прерываемой прерывистым треском и пронзительными визгами.

Полковник наклоняется, чтобы подстроит канал и новый шквал искр вырывается из воющей машины, заставляя его ретироваться на несколько шагов.

«Передатчик сломан, но приемник, кажется, работает,» говорит он нам, почесывая щеку.

«Значит, никаких призывов к спасению,» говорю я.

«Должны быть оставленные после отступления маяки сбора,» говорит он, снова смотря на вокс. «При таком поспешном отступлении, некоторые подразделения, патрули, воздушные миссии могут остаться позади. Должны быть радиопередачи с координатами точек сбора. Если мы сможем поймать одну из них, мы сможем выяснить, куда идти.»

Он приседает и начинает подстраивать аппарат, нахмутив лоб от концентрации. Разнообразные механические трели и стоны вырываются из вокса, перемежаясь последовательностями быстрых щелчков.

«Забить рану,» говорит Элг, привлекая мое внимание назад к Карсте. «Много крови. Бандаж.»

Он и Макси начинают вытаскивать тела мятежников из палатки. К ним присоединились другие мусорщики, голоса поднялись с обеспокоенным расспрашиванием.

«Если вы найти, куда идти,» говорит Орскя, кивая в сторону Полковника и вокса, «я отвести вас туда.»

«Почему?» тихо спрашиваю я. «Не то, чтобы я не ценил это, но почему ты так много нам помогаешь?»

«Я не уверена,» говорит она с противоречивым выражением лица, частично смущенным, частично веселым. «Кажется, труднее *не* помочь.»

Орскя машет рукой в сторону Карсте.

«Может быть, я помогать им, не тебе,» продолжает она. «Я вижу, ты не покидать их, но я знаю, ты думать насчет этого, да?»

«Пару раз,» признаю я, смотря в сторону. «Но они верят в меня.»

«Она, определенно, верить ты особенный. Эта броситься на нож ради тебя!»

«Я знаю.»

Я смотрю на Карсте. Она не первая жертва на моем счету, и я даже фраговал странных союзников, чтобы остаться в живых, но это ощущается по-другому. Она знала, что делает, напав на Харлу, и что может произойти. Она сделала это не потому, что я обманул ее, или потому что это была просто жестокость схватки.

Карсте умирает, потому что она желала отдать свою жизнь за меня. Это довольно большой груз, чтобы принят на борт.

И я знал, что это случится, вот что подогревает чувство вины, которая ноет во мне. Вина, я должен добавить, не мой обычный знакомый. Я всегда верил в свои шансы, и я, определенно, рисковал своей головой несколько раз, достаточно того, что я не чувствую, что уклоняюсь от риска, на который пошли другие. Но когда я говорил с ней, почти сказал ей напасть на Харлу, твердо было известно, что она, вероятно, пострадает, может быть, даже умрет.

И я все равно это сделал.

«Это плохая ситуация,» говорит Тормас, возможно угадывая мои мысли, пока я молча смотрю на умирающую женщину. Старик хлопает меня по плечу. «Ты сделать, что было нужно.»

Внезапное пение заставляет нас всех вздрогнуть от неожиданности. Ангельские голоса наполняют палатку, пронизанные статикой, но это без сомнения гимн Императору. Я не узнаю песню, но просто слышать ноты, голоса, поднимающиеся в восхвалениях, это дает моему духу подъем.

«Что это?» спрашивает Элг. «Это прекрасно.»

Я мотаю головой, пока Полковник делает кое-какие тонкие подстройки, устраняя некоторые помехи. Он сидит на корточках, наклонив голову на одну сторону, пока слушает.

«Альма Император Батталика,» говорит он.

«Какой сейчас день? Дата?» спрашиваю я. Я понятия не имею. У подулья свои собственные циклы и режим, отделенные от цикла дня и ночи снаружи, и, определенно, не связанные с календарями Экклезиархии или Астра Милитарум.

«Это может быть день Святого Себастиана, возможно,» говорит Шеффер, вставая. На мгновение он потерялся в мыслях, или, возможно, захвачен гимном, но затем его глаза находят мои с яростной энергией. «В этой зоне был бастион Адепта Сороритас. Монастырь Святой Силвы Святого Клинка.»

«Есть шанс найти другие трансляции?»

«Нет. Я думаю, что это может быть автоматический молитвенный маяк. Ничто не предполагает, что монастырь все еще обитаем.»

«Это все, что у нас есть.» Я поворачиваюсь к Орске. «Ты знаешь, где это? Крепость, на ней, должно быть, множество изображений Императора, флаги, женщины-воины в силовой броне.»

«Не видеть такого,» говорит дюнная провидица. «Я не думать, что и другие тоже. Это такой тип места, к каким мы близко не подходить. Слишком опасно.»

«Полковник?» говорю я, больше с надеждой, чем с ожиданием. «Вы знаете, где монастырь?»

«Нет. Твои последователи забрали мои карты,» добавляет он, сверкнув глазами. «Он был где-то в секторе гамма боевой зоны Ахерона, но это покрывает сотню километров и больше.»

До того, как я могу сказать что-нибудь еще, крик снаружи заставляет всех нестись к выходу.

ВОСЕМЬ

ЧУМОРОЖДЕННЫЙ

Я вылетаю в лагерь по пятам у Орския, с лазерным пистолетом в руке. Сначала я не могу понять, что происходит. Повсюду подульевичи и мусорщики, кричащие и стреляющие, по-видимому друг в друга. И только, когда я вижу солдата в униформе, бросающегося на одного из мусорщиков, я вижу дырку от пули на голове солдата, ее рот открыт. Не веря в то, что я вижу, я стою, прикованный на месте, пока мой взгляд мечется с одного противника на другого и дальше. Все одеты в солдатскую униформу или одежду улья, окровавленные и испещренные дырками от пуль.

«Император, защити нас,» шепчу я, смотря, как Орския открывает огонь, ее пули вонзаются в грудь мертвого Гвардейца, шаркающего к ней. Похожая на гной жидкость течет из дыр, но живой труп не останавливается.

Я узнаю лицо Харлы, когда другой ходячий мертвец тащится ко мне, волоча ноги сквозь пепел, мертвые глаза пристально смотрят на меня.

Я открываю огонь, вонзив дюжину лазерных зарядов в голову мертвой твари, стреляя, пока она не упала, почти ничего не осталось от ее торса и черепа. Остальные делают то же самое, поливая огнем волочащихся существ, вопли паники перемежаются с оружейным огнем. Я вижу пару мусорщиков, лежащих на земле рядом с санями с разорванными глотками.

Один из них повернул свою голову ко мне, стеклянный взгляд зафиксировался на моем лице.

«Император, прокляни это,» рычу я, снова стреляя, когда труп встает на колени, а затем на ноги, игнорируя красные заряды, разрывающие одежду и плоть.

Тормас появляется из ниоткуда, с копьем с длинным лезвием. С ним появляются несколько других мусорщиков, точно так же вооруженных. Он сносит голову ближайшей мертвой твари, затем поправляет хватку, чтобы пронзить клинком грудь падающего монстра. Его спутники рубят и кромсают оставшихся ходячих трупов,

крича от ярости и страха, когда валят их на землю. С ревом, Назрек выпрыгивает из пепельной дымки, его чоппа зарывается глубоко в шею первого ходячего трупа, которого встречает орк.

Только я начинаю воспринимать ненормальную сцену, несколько мусорщиков появляются в поле зрения слева, крича во все легкие и указывая в дымку. Я не могу понять ни слова из того, что они говорят, но их действия говорят намного громче.

Я не жду перевода, и ныряю опять в палатку старейшин, отмечая, что Полковник не вышел наружу. Я нахожу его сидящим у вокса со скрученным куском провода в руке, которым он водит влево и вправо.

«Прием лучше в некоторых направлениях, чем в других,» говорит он, поднимая антенну. «Мы можем использовать это, чтобы последовать за вещанием до его источника.»

«Мертвые возвращаются к жизни,» тяжело дыша, говорю я, не совсем способный поверить в слова, которые произношу. «И я думаю, что лагерь тоже под нападением.»

«Мертвые...?» Полковник встает и хватается вокс подмышку, искусственный протестующий крик вырывается из решетки динамика. Он выключает его и направляется ко мне. «Демоническое влияние распространяется.»

Снаружи, старейшины и Орскя сплочают мусорщиков, пока собираются мои люди и оставшиеся солдаты, некоторые из них вооружены, другие бредут с ошеломленными выражениями, не в состоянии выдержать травму за травмой.

«Вам всем нужно пойти с нами,» провозглашает Полковник, быстро шагая к Тормасу. «В пустошах больше не безопасно.»

«Так мы жить,» отвечает Элг, махая рукой, чтобы забрать палатки, людей и сани. «Вы не хотите нас. Нет дома для нас в армии.»

«Я – полковник Астра Милитарум, у меня есть власть сделать из вас авторизованную ауксилию.» Его следующие слова направлены Орскя. «Это вторжение может оказаться невыносимым даже для армий Императора. Ваш лучший шанс на выживание – это выбраться с мира. Я могу устроить это.»

«Зачем бы вам?» спрашивает она.

Шеффер вынужден отойти назад, когда группа мусорщиков пронесется мимо, таща охапки оружия для своих товарищей.

«Я поклялся защищать владения и слуг Императора,» говорит он. «Вы верите в могущество Бога-Императора и величие Терры превыше всего?»

«Мы лояльны,» отвечает Орскя. «Не лояльны ульевичам, но мы чтим Императора так же, как и вы.»

«Значит, вы под Его божественной защитой.» Полковник поворачивает свой взгляд ко мне. «И прямо сейчас эта защита принимает форму боевого монастыря Адепта Сороритас.»

«Мы идти, мы идти!» резко бросает Тормас, махая Элгу, чтобы он молчал, когда другой старейшина открыл рот. «Бежать сейчас, спорить потом.»

Это философия, с которой я, определенно, согласен.

«Отряд, огневая линия!» кричу я, быстро шагая к группе вооруженных мужчин и женщин, толпящихся неподалеку.

Некоторые из них из подулья, некоторые пришли с Полковником, но все они держатся так, что отмечает их, как тренированных Астра Милитарум. Я не удивлен. У драчунов из подулья и дуэлистов из верхнего улья нет ничего больше, кроме чистого инстинкта выживания, по сравнению с обычным солдатом Имперской Гвардии. Несмотря на это, они медленные, почти не стоят на ногах, хотя едва ли прошло полдня с первой тревоги в Ахероне.

Мысль останавливает меня на полпути. Половина дня? Я пробегаю по всему, что случилось, и полагаю, что это может быть правдой. От злорадства над Полковником до грани быть съеденным заживо ходячими трупами примерно полоборота этой забытой Императором дыры.

«Быстрее, быстрее,» рявкаю я, не впечатленный из невыразительной подготовкой, снова начиная идти.

Приглушенный треск оружейного огня и дульные вспышки в тумане выдают близость того, чтобы бы там ни напало на лагерь. Вокруг нас, толпа детей появилась из разреженного воздуха, насколько я могу сказать, и разбирает палатки и загружает сани. Много разговоров и нервных взглядов, но они занимаются своими задачами со стоической решительностью, пока взрослые формируют группы и направляются во мрак.

Вздымая плечи, дыханием тревожа дымку большими выдохами, Назрек топает по останкам восставших мертвецом. Он вытирает покрытый кровью колун о рукав и искоса смотрит на меня.

«Кажется, тебе лучше,» говорю я.

«Немного боя хорошо,» говорит он. «Заставило зеленый подняться быстра.»

Я могу только догадываться, что это должно означать, и не спрашиваю. Есть гораздо более неотложные вопросы. Я слежу, как Полковник ходит туда-сюда с воксом, пытаюсь добиться четкого приема.

«Туда.» Он подает сигнал рукой, когда видит, что я наблюдаю за ним. Я ищу какой-нибудь ориентир, на котором могу зафиксироваться в том направлении, но там только дюны, а за ними туман из расстояния и загрязнения.

Я осматриваюсь в поисках Орския или одного из старейшин, но они все ушли, чтобы защитить лагерь или помочь с разборкой. На мой неопытный взгляд, кажется, что почти половина лагеря уже упакована, оставив красноречивые дыры и пустоты в уплотненном пепле. Некоторые из младших детей пинают пыль и песок в них, скрывая их наличие.

Я почти сказал Полковнику вести. Почти. Он больше знает, что делать, или притворяется, что знает. Если бы я это сделал, для меня, как босса, все было бы кончено. Если не брать в расчет Назрека и то, что случилось здесь, в тот самый момент, как я дам Полковнику хоть какую-то власть, он заберет ее всю. Его планы, его путь. Прощай Сгоревший, привет чертов отброс штрафного легиона.

«Держать линию,» говорю я импровизированному взводу, который, в конечном счете, собрался рядом со мной. Я поворачиваюсь к остальным из тех, кто сбежал их

Ахерона; у некоторых из них есть оружие, но они не выглядят слишком готовыми использовать его. «Будьте позади нас.»

Дергание рукава привлекает мое внимание к мальчику, не выше моей талии. Я могу видеть страх на его лице, но он стоит здесь, борясь со своим страхом, глаза блестят от слез. Он указывает на сани прямо позади. На них лежит Карсте, ноги связаны ремнями, куча тряпья под головой.

«Одеяло,» медленно говорю я, ободрительно сжимая его плечо. Мальчик нахмуривается, и я произношу это снова, жестом показывая действие укутывания себя. Он кивает и убегает.

«Помечайте цели, я не хочу, чтобы кто-нибудь выстрелил в мусорщиков,» говорю я своей маленькой банде солдатни, возвращая свое внимание назад к звукам оружейного огня и нерегулярным вспышкам вокруг нас.

Очертания в тумане превратились в одетых в плащи союзников, движущихся по пеплу характерными, неторопливыми шагами, которые кажутся смехотворно медленными, но это, вероятно, намного быстрее, чем просто тащиться по колено в пепле.

Я узнаю Орския, даже с шарфом и маской, ведущую группу своей родни в лагерь слева от меня.

«Готовы прикрыть огнем,» кричу я, поднимая свой пистолет.

Полковник положил вокс на одни из саней и занял позицию рядом со мной. Я бросаю на него взгляд, но его глаза направлены вперед, на неясные фигуры, следующие за мусорщиками из клубов смога.

Примерно в сорока метрах прошелся вихрь, рассеяв пятно красного тумана. Его прохождение явило кучку врагов, несущих нам вонь гниющего мяса и дерьма. Я слышу проклятия и рыгание, пока сам борюсь с желанием блевануть. Я вспоминаю о маске и надеваю ее, остальные делают то же самое, пока мы всматриваемся в разошедшуюся хмуристь.

Зрелище заставляет меня хотеть снова сорвать маску, чтобы меня вырвало. Семь или восемь монструозных фигур идут сквозь кружащийся дым, в сопровождении своих

собственных миазм, которые смешиваются с клубами дыма. Каждая выглядит и движется, как человек, в самом широком смысле, но они далеки от человеческого.

Их кожа варьируется от темной, кожисто-коричневой до бледно-зеленой, с клочками плесени и бородавчатыми наростами, покрывающими ее. У каждой только один глаз в центре лба, под треснутыми и сломанными рогами. Большинство с одним, остальные с двумя, тремя, а одна из них с короной из острых оленьих рогов. Рты с острыми, как иглы, зубами двигаются постоянно, и звук бормотания доносится до нас, монотонный и внушающий ужас. Следы оспы и мертвенно-бледные шрамы отмечают их плоть, которая местами разорвана, кожа висит лоскутами, обнажая влажные мускулы и блестящие органы, кишки угрожают вывалиться из проколотых животов, висят, как смотанная веревка.

Их конечности похожи на конечности жертв голода, лишённые плоти, кожа хрупкая и натянута на выпуклые суставы. Движение сплетается под этим болезненным покрытием, иногда вырываясь наружу из разрезов и ран, чтобы показать себя, как плотоядные жуки и личинки.

Кулаки с большими костяшками держат ржавые, зазубренные клинки. Ржавый металл истекает токсичной жидкостью, стекая по держащим рукам и капая на пепел. Зловонные, маслянистые испарения поднимаются от неестественного оружия, темный дым становится облаком крошечных мух, которые собираются вокруг приближающихся Нерожденных.

Пули и лазерные заряды бьют по неестественной плоти, оставляя серьезные дыры, которые бы свалили живого солдата. Слуги бездны не обращают никакого внимания на свои раны, черная кровь течет из их ран, почти мгновенно образуя струпы.

Скрип полозьев по пеплу кратко привлекает мое внимание к лагерю. Взрослые и дети старшего возраста взялись за стропы и начинают тащить сани прочь, хотя все еще осталось несколько палаток и ящиков.

«Быстрота – лучшая защита,» кричит Орская, указывая в дымку. «Сохраните пули.»

Еще больше теней следуют за гангренозными демонами, еще дюжины, туман темнеет от мух, роящихся вокруг них. Я могу слышать сводящее с ума жужжание, постоянный гул, который сопровождает монотонное бормотание, пробивается

сквозь капюшон и звуки оружейных выстрелов. Все видится бледно-коричневым сквозь фильтр очков, придавая всему еще более потусторонний вид. Искры от лазерного и оружейного огня отбрасывают краткие вспышки во мраке.

Я стягиваю вниз маску, чтобы отдать приказ отступить, и тотчас жалею о том, что обнажил себя перед зловонным воздухом. Я начинаю кашлять, трупная вонь забивает мой ноздри и глотку.

«Отс.. Назад!» умудряюсь я сказать между тяжелыми вдохами, пытаюсь удержать скудное содержимое своего желудка. Раньше я вдыхал свою справедливую долю чистого дыхания смерти, но эффект от Нерожденных похож на каждую кучу трупов, гниющих ран и вони гноящейся оспы одновременно. Я начинаю, спотыкаясь, отступить, снова надевая маску, проверяя, что остальные следуют.

Вместе с мусорщиками мы поворачиваемся спиной и устремляемся в облака, бросая взгляды назад, чтобы проверить демонов. Они вовсе не ускорили свой шаг, топая сквозь сугробы пепла ровными шагами, такие же неустанные и неминуемые, как поток красной лавы.

Вскоре мы добились достаточного расстояния между нами, так что наши преследователи поблекли от расстояния и тумана, ставшие темными набросками очертаний перед тем, как окончательно исчезнуть. Никто ничего не говорит, все усилия направлены на продвижение вперед через усталость и страх.

Начинает темнеть, и я задумываюсь, какая свежая адская напасть готова свалиться на нас, когда осознаю, что это просто закат. Пока мы продвигаемся в сгущающуюся темноту, я не могу избавиться от ощущения, что ночь принесет нам новые ужасы.

Мусорщики приделывают факелы на высоких шестах на сани, но прерывистый голубой свет от них мало что делает, кроме как преувеличивает завитки дыма и тени, которые окружают нас. Те из нас, кто из подулья, идут парами или тройками, один несет фонарь, остальные с оружием наизготовку. Пристально всматриваясь в темноту, кажется, что каждое движение может быть Нерожденным или орком, темнота каждой каменистой породы или выпуклость валуна – свежий ужас, ожидающий, чтобы напасть.

Я иду с Олешом, который так быстро вызвался на службу, что я думал, что он собирается напасть на кого угодно еще, пытающегося присоединиться ко мне. Немного старше, чем я, Олеш – один из самых последних прибывших в братство Сгоревшего, но совершенно не жалеет, что присоединился к моим людям, как он мне говорит снова и снова по дороге. Его сын, Денас, младенец по оружию, который едет на ближайших санях со своим более взрослым двоюродным братом, Фаранном. Вместе с щедрыми благодарностями Олеша, я узнаю об этом и о намного более обширном (но недавно погибшем) семейном древе, пока с подозрением пристально всматриваюсь в каждый водоворот тумана и темные пятна на пепле.

Свет впереди отражается от чего-то блестящего в дюнах, и наш мусорный авангард меняет курс, поворачивая нас направо, так что мы взбираемся на широкий холм вместо того, чтобы направится в низину рядом с ним.

«Я бы сказал, что мы собираемся идти долгим путем,» кто-то громко произносит позади меня. Я думаю, что это, вероятно, Фредас или Краст, но не оборачиваюсь, чтобы проверить.

«Лучше дольше идти, чем серебряные пески,» говорит один из мусорщиков с другой стороны саней. «Проглатывать быстрее, чем угорь-чистильщик.»

«Угри-чистильщики?» говорит Олеш, со страхом смотря вниз на пепел, а затем снова на мусорщика. «Они появляются ночью?»

«По большей части,» отвечает мусорщик.

Мои бедра болят, пытаюсь копировать покачивающуюся поступь мусорщиков, и в то же самое время, пытаюсь не делать слишком много шума, который может привлечь подземных хищников. Угри-чистильщики не самое худшее из того, о чем я слышал. В глубоких пустошах есть пепельные змеи, достаточно большие, чтобы напасть на боевой танк, но, к счастью, мы направляемся не в ту сторону. Имперские линии вкопаны в более высокую, более твердую землю к югу и западу от Ахерона, в более жесткие климатические условия на востоке ходят только бронированные патрули и летают скиммеры.

Через полчаса Орскя подает сигнал остановиться и идет назад по ряду, Тормас и остальные старейшины собираются вокруг нее.

«Жди у саней,» говорю я Олешу и иду к ним, Полковник присоединяется с другой стороны колонны. Дюнная провидица бросает на меня взгляд, который говорит, что меня не приглашали на это маленькое собрание, но я игнорирую ее.

«Почему задержка?» спрашиваю я.

«Признак орков,» отвечает она, указывая в начало колонны. «Каменный форт орков, несколько километров на север отсюда. Старый, пустой, но мы найти следы. Много орков впереди идти в форт.»

«Между нами и монастырем?» спрашивает Полковник.

«Да,» говорит нам Орскя. «Должны идти на юг, чтобы избежать.»

«И, в чем проблема? Мы пойдем на юг.»

«Юг опасен,» говорит Элг. «Старый город, призраки.»

«Призраки?» В тоне Полковника намек на насмешку, но с достаточной озабоченностью, что предполагает, что наши недавние встречи заставляют его пересмотреть то, во что он верит.

«Не мертвый призрак,» объясняет Орскя. «Призрак пустоши. Как пепельная река. Двигается. Почти невидимо. Очень тяжело пересечь днем. Смертельно ночью. Улицы в старых руинах полны призраков.»

«Призраки или орки? Такой выбор?»

«Или идти целый день,» говорит Орскя. Она показывает большим пальцем за плечо. «С гниющими позади?»

«Тогда призраки,» говорю я с натянутой улыбкой. «Я уверен, что вы направите нас правильно.»

Пока дюнная провидица и некоторые из ее разведчиков начинают обсуждать тонкие моменты сложной задачи впереди, Полковник подает мне сигнал отойти и присоединиться к нему. Мы отходим небольшое расстояние от продолжающейся дискуссии, и Полковник говорит, пока мы идем, понизив голос.

«Нам очень важно воссоединиться с Имперскими силами, чтобы противостоять приближающемуся безумию.»

«Те варпорожденные просто будут становиться все сильнее и сильнее, так ведь?»

«Да. Но я говорю не о выживании, я говорю о кое-чем более важном. В наступающей войне есть место для Последних Шансов.»

«Вы вынашиваете какой-то фрагово безумный план, так ведь?»

«Нет. Я пока еще не знаю лучший способ помочь в приближающемся кризисе, но есть способ изменить ситуацию.»

«И вы спрашиваете меня, пойду ли я?» Я делаю вдох, улыбаясь на бесстыдство человека. «Сначала вы хотите убить меня, теперь вы хотите, чтобы я вернулся? Я, серьезно, думаю, что вам нужно решить, чего вы хотите.»

«Ситуации меняются. Я ошибался, думая, что ты продолжал работу фон Страба в подулье.»

«И вы *поэтому* пришли за мной?»

«Я думал Сгоревший – ты – обучает новую армию мятежников. Вот, почему я хотел убить тебя.» Полковник смотрит на остальных вокруг нас, а затем снова на меня. «Твой опыт, твои инстинкты, делают тебя очень способным членом 13-го Легиона. Тебе просто нужно расставить приоритеты.»

Я резко смотрю на него. «И что это значит?» Я прерываю его, когда вижу, как он снова смотрит на наших спутников. «Оставить их?»

«Ты не будешь в состоянии спасти их всех, вот, что я говорю тебе. Ты это знаешь. Тебе нужно решить, в чем состоит миссия, потому что всех защитить ты не сможешь.»

«Вы все еще бессердечный ублюдок,» резко бросаю я, отходя в сторону. Люди смотрят на меня, мой повысившийся голос привлекает их внимание, но мне плевать. Я тычу пальцем на ульевиков, распределенных вдоль колонны. «Они следуют за мной, не вами! Так тяжело поверить, что они нашли нечто во мне, чего они не видят в вас? Человечность, может быть?»

С ворчанием, я топаю по пеплу назад к саням, где Олеш ждет меня.

«Избранник Императора должен всегда преодолевать сомнения других,» говорит он, хватая мою руку своими. «Несчастья – настоящая проверка веры, Сгоревший.»

Остальные слышат его и собираются ближе, озвучивая свою поддержку, хлопая меня по спине и плечам. Некоторые из них из команды Шеффера, ставшие новообращенными. Я киваю свои благодарности и, пока поворачиваю голову, я вижу мимо группы благодарных последователей, как Полковник сердито смотрит на меня у факела. Ледяные глаза, такие же холодные, как и тогда, когда я впервые увидел их, смотрят на меня с презрением, которое я видел, когда он впервые пришел забрать меня в 13-ый Легион. Все те прошедшие годы, миссии, которые мы разделяли, и кровь, которую мы проливали, все это, похоже, для него ничто.

В прошлом я всегда знал, чего хотел Полковник. Убить королеву улья. Взорвать город. Уничтожить цель. Сейчас я не знаю, что это. Его извинение за то, что он пришел за мной, хрупче, чем хребет новичка. У него зудит отдать приказы, но в подулье и здесь, никто не слушает.

Я не знаю, почему он здесь, или что он приготовил, чтобы вернуть себе командование. Это означает, что я больше не могу ему доверять.

Наступила полночь, когда мы подошли к руинам-призракам, дюны мало-помалу становятся выше и выше, избавляя нас от большей части поверхностного смога, так что непостоянный звездный свет сквозь верхние слои временами позволяет нам видеть на две или три сотни метров. Невозможно пропустить начало старого города – из серого и коричневого открытого пространства темные каркасные балки и обрушившиеся стены вырываются из пепла, как конечности утопающих людей, тянущихся к воздуху. Каждая балка в ямках и поблекла с годами, стены между ними едва не рушатся, истертые ветром комки остались от самых больших останков.

Орскя занята разделением колонны на две широкие, собирая нас всех, пока ее разведчики соединяют шесты по четыре и пять метров. С ними они медленно продвигаются впереди основной группы, тыкая в изменчивые пепел и почву, в то время, как пара мусорщиков позади группы используют широкие лопаты, чтобы проложить дорогу для всех остальных.

«Кто здесь жил?» спрашивает Олеш, смотря с благоговейным страхом на руины, которые возвышаются вокруг нас.

Я не вижу дверей, основания зданий поглощены поднимающимися пустошами. Тут и там согнутый металл выглядит, как остатки моста, склоны дюн нарушены угловатыми краями крыш или пустотами, которые могли быть когда-то внутренними лестничными колодцами. Ветер шипит вокруг ржавого металла, оживляя маленькие вихри из пепла в углах. Я могу видеть темные места там, где недавно переместился пепел, лоскуты медленного движения, которые могут быть реальными или могут быть продуктом непредсказуемого света от огня и качающихся фонарей. То же самое освещение оживляет тени, так что кажется, что нечто прячется позади каждой согнутой или упавшей балки.

«Без понятия,» говорю я.

«Был раньше человеческий, старые истории говорить,» отвечает Тормас, останавливаясь слегка впереди от нас, так что мы можем догнать его. «Не город детей Императора.»

Путь, по которому мы следуем, иногда резко разворачивается, отступая назад, когда разведчики натываются на занос или пустоту, с которой они не хотят рисковать. Пару раз они останавливаются на несколько минут, споря друг с другом и указывая, перед тем, как совместно придти к соглашению и повести нас на ранее неразведанную улицу.

Они никогда не проходят пространства, где когда-то стояли здания, как будто очертания древних балок были силовыми полями, удерживающими нас.

Это медленный, но неуклонный прогресс, но я задумываюсь, есть ли призванным из варпа ужасам на нашем пути какое-нибудь дело до пепельных призраков.

Путешествуют ли они как смертные, или они могут просто распространить свою энергию и появиться по своей воле перед нами?

Я смотрю вверх, впервые за несколько часов, и вижу рану в небе, все еще смотрящую вниз на нас, блистающую как бессмертным желанием, так и вечной ненавистью. Совершенно реальные препятствия перед нами внезапно блекнут по сравнению с мыслью об угрозе в виде легионов варпорожденных, которые могут хлынуть сквозь

тот разрыв – которые могут уже быть здесь, буйствующие в ульях, превосходящие численностью как все войска Императора, так и орков.

«Это заставит войну казаться небольшой стычкой,» бормочу я себе.

«Что?» говорит Олеш. «Какую войну?»

«Ничего, просто мысли вслух,» говорю я ему. Нет необходимости размышлять о вещах, которые никто из нас просто не может понять. «Давай сосредоточимся на том, чтобы добраться до того боевого монастыря, а?»

Через несколько минут Денас начинает плакать. Олеш спешит вперед, чтобы успокоить его, но пронзительный рев сотрясает тишину, которая пронизывает город. Фаранн, старший мальчик, спрыгивает с саней, пока Олеш забирает на них.

«Хочет есть, должно быть голоден, бедное создание,» говорит он, глядя голову сына одной рукой, копаясь с поспешно наваленных мешках другой.

Я направляюсь вперед и иду рядом с санями, делая все, что могу, чтобы помочь, держа открытые мешки для Олеша. Через пару минут, он находит маленький мешок и вытаскивает его, внутри несколько кусочков хлеба из водорослей. Он отламывает кусок и дает его ребенку, который берет его в крошечные руки и начинает кусать мягкие края беззубыми укусами.

«Где Фаранн?» внезапно говорит Олеш, садясь прямо.

Мое сердце трепещет от вопроса, и я поворачиваюсь, смотря в одну сторону, затем в другую, и не обнаруживаю никаких признаков мальчика.

«Фаранн?» кричу я, сложив руки чашечкой. «Где ты?»

Подходят несколько остальных, предлагая помочь с поисками, когда, я полагаю, я слышу тихий крик. Я шикаю на всех и медленно поворачиваюсь, пытаюсь определить направление звука.

Это, определенно, голос ребенка, не слишком далеко, слева, я думаю. Я начинаю идти в ту сторону, снова крича.

«Иди, посмотри на это, Сгоревший!» кричит мне Фаранн, появляясь из-за наклонной стойки из темного металла и отслаивающейся ржавчины. Ему, должно быть, семь или восемь Терранских лет, вычисляю я. Худой, как большинство подульевичков, с длинными, темными волосами, которые почти доходят ему до талии, закутанный в одежды слишком большого размера, которые дали мусорщики. «Посмотри на это!»

Он делает еще несколько шагов, указывая на что-то в середине здания.

«Жди там, не двигайся,» кричу я в ответ, спеша к нему.

Добравшись до границ старой башни, я останавливаюсь и вижу, на что он указывает. Кости и черепа, навалены в большую кучу, наполовину скрытую серой пылью. Скелеты орков. Очертания челюстей сразу выдают их.

«Полагаю, мы не единственные, кому пришлось пойти этим путем,» говорю я себе. Я повышаю голос. «Фаранн, стой на месте. Здесь не безопасно.»

Надвигающееся присутствие и грибной запах возвещают о прибытии Назрека. Орк встает позади меня, наклонившись вперед, пока всматривается в ночную темноту.

«Много зеленого здесь.»

«Здесь?» говорю я, внезапно занервничав. Я бросаю взгляд вокруг, рука движется к пистолету. «Орки здесь? Сейчас?»

«Старый зеленый. Глубокий зеленый.»

«И что 'глубокий зеленый' значит?» спрашиваю я, возвращая свой взгляд к Фаранну. Я говорю ему не двигаться, опять.

«Весь мир глубокий зеленый. Самый старый зеленый.»

Чем больше я смотрю на скелеты, тем мне становится понятнее, что даже в суровых условиях Армагеддона их не могло так отполировать с тех пор, как началось это вторжение. Они старше. Может быть, орки пришли сюда во время предыдущей войны? Наверное, об этом говорит Назрек.

«Почему весь Армагеддон зеленый?» спрашивает Полковник, подходя с другой стороны от орка.

Олеш подходит позади меня, ребенок у него на руках, озабоченный взгляд направлен на его племянника.

«Вернись, Фаранн!» кричит он. «Вернись прямо сейчас же.»

«Я собираюсь взять кость, дядя,» кричит в ответ мальчик, делая пару шагов к останкам.

«Самый старый зеленый,» грохочет Назрек. Он говорит громче, взволнованный какими бы то ни было мыслями, которые вертятся в его мозгу. «Сильнее. Зеленый в камне. Зеленый делает орков умнее. Зеленый делает орков лучше.»

«Стой на месте!» кричит Олеш.

Я вижу темноту краем глаза, распространяющийся клочок тьмы позади Фаранна, подбирающуюся ближе. Слишком много всего происходит – ворчание и бормотание Назрека, крики Олеша, высокотоновые крики мальчика, говорящего нам, что он в порядке.

«Пепельный призрак!» удастся мне крикнуть, выбрасывая палец в сторону распространяющегося клочка движущихся крупинок. Это выглядит, как нечто живое, огибающее нанос из пыли и песка, как будто что-то внизу меняет направление в сторону Фаранна.

«Фаранн!» снова кричит Олеш и срывается вперед, быстро утопая по колени, пока продирается через нанос.

«Назад!» кричит Полковник.

Пепельный призрак расширяется, распространяясь между Фаранном и Олешем. Пока человек бредет вперед, он поворачивается, и я вижу, что он все еще несет Денаса. Я делаю два шага за ним, крича предупреждения, в то время, как пепельный призрак темнеет, течение песчинок убыстряется, как будто втекающая в пустоту под ними.

Рука хватается меня за локоть.

«Слишком поздно,» говорит Полковник. «Пойдешь за ними, и тоже умрешь.»

Олеш, примерно, в четырех метрах от Фаранна, примерно в десяти метрах от меня. Он уже увяз по бедра. Мальчик, более легкий, всего лишь по щиколотку, и все еще пытается добраться до костей, уходя дальше от нас.

Денас снова начинает плакать, и Олеш осознает, что он наделал, поворачивая свою голову с выражением чистого ужаса на лице. Он останавливается, застигнутый между попыткой добраться до Фаранна или направиться с Денасом обратно к нам.

«Назад,» кричу я, вырывая свою руку из хватки Шеффера. «Я доберусь до Фаранна.»

«Возьми это.» Я поворачиваю голову, чтобы обнаружить Орскя позади себя с мотком веревки в руке. «Мы вытащим тебя.»

Я киваю, хватаю предложенный конец и быстро привязываю его вокруг талии, пока иду в движущийся пепел.

Это, на самом деле, похоже, как будтоходишь в реку, за исключением того, что она теплая, не холодная, ощущение движения давит на мои икры, а затем на колени, когда я вхожу глубже. Олеш умудрился развернуться, но сделав это, он увяз по пояс, скользя в сторону с течением призрака. Я использую руки, чтобы помочь себе пробираться вперед, почти плывя через дрейф, чувствуя, что он тянет меня вниз, широкие движения руками и ногами борются против гравитации, засасывающей меня в свои удушающие глубины.

Фаранн теперь плачет, пытаясь добраться до нас. Он теряет равновесие и падает на бок, махая руками, одна нога исчезает в сухой ряби пепла. Я вижу его лицо в проблеске звездного света, глаза широкие, как у грокса на скотобойне. Все, что я могу ощутить на вкус – это пепел, забивающий мои нос и глотку. Я проталкиваюсь вперед сквозь него, жалея, что не надел свою маску и очки, щурясь сквозь пылевое облако, поднятой молотью мальчика.

Глупый способ умереть. Такой глупый.

Я рывком преодолеваю последние пару метров, пальцы сжимаются вокруг запястья Фаранна. Железная хватка, ничто не разъединит мои пальцы, пока я тащу его к себе.

«Фрагов тупой фрагов маленький фрагов ублюдок,» ворчу я, когда подтаскиваю его ближе и обхватываю рукой, вытаскивая его тело из засасывающего пепла. «Идем.»

Он – мертвый груз в моей руке, но это лучше, чем если бы он трепыхался, пока я использую свою свободную руку, чтобы развернуться, пепел уже доходит мне до ребер, шипение его движения такое громкое в моих ушах, что я едва слышу что-нибудь еще.

«Тяните!» кричу я, хватаясь за веревку. «Вытаскивайте нас.»

Мусорщики, и ульевики, и Назрек тянут веревку.

Мы быстро ускоряемся, врезаясь в самую плотную, самую глубокую часть пепельного призрака. Сопротивление усиливается, пытаюсь затянуть мои ноги еще глубже, вес Фаранна похож на якорь. Я пытаюсь выбраться до талии и смотрю вверх на наших спасителей.

Я осознаю, что не вижу Олеша и Денаса. Отдельная толпа наблюдателей стоит в нескольких метрах дальше по краю здания, смотря на что-то дальше по потоку от того места, где мы. Поворачивая свою голову, я мельком улавливаю поднятую руку.

«Дерьмо.» Я выплевываю пепел и пытаюсь не представлять картину отца и сына, исчезающих в той серой могиле, медленно задышающихся, мальчика, совершенно не понимающего, что происходит, пока он умирает. Задохнувшихся вместе, прижатых друг к другу. Что говорит Олеш? Мальчик не понимает, но, может быть, его отец говорит ему, что все будет в порядке.

Я не могу это сделать. Я не могу это допустить. Не в этот раз.

Я убираю руку от Фаранна и мои руки неуклюже работают с узлом веревки под нами. Я пытаюсь работать быстрее, слезы струятся не только от песчинок в моих глазах, но от мысли о трагедии, разворачивающейся всего лишь в нескольких метрах от меня.

Это так фрагово бессмысленно.

Мне удастся вытащить веревку и обвязать ею Фаранна вокруг груди.

«Тяните!» снова кричу я. «Тяните, забытые Императором ублюдки!»

Пока Фаранн начинает продвигаться через пепел, я поворачиваюсь, позволяя потоку призрака нести меня с собой. Это настолько легче, чем сопротивляться потоку, просто сдаешься его силе, чтобы она меня тащила.

Я погружаюсь на секунду, полностью покрытый пеплом и пылью, затем выныриваю, хватая воздух.

«Где?» кричу я людям в стороне. «Где?»

Они кричат и указывают, где-то прямо позади меня.

Я поворачиваюсь в пепельном призраке, быстро толкаясь, еще одна борьба с его безмерной тягой. Я ничего не могу увидеть.

«Олеш!» Я охрип от втянутой пыли и крика, но зову снова. «Олеш, где ты, фраг тебя?»

Сила в моих ногах уменьшается. Я прекращаю кричать, пытаюсь отдышаться.

Не могу сдаться.

Я слышу плач ребенка, слева от себя, и полуплыву в его сторону. В темноте и серости я вижу бледную вспышку кожи. Денас, качающийся на поверхности призрака.

Я подтаскиваю себя ближе и вижу, что вокруг его шеи пальцы. Олеш держит его из-под пепла.

Я протягиваю трясущиеся пальцы и дергаю ребенка вверх, ложа его на свое плечо. Рука Олеша исчезает, но я вонзаю другую свою руку в шепчущую пыль, проталкивая свои пальцы глубже за ним, почти по плечо. Кончики пальцев касаются одежды, и я хватаю, выгибая спину, пока тащу изо всех сил, которые остались.

Затаив дыхание, Олеш вырывается из пепла передо мной, ослепленный, лицо покрыто грязью.

«Сгоревший?» выкрикивает он. «Где Денас?»

«В безопасности,» говорю ему я, поворачиваясь спиной. «Я держу его.»

Вдвоем мы сцепляемся вместе, образуя своего рода человеческий плот, осторожно выталкивая себя ногами к поверхности. Я медленно поворачиваю голову в направлении остальных, опасаясь, что любое более резкое движение может потревожить призрака и снова заставить нас тонуть. Несколько секунд мы плывем, ловя воздух и плача.

Краем поля зрения я вижу, что Назрек забрел слегка глубже в пепел. Кусок каменной кладки пролетел в звездном свете с завязанной вокруг него веревкой. Он упал в призрак примерно в трех метрах справа от меня.

«Сейчас спокойно,» говорю я Олешу, и вместе мы осторожно плывем к веревке, за три или четыре минуты покрывая всего лишь несколько метров. Я усаживаю Денаса на камень, ногами по обе стороны веревки, и обнимаю Олеша, держа ребенка и камень между нами, пока нас тащат к безопасности.

Когда мы, в конце концов, достигаем более твердой поверхности, мусорщики и ульевики прыгают к нам, высвобождая нас, смеясь и плача.

Я выбираюсь из их объятий и поздравительных похлопываний, вытирая грязь со своего лица, пока высматриваю Полковника. Я останавливаюсь прямо перед ним, используя кончик пальца, чтобы выковырять пропитанный слезами пепел из своих глаз. Я отбрасываю грязь щелчком и смотрю ему прямо в глаза.

Но я ничего не говорю.

Я отворачиваюсь, сплевывая пыль.

Мне больше нечего ему сказать. Мы закончили.

ДЕВЯТЬ

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Учитывая все, что произошло, я, на самом деле, не должен был быть удивлен, когда тишину ночи нарушил протяжный вой.

«Дюнные волки,» говорит Орскя, слова, которые я раньше не слышал, и хотел бы и сейчас не слышать.

«Опасные?» спрашиваю я, уже зная ответ, в то время, как еще один хор завываний звучит из окутанных смогом сумерек.

«Нет, если мы оставаться близко,» говорит она мне.

Это проблема. Прошел почти час с тех пор, как мы покинули призрачные руины, пройдя, может быть, три километра за это время, максимум. Есть причина, по которой никто не ходит ночью в пустошах, и даже люди Орски временами передвигаются с трудом. Я не считал по головам несколько минут, но, определенно, ульевиков стало меньше, чем когда мы отправились в путь. Просто потерялись, или в провале, или отстали... Иногда отдаленный крик о помощи предупреждает нас об их отсутствии. Еще более редко мы находим их, не слишком далеко от группы. Мы не можем тратить слишком много времени на поиски отставших, те Нерожденные позади и все еще идут за нами, в этом можно быть уверенным, как и в том, что Бог-Император слишком много сидит.

Каждые несколько минут за взрывом статики следует мрачное песнопение, показывая, что Полковник проверяет наше направление к боевому монастырю. Каждый раз мы вздрагиваем, понимая, что звук переносится далеко, задумываясь о том, что он может привлечь.

И теперь спереди и справа доносится вой.

«Всем держаться вместе,» выкрикиваю я, проводя взглядом по группе.

Свежая вспышка гортанного воя звучит поблизости, на этот раз слева. Я вижу, что мои, сократившиеся в числе, последователи со страхом пристально всматриваются в ночь, пытаюсь видеть мимо кольца несущих фонари, которых мы выставили в качестве пикета на краю группы. Дети едут на санях с багажом, баюкая нескольких младенцев, предоставив взрослым охранять их. На одной из носилок лежит Карсте, все еще без сознания. Некоторые из старейшин по очереди едут с ней, чтобы поберечь свои ноги и проверить ее повязки. Каждый раз, когда один из них передает дежурство другому, выражения их лиц мрачнее, чем раньше. Ее будущее измеряется часами, и, вероятно, однозначными числами.

«Там,» шепчет кто-то позади меня. Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как они указывают направо. Что-то большое и похожее на собаку крадется в тумане прямо на краю видимости. Еще несколько очертаний следуют за этим.

«Никому не бежать,» предупреждаю я, вытаскивая свой пистолет. «На группу они не нападут.»

«Здесь еще,» приходит тихий окрик сзади. Я почти спотыкаюсь о камень, когда оборачиваюсь, едва замечая движение слева направо.

«Кружат вокруг нас,» тихо говорю я.

Все стихает, кроме шипения полозьев по пеплу и шагов. Я слышу частые дыхания и рычания, идущие с обеих сторон. Орская, должно быть, тоже это слышит – все откинули свои капюшоны, несмотря на холод, напрягаясь для любого предупреждения – и бросает на меня обеспокоенный взгляд.

«Подбираются ближе.» Я произношу слова почти без звука.

Все замедлились, осторожность завладела их мыслями. Я с Орския подаю им сигнал продолжать движение, хотя кажется очевидным, что дюнные волки движутся впереди нас. Мы не можем быть далее, чем в километре от осадных рубежей. Если мы сможем добраться туда, мы можем найти командный бункер или, может быть, орудийную точку, чтобы спрятаться там и переждать ночь. Идти вперед – наш лучший шанс на выживание, даже если это, так же, наиболее опасный путь.

Рычание усиливается, и вдруг впереди раздаётся чудовищный рев. Нечто, размером почти с лошадь, прыгает в поле зрения на мгновение, а затем исчезает. Ответные рычания и животный рев звучат слева и справа, сопровождаемые тяжелым топотом ног и круговоротами дыма от огромных четвероногих зверей.

Завывания становятся визгами ужаса, за которыми следуют еще больше рычания, влажного хруста плоти, разорванной на куски и треска костей. Визги дюжин безумствующих животных наполняют воздух, перемежающиеся со звуками рвущих челюстей и горловыми рыками.

Меня трясет, пока я иду, оцепеневший от шока и страха. Рев и указывающий колун Назрека заставляет все глаза резко обратиться налево. Тварь бредет сквозь туман, проходя круг от света фонаря за несколько секунд. Морда, частично собачья, частично, как у рептилии; губы оттянуты от зубов, напоминающих боевые ножи. Ее рогатая голова обрамлена гребнем, чешуйчатая шкура блестит оранжевым в свете фонаря. Хвост, похожий на жало скорпиона, хлещет позади, прежде чем массивный зверь теряется в шлейфе пепла, поднятого его продвижением.

Я почти могу разглядеть, как дьявольская гончая набрасывается на что-то меньшее по размеру – что-то, что может быть легко в два раза тяжелее меня, выглядящее домашним питомцем по сравнению с неестественной громадой хищника. Челюсти смыкаются на голове дюнного волка, сокрушая его одним титаническим укусом, в то время как блестящие когти рвут его брюхо, разбрасывая веревки дымящихся внутренностей.

Вопли от детей и взрослых одновременно пронзают мои оцепеневшие мозги. Какой-то идиот выпускает лазерный заряд во мрак, и за секунды поток зарядов и пуль с визгом уносятся в темноту.

«Прекратите! Прекратите!» кричу я, метнувшись к саням, засовывая свой лазерный пистолет за пояс своих штанов. «Бежим! Нам нужно бежать!»

Я никогда не ставил под сомнение свой инстинкт выживания, и сейчас не собираюсь начинать это. Я хватаю веревку и начинаю тащить, помогая мусорщику, который уже перед санями, как тягловое животное в упряжи повозки. Пепел смещается под моими ботинками, но я достаточно хорошо ухватился, чтобы создать некоторый

импульс. Вокруг меня остальные мусорщики отвечают на мой призыв, нагибаясь, чтобы поднять веревки.

Орская что-то кричит, и дети, едущие среди поклажи, начинают сбрасывать ящики и мешки, облегчая сани. Мы устремляемся вперед, совместно начиная находить ритм. Некоторые из взрослых детей забирают оружие у своих родителей и посылают случайные выстрелы в темноту. Я не сомневаюсь в их способности целиться, такие люди, как ульевичи и мусорщики учатся сражаться и стрелять с того момента, как могу поднять оружие – я всегда предпочитал ножи, но еще до десятилетия я мог уверенно попасть в кислород с тридцати шагов.

Впереди я вижу что-то большое, вырисовывающееся в темноте. Требуется мгновение, чтобы определить это, как орудийный бастион, зубчатая крыша вырисовывается на фоне туманного неба. От тех, кто впереди, доносятся крики, частично от радости, частично предупреждения о траншеях и орудийных точках.

Я поворачиваюсь, чтобы проверить остальных, и тотчас вижу демоническую гончую. Она разрывает стену дыма примерно в шестидесяти метрах позади меня, клочья меха и плоти дюнного волка свисают с ее железнозубой челюсти. Я улавливаю блеск бронзового ожерелья в слабом свете фонаря в задней части саней. Две маленькие девочки и мальчик, едущие среди багажа, визжат высокотоновыми визгами от чистого ужаса, пока гончая преследует нас, покрывая полдюжины метров каждым прыжком.

Мое прошлое возвращается ко мне, воспоминание врезается в мои мысли, забирая меня назад в линии траншей снаружи Коританорума. Пули из тяжелого стаббера направляются ко мне, несущемуся, как фрагов идиот по открытой местности между двумя армиями.

Десять прыжков от смерти.

Есть разница между тем, чтобы добраться до траншеи и быть пойманным тем адским монстром.

Если только я не отпущу веревку...

Мысли пробегают через меня и одна рука разжимает хватку до того, как я даже осознаю, что делаю. Это похоже на то, как будто кто-то еще контролирует меня, намного более великая сила, чем мой рациональный мозг. Другая рука отпускает, и я свободен от ноши.

Но это не для бегства. Я снова выхватываю пистолет из-за пояса и перепрыгиваю сани, пока демоническая гончая добирается до меня, тяжело приземлившись в пепел рядом с ними, испуганные лица детей проносятся мимо.

Я прицеливаюсь и стреляю, красный заряд с шипением улетает в ночь, чтобы попасть в пепел рядом с приближающимся чудищем. Я понятия не имею, что маленький лазерный пистолет может сделать против монстра – это словно бросать камушки в боевой танк – но я лучше умру сражаясь, чем убегая, что для меня странное ощущение. Я снова стреляю, попадая в плечо приближающегося зверя, а затем снова и снова. Никакого смысла экономить силовую ячейку, верно? Когда умру, то воспользоваться ей не смогу.

Я отхожу в сторону, пока стреляю, и гончая поворачивает ко мне, достаточно меняя направление, чтобы не направляться прямо за санями. Она в сорока метрах, в белых глазах отражается тусклый свет фонаря.

Более глубокий треск, чем от моего пистолета заставляет меня вздрогнуть. Орская стреляет из своей тяжелой винтовки, делая выстрел за три или четыре моих.

Затем треск лазгана Полковника справа от меня. Голубые лучи пересекают путь моих выстрелов, ударяясь в голову и гребень чудовищной собаки.

Двадцать метров.

Грохот пистолета Назрека быстро заглушается горловым ревом орка, когда он проносится мимо нас. Мы прекращаем стрелять, не в состоянии попасть в нашу цель не задев Назрека.

Ярость ксеноса и адский хищник встречаются примерно в пятнадцати метрах передо мной. Чоппа Назрека отрубает когтистую ногу, замахнувшуюся к его лицу, но кинжальные клыки глубоко зарываются в предплечье орка. Перенесенный назад

импульсом демонической гончей, Назрек падает, чоппа зарылась сбоку головы гончей.

Адский монстр крепко держит в челюстях руку Назрека, но орк с трудом поднимается на ноги, ревя, пока отрывается от гончей, отрывая свою собственную руку по локоть, чтобы освободиться. Он бьет своим тяжелым пистолетом в глаз гончей, стреляя, пока делает это. Смертельные пули большого калибра пробиваются сквозь череп гончей, разрывая его на куски, даже когда кулак орка продолжает свое путешествие, вонзаясь в голову демонического создания.

Гончая сотрясается на пепельной дюне несколько секунд, скатываясь по уклону, а затем начинает растворяться в лужу крови. Назрек наклоняется, чтобы забрать свою руку из распадающихся челюстей, колун все еще в руке.

Еще больше фигур скачут сквозь туман.

«Еще не безопасно,» бросает Орскя.

«Беги, босс!» орет Назрек перед тем, как рвануть в кружащийся дым, маленькая фигурка Грота убегает за ним.

Оружейный огонь от линии траншей с визгом проносится мимо нас, целясь в демонических гончих, все еще надвигающихся на ульевиков и мусорщиков. Вместе, под прикрывающим огнем людей у бункера, мы добираемся до траншей и с удовольствием спускаемся в защитные тени.

«Это было--» начинает Орскя, но я прерываю ее поднятой рукой.

Я отворачиваюсь, делаю несколько неловких шагов, а затем блюю, извергая ничего, кроме желудочной кислоты и горького чая мусорщиков. Мои ноги окончательно сдаются держать меня вертикально, и я падаю у стены траншеи, тяжело вдыхая в свои ноющие легкие.

«Благословен будь Император!» говорит кто-то поблизости. Я поднимаю взгляд и нахожу одного из подульевиков, Немоа, смотрящего вниз на меня с протянутой флягой с водой. «Еще раз Он избавляет тебя от самих зубов смерти, Сгоревший.»

Я беру флягу у него и делаю глоток воды с металлическим привкусом, гоняя ее во рту перед тем, как выплюнуть остатки блевотины. Отдав воду, я поднимаюсь на стрелковую ступень и выглядываю из траншеи. Во вспышках лазерных зарядов и дульных вспышках автоганов я вижу еще гончих, может быть, полдюжины.

Никаких признаков Назрека.

«Просто отсрочиваем конец, вот и все,» говорю я Немоа, снова падая в траншее.
«Меньше молитв, больше стрельбы.»

У меня в жизни было много бессонных ночей в ожидании какой-нибудь жалкой кончины или иного. Ночь в траншее ничем не отличается, если не считать, что мысль о смерти больше не ощущается, как неудача.

Случайные вспышки ужаса и оружейного огня придают разнообразие старым знакомым ощущениям оцепенелой усталости и скуки. Часовые выкрикивают тревогу, и я пробуждаю себя, но каждый раз ощущается немного менее реальным. Гончие смерти и кровавые воины, оспозвери с щупальцами, рожденные от слизи и ночного кошмара, хихикающие огнеэльфы и визжащие клыкастые небесные акулы.

Холод кусается в ранние утренние часы, превращая дыхание в туман и пальцы в лед. Чувства притуплены истощением и страх начинает убывать. Я больше не могу ощущать феррокрит и доски под своими ботинками или чувствовать воздух на вкус. Реальность стала маленьким клочком освещенной фонарями траншеи и бункером, не больше пятидесяти метров сопротивления румянному мраку бездны, которая пытается поглотить нас. Никто не разговаривает. Стоны раненых прерывают тишину между наполненными насилием моментами яркости и какофонии.

Я думаю о полях Геллера, тех нереальных кусках реальности, которые защищают корабли в пространстве варпа. Безумие и смерть, вот, что они нам говорили, они сдерживают. Это правда, до определенной степени. Они никогда не говорили, что безумие и смерть одевают себя в импровизированные тела и могут вскрыть тебя своими клинками. Они забыли упомянуть, что варп может стать ходячей болезнью, повреждающей легкие при вдохе, что его неестественное прикосновение превращает плоть в ядовитую слизь.

Возможно, я сплю. Это, определенно, кажется чем-то вроде варп-снов. Я все еще на корабле, перемещаюсь на Армагеддон. Все здесь – продукт влияния варпа и воспоминаний. Посланник из бездны и гнусные вещи, которые он сделал с моим телом, Сгоревший, невозможные создания в тумане.

Может быть, ничего из этого, на самом деле, не произошло.

Поле Геллера, напрягающееся от давления варпа, пока одинокий Навигатор пристально всматривается в безумие, обретшее форму, выбирающий наш путь через вечную тьму, и только свет Императора направляет нас.

В этом больше смысла. Все – сон, сфабрикованная реальность, чтобы понять, что поле Геллера рухнуло.

Если бы это было правдой, я бы сошел с ума, так ведь? Последние клочки здравомыслия, за которые я цеплялся после миссии Пресветлого меча, в конце концов, сдались, потерянная веревка рассудка лопнула от постоянного напряжения.

Особенно та часть, где кровавые воины верхом на конях размером с грокса с красной плотью и медью, наступают среди массы демонических зверей и несущих мечи варпорожденных. Я смеюсь, когда вижу колесницы, которые тянут металлические чудовища. С феррокритовой крыши бункера, с лазганом в руке, который я забрал с трупа мусорщика, все выглядит так, как будто армия из самых древних мифов выстраивается против нас, в сопровождении звука ревущих рогов и хлопающих знамен.

Это так же отделено от боевых костюмов т'ау и орочьих орд, как голубое небо от подулья. Две вещи, которые не принадлежат одной и той же вселенной.

Новый рев горнов провозглашает наступление, и я смеюсь, игнорируя шокированные взгляды своих компаньонов. Орская нахмуривается и говорит что-то, но я совершенно не слышу слов. Я могу ощущать жар войны, снова покалывающий мою кожу, прикасающийся к нервам, которые, я думал, мертвы, принося силу и энергию в конечности, которые должны быть безжизненными.

На краткое мгновение я задумываюсь, может быть, я вовсе не сплю, а мертв. Я встречал множество людей с различных миров – даже различные расы – и у

некоторых из них были очень странные идеи насчет того, что происходит, когда мы умираем. Я никогда не рассматривал это по-другому, кроме как конец, но я жил с солдатами, которые думали, что Император забирает тебя в рай мира и изобилия. Другие говорили, что наши души присоединяются к великому Богу-Императору после смерти, поддерживая Его бессмертное присутствие.

Может быть, это то, что происходит. Может быть, когда ты умираешь, твоя душа просто отправляется в это безумное место, где нет ничего реального, и ты продолжаешь сражаться. Продолжаешь сражаться за Императора.

Что, если все те разы, когда я думал, что обманывал смерть, я, фактически, не делал этого? Может быть, я умирал, снова и снова.

Нас называли Последними Шансами – зачем бы мне возвращаться в это место, если только это не было потому, что я, на самом деле, не жив, но сражаюсь за Бога-Императора во тьме самой бездны?

Я все еще смеюсь, пока смотрю на приближающуюся армию кровавых воинов. Хотел бы я, чтобы у нас была артиллерия и лазерные пушки и тяжелые болтеры, но мы встречаем приближающуюся волну неестественных зверей и солдат только с лазерными зарядами и пулями.

И верой?

Как раз, когда я думаю об этом, я могу слышать чистоту вечного голоса Императора на ветру.

Он со мной? Это потому Он привел меня в Свою загробную войну, чтобы продолжать сражаться? Проповедники говорят нам, что Император защищает. Снова и снова, каждая молитва и гимн и проповедь говорят нам, что мы должны умереть за Его служение, чтобы Он мог защитить человечество.

Я уже сделал это однажды. Я отдал свою жизнь, бросив себя в огонь.

Хотя, я все еще здесь. Нам нужно сражаться на другой стороне? Может быть, это не Император защищает, а души мертвых солдат, продолжающих сражаться во тьме бесконечной войны?

И если это правда, тогда я не могу умереть, и, может быть, принятие этого и есть причина того, что я могу смотреть на стену кошмаров и смерти, приближающихся к нам и не бояться. Этот момент чистой благодати, который я чувствовал, когда падал в огонь, снова приходит ко мне.

Дыхание Императора.

И пение нарастает, поднимая мою душу, пробиваясь сквозь безумие смеха, наполняя меня силой Его жертвы. Я четко могу слышать слова, катящийся Высокий Готик, который я не могу понять, но который возвращает мои самые ранние воспоминания об историях о праведном гнев Императора, обрушивающемся на врагов человечества. В подулье Олимпии нет проповедников, но мы все равно несли с собой Чистое Слово Императора. *Империиус Доминус Этернус.*

И, как наступление рассвета, на нас сверху сияет свет, желтое сияние благословенного света Императора, восхваляющая песня достигает своего крещендо. Я встаю, поднимая руки к благословению, позволяя ему пролиться на меня.

Я слышу рев Его ярости. Земля содрогается от нее, заставляя бункер дрожать.

Его ярость обрушивается на варпорожденных, как шторм. Стрелы праведного света пронзают воздух, прожигая раны в приближающейся орде. Подобно мерцанию следов от болтеров, Его гнев несет разрушение Его врагам, испепеляющая буря мщения, которая сбивает с ног все, к чему прикасается.

Свет ослепляет, хотя в его прохождении я вижу ясно, как будто туман, который охватывал нас с тех пор, как мы покинули подулей, скорее ослеплял наши души, а не глаза. Я смотрю на обнаженный обман врага, ничего, кроме обретшей форму ярости, лишенной своей силы божественным духом Повелителя Терры.

Ярость бездны ничто, по сравнению с чистой ненавистью Того, кто охраняется человечество. Эта ненависть принимает форму, затвердевая на почерневшем от боя пепле перед нами. Воины в серебряной броне, их собственные красные и белые знамена взлетают над ними. С ними идут звери, чтобы соответствовать бронзовым гигантам, выплевывающие белый огонь, посылающие залпы освященных ракет в чудовищные шеренги войска из бездны.

Мое безумие очищено их прибытием, так же, как дюны очищены непрекращающимися потоками болтов и горящего прометия. Из транспортов и танков, из систем обращения боевой брони, женские голоса поют боевые гимны Императора. Пока их оружие карает врага, их праведные песни изгоняют страх.

Я смотрю на наших спасителей, и понимаю, что Император, в самом деле, защищает.

Потому что они – Боевые Сестры Адепта Сороритас.

Как быстро спасение превращается в опасность.

В то время, как отряды Боевых Сестер зачищают территорию, остальные поворачиваются к сборищу людей. Невозможно узнать их намерения, выражения лиц скрыты под полными шлемами, оружие направлено на нас, пока они приближаются к осадному рубежу. Они одеты в эмалированную металлическую броню, богато украшенную и отполированную до блеска, под белыми одеяниями с красной подкладкой. Одна несет знамя со стилизованным скелетом, изображенным на нем, и все отмечены Черепом Императора с шипастым ореолом.

«Экскульпатор!» кричит Полковник, сложив руки чашечкой. «Экскульпатор!»

Я полагаю, что это какой-то позывной, и добавляю свой голос, клич подхватывают остальные. Боевые Сестры маневрируют, чтобы окружить нас, чаща из болтеров, тяжелых болтеров и мультимелты готова превратить нас в кровавую пасту и пар, если нас посчитают угрозой. Танки-иммоляторы с тяжелыми огнеметами стоят на страже рядом с нами, пока одетые в серебро девы ярости Императора проверяют окружающие защитные сооружения.

Полковник пытается представить себя, но его попытка заговорить с нашими спасительницами встречается с тихим запретом поднятых болтеров. Не могу сказать, что виню Боевых Систер. Мусорщики и дезертиры не слишком высоко в списке праведников.

Через несколько минут подъезжают транспортники «Носорог», забирая большую часть войска вместе с несколькими мертвыми и ранеными.

«У нас тоже есть раненые!» кричу я, когда Носороги начинают уезжать. Десять болтеров приветствуют меня, когда я приближаюсь к зубчатому парапету бункера, держа руки над головой. «Некоторые из них при смерти. Заберите их с собой!»

Мой запрос встречен тишиной, но, судя по движениям Боевых Сестер, они связываются по воксу. Одна из них, с более богато украшенной инсигнией, отходит от остальных и подходит к основанию бункера. Носорог с грохотом едет за ней, останавливаясь в нескольких метрах от траншеи, омывая нас своим прожектором.

«Назовите себя,» приказывает голос из вокс-передатчика транспортного средства.

«Полковник?» говорю я, поворачиваясь к нему. «Может быть, вы должны справиться с этим.»

Он встает рядом со мной.

«Полковник Шеффер, 13-ый Штрафной Легион. Командование Ахерона.»

Я могу представить удивление Старшей Сестры, видящей, как взъерошенный, одетый в одежды мусорщиков человек, заявляет, что он – полковник Астра Милитарум. Будем надеяться, что позывной убрал некоторые из их сомнений, но, честно говоря, я бы не стал рисковать, если бы я встретил нас. Мы выглядим, как мародеры, или хуже.

«Сдавайтесь власти Ордена Серебряного Покрова,» требует Боевая Сестра, ее голос резок из-за системы обращения ее силовой брони.

«Мы в вашей власти,» отвечает Полковник. «Слава Императору за ваше прибытие.»

«Вынесите вперед своих раненых,» говорит нам Боевая Сестра. «Сложите свое оружие.»

Чтобы сделать это требуется несколько минут. Мы выносим Карсте и еще двоих, которые слишком травмированы, чтобы идти, используя сани в качестве мостиков над траншеями, чтобы положить их рядом с Носорогом. Пока Боевые Сестры осматривают их, одного за другим, а затем погружают в транспортник, выходят еще полдюжины наших, которым помогают здоровые товарищи. Их тщательно обыскивают, а затем позволяют подняться на борт; все это время пушки Адепта Сороритас направлены на нас.

«Вы из Монастыря Святой Силвы?» спрашиваю я Старшую Сестру. «Это ваши гимны привели нас сюда.»

«Это был Император, который работал через тебя, Сгоревший,» говорит один из моих последователей, и остальные добавляют свои восхваления.

Сестра ничего не говорит, голова в шлеме медленно поворачивается, чтобы посмотреть на Полковника, мусорщиков и подульевиков перед тем, как вернуть взгляд ко мне.

«Ты их проповедник?» спрашивает она.

«Я бы так не сказал,» быстро отвечаю я, осознавая, как это может звучать.

«Он – Сгоревший, избранник Императора, носитель Света Терры,» выкрикивает один из моих последователей. Следует хор восхвалений, пусто звучащих в моих ушах, пока я смотрю на свое отражение в линзах шлема Боевой Сестры. Ее болтер поднимается, всего лишь, на несколько сантиметров, достаточно, чтобы снова стать угрожающим.

«Чьей властью ты заявляешь права на распространение слова Императора?» Даже через систему обращения я могу слышать обвинение в ее вопросе. «К какой епархии ты прикреплен?»

«Я не проповедник,» говорю я ей. «Я не заявляю, что проповедник.»

«Он – больше, чем смертный носитель слова,» говорит другой из моих подульевых спутников, заставляя меня съежиться. «Он – Сгоревший, возвращенный. Дыхание Императора течет сквозь него.»

«Ты претендуешь на эти силы?» требует Старшая Сестра, резко направляя дуло болтера на меня.

Я падаю на колени, застигнутый между болтером и отчаянными взглядами моих оставшихся последователей. Я вижу, что Полковник пристально смотрит на меня сверху. Я читаю выражение на его лице, ожидающее, что я откажусь от всего, что случилось, просто для того, чтобы спасти свою шкуру.

Я делаю вдох и поднимаю взгляд на Боевую Сестру, пытаюсь смотреть мимо массивного дула ее оружия. Безликая, она кажется больше похожей на оживленную

статую, чем на живого слугу Бога-Императора. Я могу чувствовать статическое электричество от ее силовой брони, танцующее на волосах моих рук и чувствовать запах священных масел, использованных, чтобы смазать ее.

«Я умер, и снова живу,» тихо говорю я, позволяя своим рукам упасть на колени. Я выпрямляю спину, полный решимости лицом встретить свою казнь с любым достоинством, которое только возможно, стоя на коленях в окровавленном пепле, готовый лишиться головы перед теми, кто думает, что меня благословили.

Мои руки чешутся, и задняя часть моей шеи пульсирует в такт сердцебиению. Я чувствую, как моя нервозность увеличивается. Причина этой реакции не силовая броня. Хотя это было необъяснимо, я начал доверять этому новому инстинкту.

«Порождения бездны возвращаются,» говорю я, смотря прямо на Старшую Сестру.

«Какая ведьма--» Она останавливается, когда резкие звуки болтеров доносятся с линии часовых вдали от траншей. Как одна, остальные Боевые Сестры срываются с места, формируя отряды, пока снова идут в битву. За секунды целая рота переходит от статичной силы к мобильной атаке, двигатели ревут и голоса возвышаются в ликующих боевых молитвах, пока они продвигаются через пепельные дюны, чтобы сразиться с возвращающимся врагом.

«Следуйте за Носорогом,» резко бросает Старшая Сестра, смотря на Полковника. Она показывает мне своим болтером встать, и я поднимаюсь на ноги. «Ваша судьба будет решена в монастыре.»

Она убегает за своими компаньонами, отряд собирается вокруг нее, направляясь вперед к возобновленным вспышкам и реву столкновения. Я смотрю на воительниц в серебряной броне, неустрашимо идущих против медных рогов и мерцающих аур варпорожденных. Мгновение они сияют, вероятно, просто прямой луч прожектора попал на их броню, но войско Боевых Сестер блестит на фоне теней, каждая из них окутана бледным светом.

ДЕСЯТЬ

СВЯТЫЕ И БОГОХУЛЬНИКИ

Я надеялся, что путешествие к монастырю сможет предоставить некоторое чувство облегчения, но оно ощущается так же удрученно, как и каждая стадия нашего бегства из подулья ранее. Оно сочетает в себе сверхъестественную пустоту города призрака с ощущением неотвратимой битвы, которая настойчиво гналась за нами через территории орков. Повсюду напоминания о том, что эта планета не только оспаривается несколько лет, но, так же, и о том, что появился новый враг, который пришел смести все, чтобы было раньше.

Вид пустых командных пунктов и артиллерийских ям, некоторые из них с телами, все еще лежащими в грязи, это суровое напоминание о скорости отступления.

Поспешного, я бы сказал. Я могу видеть, что Орскя и остальные мусорщики внимательно смотрят, пока мы минуем брошенные склады снабжения, некоторые из них все еще с бочками и цистернами с прометиумом. Тут и там кучами сложены ящики со снарядами и амуницией; камуфляжные сети закрывают ящики с пайками, кучи скаток и другие принадлежности. Я могу видеть, что у мусорщиков зудит накинуться на эти припасы, но суровый обмен мнениями со старейшинами удерживает их. Страх возмездия со стороны Боевых Сестер перевешивает инстинкт забрать все, что они могут, и снова попытаться бежать в пустоши.

Мы следуем за Носорогом Адепта Сороритас, пока он взбивает пыль, проезжая над узкими траншеями, минуя промежутки колючей проволоки и вокруг линий противотанковых ловушек, петляя между огневыми точками. Такое чувство, что мы вторгаемся во что-то священное, шум двигателей и наше собственное продвижение тревожат тишину. Трупные мухи жужжат вокруг трупов, отмеченных жестокими клинками, гниющих уже несколько дней. Некоторые из них даже не выглядят человеческими, их плоть скручена и расплавлена в странные очертания, кости согнуты, как нагретый пластик. Что еще больше беспокоит, так это трупы с благодарными улыбками на лицах, застигнутые в блаженстве в момент смерти.

Немного мертвых, определенно, не то количество, которое вы видите после масштабной битвы, но очевидно, что отступление было не полностью без сопротивления. Я не вижу орков, как и никаких доказательств, что ксеносы забрались настолько далеко в Имперскую зону.

«Почему он ушли?» спрашивает Олеш, тащащийся рядом, с Денасом туго закутанном в импровизированной люльке на его груди, крепко держащим руку Фаранна, который с неприкрытым любопытством смотрит на то, что окружает нас.

«Не знаю,» говорю я, держа свои опасения при себе.

«Это были варпорожденные?» спрашивает старший ребенок. Вопрос задан с дрожью от страха и мечущимися взглядами на затемненные входы бункеров вокруг нас.

«Возможно,» говорю я. «Полагаю, здесь они тоже появились.»

«Но в монастыре будет безопасно,» говорит Олеш, хотя, ободряет ли он своего племянники или говорит сам себе, непонятно.

«Боевые Сестры все еще держатся,» говорю я. «Они – благословленные Императором. Ты видел, как они не выказывают страха перед варпорожденными.»

Мы можем сказать, что приближаемся к боевому монастырю по пению на ветру. Как и радиопередача, которую мы перехватили, вокс-передатчик передает гимны Императора далеко в темноту. Сам монастырь возвышается в смоге, как небольшой холм, каменные бастионы обрамляют проезжую часть из металла, ведущую к надвратной башне, врезанной в высокую стену из феррокрита с контрфорсами.

На сторожевых башнях висят тела, не ороczyи, но человеческие, обнаженные, с выколотыми глазами. Их много, прикрепленных к стене цепями с шипами, у каждого на груди вырезан символ Экклезиархии и клейма чистоты и веры. Поднимается взволнованное бормотание, и мои внутренности сжимаются, когда я читаю таблички, установленные над вызывающей ужас выставкой:

Цена Ереси

Награда за Предательство

Судьба Неверующего

«На чьей они стороне?» шепчет Немоа.

Все замедляются, как мусорщики, так и ульевичи, в страхе от приближения к пушкам запретного монастыря. Вероятно, среди них нет ни одного, кто не проклинал или не богохульствовал, и даже те, кто был непреклонен в моем божественном выживании, вероятно, думают, что такие мысли могут быть еретическими для Боевых Сестер. Это четкое послание, что Адепта Сороритас здесь, чтобы служить одному Императору, а не смертной организации Империиума.

Врата открываются перед приближением Носорога и остальных, пока мы заходим в тень. У входа меня охватывает дрожь, но это просто холод внутреннего пространства монастыря, или так я себе говорю.

Не слишком помогает то, что первая вещь, которую я вижу на закрытом дворе – это статуя Императора, возвышающаяся над нами, огненное копье пронзает Хорусианскую Змею, которая извивается у Его ног. По бокам от нее стоят две меньшие фигуры боевых святых Сестер, одна с болтером, другая с щитом и мечом, со скелетами их врагов под ногами. Песня играет из динамиков, встроенных в вылепленные херувимы, которые линией висят на парапете над нами, каждая поверхность покрыта лепными орнаментами в виде завитков, барельефами Великих Добродетелей и изображениями Сестринства, убивающего врагов Императора. Даже под ногами пол выложен плитками потрескавшейся мозаики, повторяющийся узор, который включает в себя Имперскую аквилу, Череп Императора и стилизованный символ 'I' Экклезиархии, украшенный гипнотизирующим красным, черным и белым.

Некоторые из мусорщиков останавливаются, опуская руки по бокам, медленно поворачивая головы в одну сторону, а затем в другую, чтобы воспринять необыкновенное окружение. Довольно много моих последователей падают на колени, некоторые из них даже простираются ниц перед мраморным-с-золотом великолепием Имперского Величества. Из тех, что остаются стоять, большинство сотворяют символ аквилы – руки на груди, большие пальцы сцеплены – или жестикулируют какие-нибудь другие благочестия. Мой отклик – это поднять согнутый палец ко лбу, прикасаясь костяшкой к коже, пока я шепчу *‘Император Доминус’*. Это, вероятно, первый раз, как я сделал это с тех пор, как покинул Олимпию, и я не

помню, насколько юн я был, когда это было вбито в меня в качестве знака уважения к Рекс Имаджифир.

Эти выражения возвращаются ко мне без приглашения. В юности они казались бессмысленными, чуждыми мне, как орочий или вериликсианский.

Отряд Боевых Сестер появляется из укрепленной двери справа, болтеры и огнемет направлены на нас. Под их охраной идут несколько других женщин, одетых в красные робы под черными табардами, волосы скрыты под белыми капюшонами. У них нет брони, но они не выглядят менее устрашающими от этого. Они незамедлительно идут к Носорогу, и начинают выгружать раненых.

Госпитальеры. Более точно, Сестры Ордена Госпитальеров Адепта Сороритас. Я помню медицинские станции среди баз Астра Милитарум, управляемые их членами и изредка посещающими клиники подулья. Дюжина более молодых санитаров – все девушки – пришли с носилками и медицинским снаряжением. Некоторых из раненых лечат тут же, корчащихся и стонущих под присмотром Сестер. Остальных положили на носилки и унесли.

Я смотрю внимательно, но не вижу Карсте. Я начинаю идти вперед, но за два шага обнаруживаю себя целью для восьми болтеров, болт-пистолета и огнемета.

«Девушка с пронзенным легким?» говорю я, поднимая руки.

Одна из Госпитальерок отрывается от своего подопечного с руками, окровавленными по локти, пока развязывает жгут.

«Которая?» спрашивает она, резко, но не без некоторой доброты на лице.

«Гребень, типа того.» Я изображаю волосы Карсте и указываю внутрь Носорога.
«Удар ножом в ребра, попали в легкое.»

«Она уже была в милости Императора, когда вы прибыли,» отвечает Сестра Госпитальер, поворачиваясь назад к своему пациенту.

Разочарование превращается в ярость, и я хочу кричать, бить кулаками что-нибудь. Во имя любви ко всему, какой смысл тащить себя и всех остальных через эту адскую дыру?

Я хочу закричать, спросить Императора, чего Он хочет от меня. Я стараюсь так сильно, как могу, на самом деле. Я мог бы просто уйти, сбросить мертвый груз сотни раз за прошедший день, но не сделал этого. В подулье, когда я сгорал, я мог бы сдаться и позволить боли поглотить себя, но не сделал этого. Я думал, что Император сохранил мне жизнь ради какой-то цели, но если она заключается только в том, чтобы видеть, как люди вокруг меня умирают, тогда я не уверен, что хочу этот дар.

Остро осознавая, что Боевые Сестры все еще направляют свое оружие на меня, я сдерживаю гнев, пока он пытается выплеснуться. Мои руки дрожат, когда я скрещиваю их, чтобы не дать себе сделать что-нибудь глупое, я сжимаю зубы и смотрю на мозаику под ногами, пытаюсь найти место покоя.

Я стою так какое-то время, игнорируя все, пытаюсь найти какой-нибудь смысл в том, что случилось со мной.

«Они все бы мертвы.»

Я поднимаю взгляд от спокойно произнесенных слов и обнаруживаю Орскя рядом с собой. Я осознаю, что она невооружена – все, кроме меня отдали свое оружие мрачно выглядящей Сестре в серых одеждах, которая вышла из монастыря. У новоприбывшей темная кожа, ее длинные волосы туго заплетены в коническую форму, удерживаемую заколками с черепами. Ее левая щека украшена тройным пером Сестринства, штифт пронзает ее плоть, как будто удерживая перья вместе.

«Что?» бормочу я. Серая Сестра указывает на меня, а затем на нож и пистолет на моем поясе.

«Твой друг мертв, но остальные живы,» объясняет Орскя. «Мертвы, если бы ты не привести их.»

«Она не была моим другом,» отвечаю я, не уверенный в правильности слов. Я вытаскиваю свой нож, а затем пистолет, отдавая их рукоятками вперед сурово выглядящей женщине. Она поворачивается и бесцеремонно кидает их на кучу оружия ульевиков и мусорщиков позади себя.

«Кто их вас Полковник Шеффер?» требует она, осматривая нас, очевидно смущенная отсутствием у нас униформы.

«Я,» говорит Шеффер, выходя вперед. Он встает по стойке смирно и энергично отдает честь, так ужасно четко и аккуратно, несмотря на свою трофейную одежду мусорщика.

«Я – Канонисса Эрасмиса из Ордена Святой Печати, старшая Сестра этого монастыря.»

«Одна из Ордена Фамулус?» говорит Полковник, опуская руку. «Командует боевым монастырем?»

Эрасмиса обращает пристальный взгляд на него, губы слегка изгибаются, пока она говорит.

«Это была, до недавнего времени, объединенная военная сила. Фамулус хорошо подходит для взаимодействия Боевых Сестер и Астра Милитарум.»

«Не хотел вас обидеть, уважаемая Сестра,» быстро говорит Полковник. Это самая большая уступка, которую я когда-либо видел от него, а я видал, как он противостоит инопланетным чудовищам и старшим генералам с равнозначным спокойствием. «Я удивлен, что невоенный персонал не был эвакуирован.»

Эрасмиса поворачивает испепеляющий взгляд на остальных из нас, оценивая взглядом каждого по очереди.

«Я не бросаю свои обязанности только потому, что другие бросают свои.» Ее взгляд задерживается на нас еще какое-то время, все напуганы нашим окружением и не встречают ее взгляд. «Довольно эклектичная группа у вас здесь, Полковник.»

Он напрягается.

«Они не *мои*,» насмешливо говорит он. Он поворачивается и указывает на меня, в его взгляде всего лишь намек на злость. «Они следуют за этим.»

«Сгоревший, я так понимаю,» говорит канонисса. Она делает жест Боевым Сестрам и две из них выходят вперед с оружием наготове. «Старшая Сестра Аладия прислала сообщение. Отведите его в камеру.»

«Что?» я делаю шаг назад, только сейчас вспоминая, что не стоит опускать руки, чтобы это не восприняли, как угроза. Некоторые из моих последователей выкрикивают свои протесты.

«Обвинение в ереси будет рассмотрено сразу, как только возможно,» говорит Эрасмиса, так же просто, как будто она обсуждает список вечерних молитв. «У нас мало времени, чтобы тратить его на такие вещи. Будем надеяться, что больше нет никого, кто потребует проверки.»

Устрашенные угрозой Сестры, мои подульевичи затихают. Я позволяю Боевым Сестрам повести меня к двери, бросив один взгляд на Полковника, пока прохожу мимо. Я бы не сказал, что он выглядит самодовольным, это просто не в его характере. Но у него выражение человека, который на данный момент чувствует себя непринужденно.

Это не самая худшая камера, в которую меня когда-либо кидали. Она сухая, что всегда главный фактор. Отсутствие костей предыдущего обитателя – такое было всего лишь раз – определенно, приятная черта. Дыра в углу предоставляет лучшую уборную, чем в большей части адских дыр, в которых я сражался. На полу есть даже копия предательского изделия фон Страба – *О Правах и Обрядах Завоеваний*. Отсутствующие страницы, вырванные в спешке, раскрывают ее истинное назначение. На деревянном стуле в центре комнаты находится более хорошая книга. Я переворачиваю ее, пока Боевая Сестра с грохотом закрывает металлическую дверь позади меня. Литании Веры. Отдельные отрывки отмечены приклеенными ярлычками. Я открываю их и смотрю на мелкий текст, щурясь, чтобы прочитать его в слабом свете люмена за маленькой решеткой в потолке. Это строфы, в которых говорится о покаянии и искуплении, и много листов ересей, которые могут быть совершены против Экклезиархии.

Нежеланное напоминание о том, почему я здесь и резкий удар по самоутрачению, который подкрадывался ко мне с тех пор, как мы прибыли.

Окон нет. Кровати нет. Первое ожидалось. Второе кажется наказанием, но больше похоже на практичность. Логично предположить, что любой, кто пробудил гнев Сестринства каким-нибудь образом, уже, в лучшем случае, виновен в богохульстве, а, возможно, в гораздо более худшем.

С тех пор, как прибыл Полковник, я чувствую себя так, как будто попадаю из одной беды в другую. Это похоже на то, словно он представляет собой какой-то водоворот, высасывающий удачу из любой ситуации. Всего лишь день назад, может быть, немного больше, я был главным. В безопасности, в сравнении с жизнью из потенциально смертельных миссий, идущих одна за другой. Довольным, я могу даже сказать.

Может быть, и нет. Прибытие Полковника не запустило ничего, что все равно бы не произошло. Он не привел варпорожденных, которые выгнали орков из верхнего улья. Он, определенно, не сотворил растущее недовольство, которое изводило меня, уставшего от обыденности.

Но, это раздражающая привычка, разрушать все вокруг себя, просто будучи там. Его просто тянет к местам суматохи, или его действия просто способствуют разрушению жизнью вокруг него?

Ересь. Это что-то новое. Я виновен в убийствах, нарушении субординации и всех типах плохого бизнеса, но меня никогда не обвиняли в фальшивом почитании или неправильном представлении Императора. Я никогда не задумывал оскорбить Его, прикованное к Трону, Величество, когда говорил, что Он вытащил меня из огня.

Правда ли это? Кажется, что это произошло много времени назад, хотя, не больше года, я полагаю. Тогда я был бессвязным какое-то время, в дни агонии, которые наложились друг на друга. Я мог бы называть себя Высшим Лордом Терры, и не знал бы этого. Так что, да, мне казалось, что Император спас меня от ужасной смерти.

Это ересь?

Камера не может быть слишком негостеприимной, но вероятно, более худшая судьба, которую я могу представить, ожидает меня, когда дверь откроется в следующий раз. Даже когда я проткнул того тупого сержанта и меня приговорили к смерти, когда Полковник пришел за мной, это была виселица или расстрельная команда. Сейчас уже не уверен в деталях, это все впоследствии затерялось в путанице из битв и убийств. Может быть, та часть мозга освободилась, когда они воткнули сверло мне в череп, чтобы высвободить испарения варпа. Может быть, пассажир из бездны разрушил его или бог-растение переписал это воспоминание

чем-то еще. Только Император знает, насколько мой мозг и мысли были отфрагованы за годы...

Относительно быстрая смерть, замененная на службу в Последних Шансах, которая обещала намного менее эффективные, но почти такие же надежные средства исполнения. Оказывается, это не прикончило меня, но из всех ужасных концов, от которых я едва уворачивался по пути, обвинение в ереси, возможно, одно из самых худших.

Экклезиархия не просто убивает еретиков. Должно быть очищение, чтобы душа могла уйти без порчи. Если нет, эта душа отправляется в бездну, а не к Императору, потерянная для его бессмертной мощи.

Много очищения.

Арко-флагелляция, вот это хорошо. Превратиться в берсерка-бойца с имплантированным оружием и без собственного разума. Жертвенный штурмовик, бросающийся на врага. Маскирующий смерть, затяжной, удушающий способ умереть, бездыханно крича раскаяния, пока горячий металл льется тебе на лицо и выжигает твои черты.

Экклезиархия не лодырничает, когда дело касается устрашения. Когда мы приземлились на Ичар IV, там было массовое наказание для роты, которая сбежала от тиранидов и позволила им опустошить отдельный храм. Двести мужчин и женщин с клеймами на лбах привязали к столбам перед посадочной площадкой, в качестве напоминания, что Астра Милитарум существует только для того, чтобы защищать владения Императора, и нет владений более святых, чем территория Экклезиархии.

Видеть двести трупов по прибытии было бы шоком, но это не было самым худшим – они не были мертвы... Их кормили и поили, держали живыми днями, пока солнце поджаривало их кожу и гноящиеся раны.

Я думаю, что мне нужно бежать.

Я имею в виду, я виновен, я думаю. Я – Сгоревший, и нет конца свидетелям, которые будут подтверждать эту правду, и Сестринство будет весьма рассержено этим. Нет сомнения, что Полковник тоже вставить свое слово, если ему представится шанс. Не

мстительный человек, и я могу чувствовать, что это становится личным между нами, не важно, что он говорит насчет того, что Сгоревший мог бы стать следующим фон Страбом. Он пришел за *мной*, ничего больше.

Так что, мне нужно выбираться отсюда, пока они не пришли за мной. Я погибну, пытаюсь бежать, это кажется точным. Я где-то под боевым монастырем, и даже если я доберусь до поверхности, мне нужно будет добраться до стен и каким-то образом выбраться наружу. Затем будет жизнь мусорщика. Я не проживу и две недели в дикой местности, если только не смогу убедить Орскя и ее людей принять меня.

Но даже смерть от жажды, похороненным в пепельном потоке, кажется предпочтительней перед тем, что бы там Сестринство не собиралось сделать со мной. Они все фанатики. Это очень важно даже для тех, кто не является Боевыми Сестрами.

Болт в голову или спину кажется лучшим способом уйти, чем быть обожженным тысячей освященных свечей, или раздавленным под медленно опускающейся статуей Императора, или с отрезанными частями тела быть сожженным перед Его образом – сначала кисти, потом конечности, потом внутренности, смотря, как мое тело, буквально, сгорает в яростном дыму перед моими глазами.

Дрожь пробегает через меня, когда я слышу скрип дверного замка. Какой бы я план не сочинял, уже слишком поздно.

Заходят две Боевые Сестры, одна из них с регалией Старшей Сестры. Она, должно быть, та, кто говорил с нами в пустошах, но я не уверен. Их посеребренная боевая броня шипит, когда они двигаются, их присутствие сопровождается гулом и статическим электричеством от силового генератора в их броне. Броня придает им рост и массивность, которые заставляют меня чувствовать себя меньше, хотя, я полагаю, женщины-воины внутри вряд ли больше, чем я – определенно, ниже, чем Орскя.

Выращенные Экклезиархией, потерявшие родителей дочери Имперских служащих, они были тренированы сражаться за Императора так же долго, как я учился драться за себя. Я мог бы проскользнуть до того, как одна из них поднимет свое оружие, и я вспоминаю болезненно длинный, прямой коридор за дверью. Это лучше, чем мне

выжгут глаза пылающими клеймами и сдерут мою кожу, чтобы превратить ее в пергамент для печати чистоты.

Я делаю шаг, сжимая кулаки, ноги напрягаются для быстрого бега.

Следующее, что я осознаю, это то, что меня сбивают на пол, и что пальцы в перчатке Боевой Сестры вокруг моего горла. Я тяжело ударяюсь о голый феррокрит, механизированная перчатка охватывает достаточно туго, чтобы каждый вдох был некомфортным. При поддержке систем брони, Боевая Сестра удерживает меня, когда Старшая Сестра появляется возле моего плеча, абсурдно широкое дуло ее болтера направлено на мое лицо. Я могу чують священные смазки на их броне, резкие, но сладкопахнувшие.

«Дальнейшее сопротивление не будет мудрым, Лейтенант Кейдж,» говорит стоящая Боевая Сестра. «Несоблюдение будет встречено с новой силой и сдерживанием.»

Хватка на моем горле слегка ослабевает.

«Ладно,» шепчу я, почти задыхаясь от слова. «Я буду хорошо себя вести.»

Боевая Сестра выпрямляется, поднимая меня на ноги. Она подтягивает меня ближе, так что я могу видеть свое покрасневшее лицо, отражающееся в линзах ее шлема.

«Я сломаю тебе ноги, если попытаешься бежать,» говорит она, отодвигая механизированные пальцы от моего горла.

Я киваю и ковыляю прочь, к двери. Еще одна Боевая Сестра ждет там, поворачиваясь, чтобы вести нас от камеры.

«Мне можно говорить?» спрашиваю я хриплым голосом.

«Если говоришь, выбирай вежливые слова,» отвечает Старшая Сестра, пристраиваясь позади меня. Другая Сестра закрывает дверь, ее лязг разносится по коридору. Из-за других дверей камер доносятся болезненные стоны, и мольбы о помощи приветствуют наше присутствие. Я слышу причитания, крики, умоляющие о прощении, приглушены толстыми каменными стенами.

«Как прошла битва против варпорожденных? Ваши Сестры благополучно вернулись?»

«Было несколько жертв,» отвечает Старшая Сестра. «Враг был отброшен, но они вернутся.»

Впереди открывается дверь, и выходит Сестра в цветах Госпитальеров. Я мельком смотрю мимо нее и вижу женщину, привязанную к деревянным носилкам. Она извивается в своих оковах, визжа и рыдая. Я задумываюсь, каким пыткам подвергается эта несчастная, но, когда мы рядом с камерой, я отчетливо могу слышать ее слова.

«Огонь живой! Огонь живой! Они забрали моего сына! Огонь, который ходит, убил их всех!»

С каменным лицом, Сестра Госпитальер закрывает дверь и двигается к следующей камере. Я слышу больше нечленораздельной речи, почти бессловесной, причитающей о каком-то варпорожденном ночном кошмаре, который посетил их.

«Это больница, не тюрьма,» говорю я, осознавая, о чем большая часть воплей и криков. «Тронутые варпом, вы приносите их сюда?»

«Силой Императора их души будут очищены от порчи,» говорит мне Старшая Сестра. «Если нет, мы дадим им освобождение, которого они жаждут.»

Мы продолжаем идти в тишине вверх по деревянной спиральной лестнице, ведущей к поверхности, выходя наружу через нишу в главном гараже монастыря, где обслуживаются Носороги, Иммоляторы и другие бронированные машины, каждая окружены маленькой группой аугментированных техноадептов. Я так привык видеть их в церемониальных красных одеждах, что вид последователей бога-машины в белых одеждах с серебряной строчкой, на мгновение сбивает меня с толку. Я задумываюсь, какие могут быть забавные теологические дискуссии между преданными Омниссии и Сестринством Бога-Императора, но затем вижу, что каждый техноадепт носит безротую полумаску, наглухо закрывающую челюсть. Они общаются друг с другом треском и щелчками Техно-лингвы, исходящей из вокс-аппаратов, встроенных в их глотки, и по-другому говорить не могут. Вот тебе и здоровая дискуссия.

Пройдя сквозь выхлопные газы и облака ладана, меня ведут по монастырю к открытому пространству позади врат, где мы входили. Я могу видеть орудийные

башни вокруг нас, Сестер в серебряной броне, патрулирующих бастион, но нет никаких признаков Полковника или остальных.

«Что случилось с остальными, кто пришел со мной?»

«Они были изолированы в спальном корпусе,» говорит Старшая Сестра. «Там тесно, но в данное время они в безопасности.»

Мой эскорт ведет меня в строение на другой стороне, высотой в три этажа и выступающее из внутренней части главной стены. Меньшие орудийные башенки усеивают верхний этаж и крышу.

Внутри широкий зал и еще лестница. Меня отводят на следующий этаж, и мы попадаем в часовню с алтарем, кафедрой, кучей картин и маленькой скульптурой. Остальная часть отряда Старшей Сестры стоит наготове, пятеро вдоль одной стены, двое у другой. Мой эскорт встает на свои места рядом с ними, оставив меня стоять перед Канониссой Эрасмисой. С ней низкий, худой человек в коричневой робе, подвязанной позолоченным поясом, на его голове тонзура с символом Адептус Министорум, большая книга в металлической обложке у него под одной рукой, а в другой булава с длинной ручкой. Он выглядит уставшим, его глаза налиты кровью, кожа свисает с его стареющего лица.

Мои обвинители, без сомнения.

Я тяжело сглатываю, осознавая, что вот оно, из этого выхода нет. Никакого спасения в последнюю минуту. Никакого внезапного прыжка к свободе. Меня будут испытывать, судить и приговаривать к мучительной смерти, и нет ничего, абсолютно ничего, что я могу сделать, чтобы остановить это.

Я обдумываю упасть на колени и умолять. В конце концов, если я признаю свои грехи, разве это не освободит мою душу от вины?

Но я, на самом деле, не умоляющий тип, и, несмотря на то, что я, может быть, совершил ересь, я все еще верю, что Император вернул меня, и что Он не делает такие вещи по прихоти.

«Кейдж,» произносит человек, осматривая меня сверху донизу. Намек на улыбку касается его губ. «Я могу видеть, почему они называют тебя Сгоревший.»

«У меня были прозвища и похуже,» говорю я.

«В самом деле, я уверен в этом, молодой человек,» отвечает священник. «Я уверен в этом. Насыщенную жизнь ты прожил, судя по всему тому, что я слышал.»

«Не все было впустую, я надеюсь,» говорю я с гордостью. «Я допускаю, что что-то сделал неправильно, но из-за меня врагов Императора вокруг стало меньше.»

«Определенно!» Священник подходит ближе, смотря на меня со странной притягательностью. Это тревожит меня, так что я обращаю свое внимание на канониссу. Она смотрит на меня с тем же удовольствием, как на кого-нибудь, кто изучает дерьмо, в которое только что вляпался.

«Это поразительно, разве нет?» говорит священник, поворачивая свою голову к Эрасмисе. «Он, определенно прошел войны, вы не можете это отрицать.»

«Многие сражались на полях битв Императора,» ворчит в ответ канонисса. «Некоторые выжили, когда миллионы остальных погибли. Это не делает из них святых.»

«Святой?» говорю я, но никто из них не уделяет мне никакого внимания, банально продолжая дискуссию, начатую до моего прибытия.

«И еще эта история о Сгоревшем... Свидетельские показания Полковника Шеффера недвусмысленные. История излагается подробно последователями Кейджа, и его деяния после появления адской раны говорят о признаках святости.»

«Позор, что вы ассоциируете этого...» канонисса делает пренебрежительный жест в мою сторону, «с такими, как Киилер, Саббат или Целестина.»

«Ах, но вы забываете, что не все святые происходят из ваших орденов, канонисса,» отвечает священник.

«Кто вы?» спрашиваю я, пытаюсь понять смысл разговора. «Вы говорите, что думаете, что я... *святой*?»

«Живой святой, возможно,» отвечает священник с полным энтузиазма кивком. «Мои извинения, молодой человек. Я – Проповедник Дениумениалис, единственное

оставшееся духовенство этого объекта Адептус Министорум. Большинство солдат, с которыми я имел дело, называли меня просто Старый Проповедник.»

«А святость...?» Я бросаю взгляд на Эрасмису, которая вздрагивает от того, что я использую этот термин, сдерживая гневные слова.

«Ну, я думаю, что есть причина для изучения, определенно,» говорит Старый Проповедник. «Такие вопросы не решаются по прихоти, и будут серьезные дебаты. Не мне присваивать тебе такой титул, очевидно.»

«В самом деле, нет,» говорит канонисса с заметной твердостью.

«Но, я утверждаю, что ты выполнил много критериев. Некоторые из них кажутся мне очевидными.» Впервые он показывает некоторое раздражение, пока смотрит на канониссу. «Я не знаю, как кто-то может игнорировать символизм поражения змеи...»

«Значит, я не еретик?»

Челюсть Эрасмисы сжимается так сильно, что я думаю, что слышу треск зубов.

«Это духовное суждение, в котором я полагаюсь на Дениумениалиса,» говорит она сквозь сжатые зубы.

«Конечно, нет, молодой человек.» Старый Проповедник хлопает меня по руке. «Того, кого коснулся Император таким способом, нельзя судить за ересь! Я верю, что ты можешь быть олицетворением Его воли. Возможно, святым, возможно, просто субъектом чуда. Ничто из этого не ересь.»

«Пожалуйста, скажите мне, что вы еще не говорили это Полковнику,» говорю я. «Я, на самом деле, хотел бы быть там, когда--»

Меня прерывает внезапный громкий звон колоколов. Не настоящие колокола, конечно же, а смоделированный звук из воксов, встроенных в крышу часовни. Боевые Сестры уже движутся, поворачивая к дверям, и я вижу беспокойные выражения на лицах проповедника и канониссы.»

«Они же не в мою честь звучат, так ведь?»

ОДИННАДЦАТЬ

БОЙ У СВЯТОЙ СИЛВЫ

У меня обширный опыт в сигналах тревоги различного рода. Корабельные сирены, сигналы воздушной атаки, предупредительные сигналы и всякие крикливые офицеры, оружие, как ненормальные, я все это слышал. Нет ничего лучше фальшивого колокола, непрерывно трезвонящего на оглушительном уровне, чтобы заставить сердце быстрее биться, а тело двигаться.

Грохот шагов Боевых Сестер эхом отдается по пустым коридорам и залам боевого монастыря, возвещая о появлении вспышек серебряного, красного и черного, пока они заполняют стены. Грубо, я подсчитываю, что их, должно быть, около ста двадцати, плюс кто бы там ни управлял стационарными орудиями. В машинном комплексе, двигатели с рычанием оживают, дым их выхлопов поднимается, чтобы присоединиться к смогу над монастырем. Звон колокола уменьшается, замененный потоком Высокого Готика, который я не понимаю – это может быть молитва или приказы, невозможно сказать. Через полминуты это сменяется воодушевляющим песнопением, гимном, восхваляющим силу Императора, воспевающим Святую Катерину.

Я обнаруживаю себя, слоняющимся в главном комплексе, не уверенным, что делать. Полковник и около двух дюжин ульевиков и мусорщиков появляются из противоположной двери, некоторые из них все еще закрывают свои уши. Как будто призванная, Канонисса Эрасмиса появляется рядом со мной, еще три Сестры в темных одеждах позади нее.

«Вернитесь в свое жилище, сейчас же,» рявкает канонисса. Ее напарницы, Сестры Фамулус, направляются к зданию, откуда вышли Шеффер и остальные.

«Отдайте нам наше оружие, уважаемая канонисса,» говорит Полковник. «Мы можем помочь.»

Следом прибывает Дениумениалис, со Старшей Сестрой у плеча.

«Старый Проповедник, скажите канониссе, что мы можем помочь защищать стены!» говорю я.

Он выглядит удивленным просьбой.

«Я не могу делать такие вещи, молодой человек,» отвечает он.

«Вы не хотите, чтобы живой святой защищал ваш монастырь?»

«Кто?» рявкает Полковник, переводя взгляд от меня к священнику, а затем назад.

«У меня нет власти, лейтенант Кейдж,» продолжает Старый Проповедник. «Я уверен, что вы отлично знаете, что Декрет Пассив запрещает Экклезиархии командовать вооруженными людьми. Все военные вопросы – это территория Сестринства. Будет крайне неуместно мне вмешиваться.»

Я перевожу свое внимание на Старшую Сестру рядом с ним. Я уверен, что она та, кто вывел меня из камеры, и почти так же уверен, что она – лидер отряда, который доложил обо мне канониссе.

«Сестра Аладия?»

«Да?» Это очевидно, что она хочет присоединиться к своим Сестрам на защитных укреплениях, потому что она бросает взгляды вверх на серебряных воительниц, собирающихся над нами.

«Мы можем сражаться с вами. Несомненно, вам нужна вся помощь, которую можете получить. Император привел вас к нам, когда мы нуждались в вас, разве будет правильно игнорировать этот подарок?»

Даже сквозь святое вещание, я слышу погребальную панихиду, которая стала слишком знакомой. Беспрерывное, монотонное бормотание, которое воспринимается не только ушами, но ощущается в разуме и резонирует во внутренностях. Я не знаю, мои ли это слова, которые убедили Аладию, или надвигающаяся угроза, но она указывает на сторожку у врат.

«Когда заберете свое оружие, удерживайте стену там. Не вставляйте на пути моих Сестер.» Она смотрит на Эрасмису. «Канонисса, пожалуйста, отдайте заключенным их оружие.»

Она ложит руку на плечо Старого Проповедника и уводит его, направляясь в святилище во внутренней части монастыря.

«Ждите здесь,» говорит нам Эрасмиса, поднимая руку к воксу, прикрепленному к ее уху. Она кратко шепчет что-то, совсем недовольная.

До того, как приносят наше оружие, главные пушки с грохотом оживают, выплевывая снаряды туда, что раньше было Имперской территорией.

«Атака из-за линии фронта?» говорю я, видя, что Полковник реагирует со схожим беспокойством.

«Варпорожденным не нужна логистика или линии поставок, как смертной армии,» тяжело говорит Шеффер. «Если они могут появиться, они появятся, без других ограничений.»

Несколько тяжелых болтеров Боевых Сестер открывают огонь. Кажется, враг приближается быстро, преодолев дистанцию обстрела пушек до дистанции поражения тяжелым оружием меньше, чем за минуту. Я хочу побежать наверх на укрепления, чтобы посмотреть, но приказ Аладии удерживает меня – я могу легко представить, как меня отбрасывают в сторону или даже убивают, если мы пересечемся с отрядами Боевых Сестер.

Двойная дверь с грохотом открывается позади нас, и появляется полдюжины молодых женщин, толкающих маленькие тележки, нагруженные нашим оружием.

«Два отряда, ульевики и мусорщики,» говорю я, пока группа движется вперед, чтобы вернуть себе наше вооружение. «Орскя, ты знаешь, что делать?»

«Стрелять наружу стены?» отвечает она со смехом. «Не внутрь?»

«Годится,» говорю я.

«Ты больше не командуешь,» резко бросает Полковник, ложа руку мне на грудь, чтобы остановить меня, когда я поворачиваюсь с лазерным пистолетом и ножом.

«Это – Имперская территория, цепь командования в силе. Вы все – солдаты 13-ого Штрафного Легиона, помнишь?»

Я взмахиваю ножом в сторону мусорщиков и ульевиков, бегущих к лестнице, ведущей к стене сторожки.

«Они не слушают вас, Полковник,» говорю я, отталкивая его руку своей. Я затыкаю нож за пояс и проверяю силовую ячейку лазерного пистолета. Хватит еще на тридцать выстрелов. «Вы хотите спорить об этом, или пойдете и убьете несколько демонов?»

Его ворчание – это весь ответ, который мне нужен, и я проталкиваюсь мимо, срываясь на бег. Перепрыгивая по две ступени за раз, я добираюсь до укрепления, но мы смотрим не в ту сторону, чтобы что-то увидеть; нападение осуществляется с задней части монастыря. Сестры на дальней стене, примерно, в шестидесяти метрах, непрерывно стреляют во врагов, которых я не могу увидеть.

«Кейдж!» Голос, который кричит мне, пронзительный, почти срывающийся.
«Смотри!»

Я оборачиваюсь к открытому пространству перед воротами, месиво из грязи и пепла прорезано следами от траков и ботинок. Маслянистые лужи пузырятся жизнью в грязи, становясь более широкими лужами из темной, сгущающейся жидкости. Я прекращаю считать на двадцати, разбросанных вокруг нас, примерно, в пятидесяти метрах от стены. Волосы на моих руках поднимаются и затылок пульсирует.

«Порождения варпа,» рычу я, смотря, как ближайшая лужа поднимается, колеблющийся свет прожекторов и затянутый облаками рассвет танцуют на разбухающей поверхности.

Пузырь разделяется, становясь двумя, затем тремя, затем четырьмя отдельными каплями, отвалившимися от грубых фигур внутри. Через минуту перед нами стоит почти сотня чумоносцев, большие по размеру щупальцеротые твари вытаскивают себя в бытие вокруг них. Неестественный порыв воздуха проносит вонь кладбищ и смертных лож над нами, но в этот раз, кажется, они почти мгновенно рассеиваются, замененные запахом ладана Сестер. Монотонное бормотание демонов и звон негармоничных колоколов теряются на фоне воодушевляющих гимнов из воксов; восхваления Бога-Императора заглушают плачь и вой наступающих тварей. Смотреть

на застывших варпорожденных противно, но я не чувствую того, выворачивающего внутренности отвращения, которое охватывало меня в пустошах.

Мы открываем огонь, пока гниющие воины приближаются, поток песни из воксов заглушает вызывающее безумие непрерывное бормотание, которое сопровождает их. Лазерные заряды и пули несутся вниз, приветствуя быстро идущих чумных воинов и медленных тварей стеной огня. Лазерные заряды разрезают неестественную плоть, оставляя дымящиеся следы, но и только, в то время, как пули, кажется, замедляются, когда попадают, как будто они выпущены во влажную землю с тем же эффектом. Внезапный рев болтеров охватывает нас от башен с обеих сторон. Три отдельных потока болтов врезаются в приближающихся варпорожденных, их детонации отрывают конечности, разрывая нечеловеческие тела и разнося на куски черепа варпорожденных. Убитые демоны превращаются в кучи слизи, всасываясь назад в утрамбованную землю.

«Продолжаем стрелять,» предупреждаю я, отмечая, что разбрызгавшиеся останки продолжают двигаться, скользя в грязи, медленно преобразовываясь. Подобно ручейкам, стекающим по холму, они соединяются, создавая большую лужу, примерно в тридцати метрах от внешних башен. Оружейный огонь с барбакана хлещет по трясине, но там нет ничего физического, во что можно попасть, так что болты и потоки огня просто исчезают в рябющей поверхности.

Как и раньше, варпштука пузырится и корчится, создавая форму из ничего. Ее поверхность испещрена ударами болтов, испарения поднимаются от блестящих краев, когда мультимелты и горящий прометиум выжигают поверхность пузырящейся массы. В этот раз она не разделяется. Тварь, которая тяжело поднимает свою огромную массу от земли, такая же большая, как и крылатый кошмар, который пришел за нами в подулье. Хотя, это не кровь и тень, но тяжелая куча гноящейся плоти и истекающего гноем ужаса.

Она продолжает увеличиваться, становится почти такой же высокой, как башни, и намного больше в размерах. Ржавая булава формируется из вырастающей конечности, ее конец с шипом, как у кадила, рои мух тянутся за ней, как живой смог. Пальцы с обломанными ногтями другой руки держат огромный, ржавый меч, длиннее моего роста и такой же широкий, как плечи человека. Складки зеленой

кожи и скрутки плоти материализуются из пены слизи, становясь шире, голова без шеи с кучей крошечных глаз над ротовой щелью, которая ухмыляется устрашающей ухмылкой, обращает на нас свое бессмертное намерение.

Вопли чистого ужаса доносятся со стен вокруг меня, и я слышу голоса, взывающие к Богу-Императору, умоляющие о защите. Слюнявый язык свешивается изо рта, чтобы оставить дорожку из шипящей слюны на множественных подбородках. Я могу ощущать волны тошноты, бьющей мне по мозгам, подобно горячему ветру, и я вспоминаю сумасшедшие души в подземелье. Если бы не святилище монастыря, вероятно, мы все бы сошли с ума из-за порочной силы варпорожденного.

Пока еще больше оружейного огня врезается в безразличную демоническую плоть, монструозное создание размахивается своей булавой, наверху врывается в усиленный феррокрит с громopodobным взрывом. Куски каменной кладки летят во все стороны, и от выемки в углу башни быстро разбегаются трещины, материал поддается столетиям разрушения за секунды, когда мощь демона варпа распространяется все дальше и дальше. Не обращая внимания на взрывы, которые могут пробить броню боевых танков, возвышающийся кошмар опускает свой клинок, пробивая дыру в уже ослабленном камне, сотрясая стену до основания. Тела в серебряной броне падают с разрушающейся башни, их дюжины, раздавленные разрушением из форта.

Подобно пылинке в песчаную бурю, я ощущаю себя крайне беспомощным перед титанической силой, обретшей форму перед нами. Никогда раньше я себя не ощущал маленькой и бесполезной кучей костей, плоти и крови. Страх настолько подавляющий, что это становится абсурдным, полное оцепенение чувств ко всему, что меня окружает. Несколько секунд есть только я и безразличная громада вселенной. Я слышу гортанный смех, который сотрясает стены, резюмируя полное пренебрежение вселенной ко мне.

Я поднимаю свой лазерный пистолет и чувствую, что это настолько абсурдно, что я могу тоже начать смеяться. С таким же успехом муравей может попытаться уничтожить танк Леман Расс. Потая, ощущая лихорадочный жар, струящийся сквозь меня, я почти теряю хватку на лазерном пистолете, когда мои руки начинают трястись, мои мышцы подергиваются от паралича от страха.

Вспышка красного выводит меня из состояния фуги.

На другой стороне сторожки я вижу, как Полковник стреляет в огромное чудовище, посылая выстрелы из лазгана, как будто у него есть какой-то шанс навредить ему. Хотя, его примера достаточно, чтобы некоторые из остальных тоже начали стрелять, добавляя свои лазерные заряды и пули.

Не обращая внимания на поток огня, огромный варпорожденный направляет свою массу на вторую башню, врезаясь своей невозможной тучностью в структуру. Потoki ихора и кипящего гноя вырываются из разорванной плоти, но фортификация изгибается, огромная трещина распространяется спереди, как будто от сильного землетрясения. Подобно гротескному медведю, сжимающему в объятиях свою жертву, варпорожденный обнимает разрушающуюся башню, используя свой вес, чтобы потянуть ее к земле в шлейфе пыли и грязи. Рои мух спиралями кружатся над обломками.

Горстка Боевых Сестер появляется из обломков, болтеры рывкают в сопротивлении, пока меч не опускается вниз, разрубив троих из них на куски. Две другие Сестры перебираются через каменную кладку и скрученный металл, их болты покрывают ухмыляющееся лицо твари шквалом маленьких взрывов. Неестественная плоть отлетает от каждого взрыва, густая кровь сочится из кратеров, оставленных их попаданиями.

Тварь поднимает булаву, ее ржавая рукоять ловит следующий залп, а затем опускает ее, превращая четырех Боевых Сестер в массу разбитого керами́та и превращенной в пасту плоти. У последней из гарнизона башни кончились боеприпасы, но она непокорно стоит на куче разрушенного феррокрита среди тел своих Сестер, поднимая одной рукой кулон, который висит у нее на шее. Кажется, что варпорожденный вздрагивает несколько секунд, и остаточное изображение пламени мелькает перед моим взором, хотя я ничего не видел.

Врата под нами открываются, и выкатывается пара танков-Иммоляторов, даже когда демон-гигант сбивает Боевую Сестру с обломков взмахом своей булавы, посылая ее сломанное тело в воздух на пару дюжин метров.

Освященный прометиум вырывается из турелей бронированных машин, омывая великого лорда разложения волнами раскаленной добела ярости. Два отряда Боевых Сестер наступают под нами, мухи разлетаются с их пути, как вода перед носом корабля, серебристый свет, который, я думаю, я видел в пустошах, снова окружает святых воительниц. Гром от их болтеров задает темп для гимна, их голоса возвышаются в песне, доносящейся из внутренних систем обращения, пока они наступают шаг за шагом, каждый выстрел находит свою массивную цель.

Поглощенный ударами болтов и омытый белым пламенем, варпорожденный стонет, его рот расходится шире, когда он замахивается зазубренной кромкой своего меча на ближайший Иммолятор. Клинок ударяет машину сбоку, оставляя борозду на броне и выхлопной системе, поднимающийся дым от двигателя смешивается с облаком мух, которые кружат вокруг нематериального чудовища.

Камни вокруг меня звенят от звука бронированных сабатонов, пока еще больше Боевых Сестер поднимаются вверх по лестнице, ведущей к бастиону, выставляя стену из болтеров, огнеметов и мелта пушек перед монастырем, их прибытие заставляет меня и остальных отойти от стены. Я могу только мельком видеть то, что происходит дальше, и слышать яростные вопли монстра, пока он медленно поддается огневой мощи и вере Адепта Сороритас.

Все стихает, и остается тихим несколько секунд, принося с собой огромное освобождение от давления.

«Слава Богу-Императору!» кричу я, пронзая воздух, пока облегчение наполняет меня. Я оседаю, почти падаю на колени до того, как нахожу силы снова встать. Мои руки по бокам, пистолет все еще в моих пальцах. «Слава Императору.»

Боевая Сестра передо мной поворачивается.

«Побереги свой голос для молитв о силе, солдат Императора,» говорит она и поднимает свой взгляд к небу. «Тебе потребуется вся твоя вера против приближающегося врага.»

С холодной дрожью я поднимаю взгляд вверх. Небо испачкано полосами облаков, и среди темноты я вижу искры движения. Сначала я думаю, что это, должно быть,

самолеты, но угол кажется неправильным. Затем я осознаю, что это потому, что объекты приближаются вертикально, прямо к нам.

«Десантные капсулы,» кто-то шепчет слева от меня.

«Предатели Астартес,» говорит Полковник.

Я думал, что они будут здесь быстрее. Вы слышите истории о десантных атаках Космических Десантников и представляете себе, что все заканчивается за секунды. Армагеддон видел несколько за годы, и эта атака кажется весьма пассивной по сравнению с рассказами о том, как Коммандер Данте приземлился прямо в главный лагерь Зверя в первую войну. Всего лишь три ярких огонька становятся немного больше и немного ярче каждую минуту.

Я бы хотел, чтобы это было намного быстрее. У меня уже болит шея от того, что я смотрю вверх, но настоящий урон мне наносит быстрое биение моего сердца. Ощущение такое, что я сражался недели, а не часы, а затем я думаю о том, что произошло и осознаю, что я не спал два дня, и за последние сорок восемь часов есть только один – в лагере с людьми Орски – когда я не сражался или не спасался бегством. Ичар IV был напряженным, как только все началось. Коританорум был почти двадцатью четырьмя часами напряжения и страха. Все из этого кажется ничем, по сравнению с тем, через что мы прошли.

Я полагаю, все из-за того, что я не могу увидеть конец. Тогда это были миссии. Теперь миссия – это выжить до... До чего?

«Всегда будет что-то еще, кто-нибудь еще, пытающийся убить меня,» бормочу я, все еще не в состоянии отвести глаза от тройки спускающихся огненных шаров.

Беспокойство охватывает меня, и на мгновение я думаю, что возвращаются Нерожденные. Но это ощущается больше похоже на холод, чем жар, и я, в конце концов, отвожу глаза от приближающихся десантных капсул, чтобы обнаружить Охебса рядом с собой. Моя кожа ощущается так, как будто она пытается отодраться от моей плоти, чтобы убраться подальше, и я не могу смотреть на него больше, чем полсекунды. Я хорошо постарался, чтобы избегать близкого контакта большую часть времени, пока мы были вместе, но на забитом бастионе практически некуда уйти.

«Чего тебе?» спрашиваю его я.

«Я хочу знать, как ты продолжаешь жить, зная о всех плохих вещах, которые ты сделал,» говорит он с агрессивным взглядом. «Я хочу знать, на что похоже убить людей, которых ты убил, подвергнуть опасности целую планету, а затем уйти от этого, притворившись, что Император думает, что ты особенный.»

«Я не притворяюсь,» говорю ему я.

«В тебе нет ничего особенного, Кейдж,» продолжает он, слюни летят с его губ. Как будто не имеет значение, волнует ли меня то, что он скажет, он все равно это скажет. «Я знаю, на что похожа особенность. Особенный – это быть настолько другим, что никто не может оставаться с тобой в одной комнате больше, чем несколько секунд. Особенный – это когда твои родители оставляют тебя в местной часовне, потому что ты их очень сильно раздражаешь. Особенного воспитывают, чтобы думать, что ты искажение в глазах Бога-Императора, чтобы ты прилагал все усилия всю свою жизнь, чтобы искупить вину перед Ним за грех быть рожденным таким, как я.»

«Фраг тебя,» огрызаюсь я. «Ты бездушный урод-мутант. Ты не должен существовать, но они нашли тебе применение. Ты должен быть благодарен, что никто не приложился к твоей голове кирпичом, когда ты был ребенком. Ты не можешь судить меня только потому, что твоя жизнь была дерьмом.»

Он указывает вверх в небо.

«Когда-нибудь ты умрешь, Кейдж. Твоя удача, та хорошая фортуна, которая, кажется, удерживает тебя от того, чтобы словить пулю, скоро закончится. Может быть, сегодня. И я могу тебе сказать, ты уйдешь в бездну. Называй себя избранником Императора сколько хочешь, ты не пойдешь к золотому свету, Кейдж. Ты запятнан, я могу чують это на тебе. Может быть, пассажира из бездны больше нет поблизости, но он выбрал тебя по какой-то причине. Может быть, ты *пригласил* его?» Он повышает свой голос. «Может быть, те твари следуют за тобой, пытаюсь вернуть тебя. Нам было бы лучше, если бы ты отвел их куда-нибудь еще.»

Несколько ульевиков и мусорщиков смотрят на нас, и одна Боевая Сестра поворачивает свою голову, привлеченная перепалкой. Я хватаю Охебса за переднюю часть его накидки и подтягиваю его через свое отвращение ближе к себе. Меня

отталкивает его присутствие. Не болезненное, как с чуморожденным, но физически отталкивающее; стоит усилий оставаться рядом с ним.

«Это звучит, как угроза,» рычу я.

Он с рычанием отбивает мою руку в сторону.

«Я знаю свою цель,» говорит он мне, отступая. «Я смирился с невзгодами своей жизни, потому что я знаю, что хорошего я сделал, каких испорченных предателей помог разоблачить. Где-нибудь еще, когда-нибудь еще, ты получишь пулю в затылок, и Инквизиция поставит клеймо на твоей щеке.»

Я отворачиваюсь и ловлю взгляд Полковника, который наблюдает за ссорой в нескольких метрах со скрещенными на груди руками.

«Держите своего урода подальше от меня,» резко бросаю ему я, когда прохожу мимо.

Я нахожу место рядом с мусорщиками, которых согнал в один конец стены отряд Боевых Сестер. Их тихие разговоры прекращаются, когда подхожу я, и я задумываюсь, о чем они говорили.

«Проблемы?» говорит Орскя.

Я качаю головой. «Ничего нового,» говорю я ей. Я бросаю взгляд на группу. «О чем вы разговаривали?»

«Истории,» отвечает она с пожиманием плечами. «Старые, старые истории. Почти забытые.»

«Какие истории?» Я смотрю вверх. Десантные капсулы похожи на три новых солнца, сияние входных панелей желтое на фоне красного неба. «Счастливые истории, чтобы отвлечь нас от неминуемой смерти, я надеюсь.»

«Истории о крови,» говорит она. «Пожиратели миров.»

«Великолепно. Никогда не слышал ни одну из них.»

«Было время, когда демоны приходили на Армагеддон. Раньше. Поколения назад.»

«Демонсы?» Я говорю тихо, хорошо осведомленный о Боевых Сестрах вокруг нас. Это очевидно, что варпорожденные здесь, мы только что сражались с ними, но это странно, что никто никогда не говорит о них напрямую, даже сейчас. Все признают, что это не то, что можно обсуждать в открытую, что грех, распространять такие слухи. «Какие истории?»

«Время крови. Мои предки сбежать в глубокие пустоши. Ульевики сражаться сами по себе. Солдаты прибыть и сражались с ульевиками.»

«Восстание?»

«Да. Восстание. И демонсы придти, позванные злыми ульевиками.» Она указывает наверх. «И падающие солнца, сотни их!»

«Космические Десантники раньше приходили на Армагеддон, чтобы сражаться с демонами,» шепчу я, наклонившись ближе. «Ты не имеешь в виду первое вторжение Зверя?»

«Нет,» фыркает она. «Знаю орков, и не орков. Старые истории. Ты слушать лучше! Большие армии Космических Десантников, сражающиеся с демонсами.»

«Я никогда не слышал о какой-нибудь войне здесь против варпорожденных. Я бы слышал, я уверен. Армия Космических Десантников - это не то, что люди могут просто забыть. Или битву против... против ходячих ночных кошмаров.»

«Не против,» говорит она, ударяя кулак о кулак. Она сцепляет пальцы. «Сражаться с.»

Я снова поднимаю взгляд вверх. Космические Десантники на одной стороне с варпорожденными, в войне, которая происходила годы назад, и никто никогда не слышал об этом. Для меня это звучит, как вечеринка у костра, и я полагаю, что Орскя видит что-то на моем лице, что выдает меня.

«Они убивать всех,» говорит она. «Всех не Космических Десантников, защитники Императора убить их. Привести новых ульевиков. Миллионы.»

«Защитники Императора убили всех?» Теперь я уже совсем ее не понимаю. «Почему они это сделали? Кому будет позволено сделать такое?»

Она пожимает плечами, в ее глазах загадочный взгляд.

«Все исчезнуть.» Она делает рубящие движения рукой. «Только мусорщики помнить.»

У кого такая власть, чтобы переместить целое планетарное население? Или ресурсы, чтобы сделать это? Это безумие, перемещать сотни миллионов людей по варпу. Потребовалось бы целое поколение, чтобы просто доставить их сюда. И ради чего?

Дальнейшая мысль отвечает на мой собственный вопрос.

«Инквизиция...» Я едва выдыхаю слово. Как и разговоры о тварях из бездны, даже упоминание о теневой левой руке Бога-Императора ощущается так, как будто это обрушит их на нас. «Уничтожила всех за то, что они видели демонов.»

Она кивает и одаривает меня понимающим взглядом.

«Даже если мы жить, мы умереть, я думаю,» говорит Орскя, бросая взгляды на Боевых Сестер. «Может быть, не первый раз. Может быть, не последний раз...»

Все, что мне нужно, чтобы поднять себе настроение, так это мысль, что даже если мы, каким-то образом, переживем чумоносцев и кровавых воинов, и Император знает, что еще, затем агенты Инквизиции уничтожат нас всех за то, что мы видели то, чего не должны были.

Я добавляю это в список других дерьмовых судеб, ожидающих меня, но, по крайней мере, это практически внизу в терминах вероятности. Есть намного большие шансы, что меня убьет сверхчеловек, псих в силовой броне в одной из тех падающих десантных капсул, или отдаст меня своим союзникам из бездны, задолго до того, как инквизитор решит, что во мне нет необходимости.

ДВЕНАДЦАТЬ

ПОЖИРАТЕЛИ МИРОВ

Меня поднимали на орбиту и спускали с нее на поверхность много раз, и я полагаю, что не понимал, сколько времени это, на самом деле, занимает. Это долгая прогулка, даже несмотря на то, что вы падаете вниз со скоростью в несколько сотен километров в час. Прошло уже больше десяти минут с тех пор, как мы впервые заметили десантные капсулы предателей, а они все еще летят.

Но пройдет еще не очень много времени. Пушки воздушной обороны бабахают свое приветствие падающим капсулам, освещая небо цветками горячей шрапнели. Через минуту зона вокруг вражеских штурмовых транспортных средств представляет собой беспорядок из черного дыма и блестящих осколков, но капсулы все так же продолжают падать.

«Это всегда похоже на это?» я поворачиваюсь, удивленный услышать Олеша.
«Ожидание, я имею в виду.»

«Что ты здесь делаешь?» резко бросаю я. Я выхватываю лазган из его рук. «Ты должен быть внутри с остальными. Здесь, снаружи, опасно!»

«Серьезно?» Он смеется, в его глазах несколько секунд слегка маниакальный взгляд до того, как он фокусирует его на мне. «Мальчики в безопасности. За ними присматривают.»

Он пытается схватить свой лазган, но я отвожу его назад.

«Нет! Я не для того протащил твою задницу через пустоши и почти утонул в пепельном призраке, чтобы спасти тебя, чтобы тебя разорвал на куски болт какого-нибудь предателя.»

«Но, именно поэтому я здесь,» говорит он, делая еще один рывок к оружию. Я резко отворачиваюсь, и он теряет равновесие, едва не падая. Выпрямляя, он смотрит на меня твердым взглядом. «Это мое право, защищать свою семью.»

«Отлично, я не спорю,» говорю ему я. «Но только в крайнем случае. Бери свое оружие и оставайся с сыном, ряди всего святого. Я серьезно. Через несколько минут здесь будет резня. Нет ничего храброго, ничего героического или благородного в том, чтобы оставаться здесь и быть разорванным на части взрывной боеголовкой.»

«Тогда, почему ты все еще здесь, Сгоревший?»

Это всегда самый простой вопрос, который скрывает самые сложные ответы, и на мгновение я думаю, чтобы проигнорировать его и просто попросить некоторых из остальных утащить его в убежище монастыря. Его серьезность убеждает меня, что я ему что-то должен, и я полагаю, что быстрее избавлюсь от него, если отвечу.

«Я не выбирал быть здесь,» говорю я, махнув рукой на стену, Боевых Сестер, весь чертов монастырь и на весь, забытый Императором, Армагеддон. «Просто прямо сейчас я оказался здесь. Я – солдат Императора. Один из тех, кто делал плохие вещи и променял свою спокойную жизнь на бесконечный парад из дерьмовых миссий, из которых, предполагалось, я не вернусь. Это просто самая последняя дерьмовая дыра, на которую мне пришлось приземлиться, из растущего списка дерьмовых дыр.»

Он смотрит на меня, разинув рот, но я продолжаю.

«Ты хочешь сражаться за свою семью? Отлично! Послушай меня, выживи достаточно долго, чтобы, может быть, что-то изменить, и, когда придет время, ты не сдашься легко и не умрешь с сожалениями. А я? Я сражаюсь не за тебя. Я сражаюсь не за твоего ребенка или память о твоей мертвой жене, или чтобы увидеть золотую искру рассвета над Фраговым Озером еще один раз.»

Я делаю вдох, а он смотрит так, как будто собирается поспорить, поэтому я продолжаю до того, как у него есть на это шанс.

«Я сражаюсь не за славу аквилы или чтобы сохранить святость Армагеддона для Империиума, и я, черт возьми, уверен, что больше не сражаюсь за него,» резко бросаю я, выбрасывая палец в сторону Полковника, чье внимание было привлечено моей тирадой, как и многих других, толпящихся на стене. «Так что, знаешь что? Тебе нравится делать выбор, а? Ты можешь выбрать остаться здесь и чувствовать, что это важно, и, может быть, ты выживешь, и у тебя будет история, чтобы рассказать ее своему тупому племяннику, и сыну, которого ты почти убил.»

Мой взгляд похож на лазерный прицел, зафиксированный на нем, приковывающий его взгляд к моему.

«Или взрывной болт попадет тебе в живот, взорвется внутри твоих кишок и оторвет половину твоего тела, покрыв меня твоей последней едой и кусками твоей плоти, фрагментами твоих костей, проделывающими еще больше дыр в моем плаще. И знаешь что? Мне все равно! У меня не было этого выбора. Я не могу просто пойти вниз и, может быть, надеяться, что кто-то еще победит до того, как мне придется сражаться. А ты можешь это сделать. Тебе не нужно умирать, чтобы доказать своему сыну, что ты герой. Ты можешь жить и хорошо растить его, и учить его произносить свои молитвы и, может быть, расскажешь ему о том времени, когда Сгоревший вытащил его из глотки пепельного призрака. И я хочу, чтобы ты сделал это, потому что он еще недостаточно большой, чтобы даже тебя помнить, а тот взрывной болт, который собирается разорвать тебя на кусочки, не оставляет воспоминаний, и если ты схватишь тот болт, это *значит*, что я буду жить, но это, все равно, не означает, что я собираюсь стать отцом твоему сыну.»

Я уже охрип, но не могу остановиться, слова просто выходят и выходят, потому что в глубине я знаю, что мое время подходит к концу. Я избежал этого однажды, но не теперь, и это – мое признание, и я больше не могу держать его внутри – все вещи, которые я должен был сказать раньше до того, как шагнул в огонь, теперь я могу их сказать сейчас, потому что Император дал мне Последний Шанс еще один раз.

И я чувствую, что Полковник смотрит и слушает, пока я пытаюсь заставить его понять, почему мы спасли пленников, и почему я вошел в пепельный призрак и сделал все остальные тупые вещи.

«Так что, почему бы не отвалить, позволить мне принять тот болт вместо тебя, а? Если враг пройдет через меня, ты сможешь попробовать все, что сможешь, но дай мне первым выстрелить в них, ладно? Никто не будет скучать по мне, когда я умру. Они не зазвонят в Колокол Потерянных Душ по Лейтенанту Кейджу. И я скажу тебе, почему. Я *заслуживаю* быть здесь. Я подвел Бога-Императора и Он наказывает меня, вот, почему я здесь. Несмотря на все, Повелитель Человечества решил поместить меня, сломленного негодяя, богохульника и дезертира, на стены чертового боевого монастыря Адепта Сороритас, *так что, тебе не нужно, фраг тебя, быть здесь!*»

Я толкаю лазган в руки Олеша, толкая его назад к лестнице. Он снова смотрит на меня, широко разинув рот, а затем убегает. Снова повернувшись к крепостной стене, я оказываюсь лицом к лицу с толпой лиц, смотрящих со смесью неверия, смущения и даже некоторого благоговения. Властвует тишина, за исключением треска противовоздушных снарядов над нами. Я ловлю взгляд, смотрящего на меня оценивающими глазами, Полковника до того, как он отворачивается, направляясь к дальнему концу стены.

Орская выходит из группы мусорщиков, но до того, как она может что-нибудь сказать, тяжелый грохот в небе снова привлекает всеобщее внимание. Более яркие огни освещают воздушные взрывы башенной пушки, вызывая ликование у некоторых ульевиков и мусорщиков. Они думают, что противовоздушное орудие попало в одну из спасательных капсул.

Я не чувствую ликования. Что-то не выглядит правильным, пока я, прищурившись, смотрю на расцветающий взрыв.

«В укрытие!» Я кричу, даже не уверенный, почему, бросаясь вдоль стены к двери башни слева от себя. «Приближается!»

Мой мозг домысливает все остальное, переводя то, что заметили мои инстинкты. Огненный шар был слишком правильным, чтобы быть попаданием зенитной артиллерии. Это должен был быть управляемый взрыв.

Пронзительный свист наполняет воздух, пока некоторые люди реагируют на мой крик, остальные топчутся на месте несколько драгоценных, смертельных секунд, восхищенные видом пиротехники в нескольких сотнях метров вверх. Боевые Сестры бросаются в бастион, ульевики и мусорщики следуют за мной, или пытаются прильнуть к стене, некоторые из них падают на пол, закрывая головы руками, как будто это сможет защитить их против воздушной атаки.

В последние несколько секунд перед тем, как ливень осколков попадает в монастырь, я вижу, что все гораздо хуже, чем я думал. Не бритвенный дождь, а ливень из блестящих болтов.

Их сотни.

Первый взрывается на западной стене позади нас, возвещая о наступлении нескольких секунд, наполненных нарастающим ревом взрывов. Воздух наполняется огнем и криками, разрываемой плотью и раскалывающимися костями, пока масс-реактивные боеголовки усеивают защитные сооружения. Заталкивая себя в арку дверного проема, таща с собой пару мусорщиков, я чувствую, как горячая шрапнель ударяет меня в затылок, дергает за рукава тяжелой куртки. Когда волна взрывов минула, грохот от них сменяется плачем и воем.

Я поворачиваюсь, борясь с желанием остаться, уткнувшись головой в разбитые доски двери.

Это резня, верх стены скользкий от крови и частей тел. Я вижу раздробленные останки десяти или больше Боевых Сестер в разорванной броне, красный их плащей и табардов неотличим от пропитанного кровью тряпья на мертвых ульевичах и мусорщиках.

Мертвые счастливики. С первого взгляда, я вижу мужчин и женщин с отсутствующими конечностями, разодранными черепами, порезанными лицами, вскрытыми смертельным ливнем телами. Некоторые ползут через останки своих товарищей, бессвязно постанывая. Боевая Сестра, с отсутствующими половинами шлема и головы, стоит и смотрит на меня, на ее лице ошеломленное замешательство, в то время, как ее мозг и кровь стекают по богато украшенному орнаменту на ее нагруднике.

Визг двигателей не оставляет мне времени постигнуть резню, кроме беглого наброска из искалеченных трупов, нарушаемого лицами, искаженными от ужаса и агонии.

Горя голубыми тормозными двигателями, первая десантная капсула врезается в землю, примерно в тридцати метрах от входных врат. Бронированное, угловатое яйцо, достаточно большое, чтобы нести в себе десять гигантов, стоит в центре дымящегося кратера на металлической дороге, ведущей к монастырю. Вихри тепла исходят от стабилизирующих ребер, искажая воздух вокруг него. С верхушки стреляет штурмовая болтерная система, посылая еще один залп смертельных снарядов во все стороны. Я падаю в тот момент, как вижу вспышку, смертельные ракеты, размером с большой палец, летят через защитный вал, убивая еще несколько Боевых Сестер,

которые подняли свое оружие, чтобы защитить свой монастырь. Я скорее слышу, чем вижу, открытие штурмовых рамп, треск керамики и металла о землю и грохот тяжелых шагов.

Башни освещаются взрывами болтов, когда их оружие начинает стрелять в ответ, пульсирующие вспышки огня и снаряды из тяжелых болтеров летят в новоприбывшего врага.

Вторая капсула с визгом падает через несколько секунд, так же снаружи стены. Я благодарю Императора за эту маленькую милость, вздрагивая от мысли о том, что могло бы случиться, если бы одна из десантных капсул нашла свою цель внутри. Тут уже достаточно разрушений, как есть, и я ползу к стене, локти и колени покраснели от растекающейся крови моих бывших последователей.

Я так рад, что сказал Олешу убраться отсюда.

Третья капсула, та, которая пролила взрывной дождь, падает еще дальше. Она выглядит немного по-другому, как будто она укреплена или что-то такое. От ее тормозных двигателей исходит более яркое свечение, чем от остальных, поскольку ее стремительный спуск прекращается в паре сотен метров от земли, и она исчезает из виду парой секунд позже.

Я вижу, что остальные смотрят на меня среди куч мертвых и почти мертвых. Орская среди них, наполовину похороненная под своей мусорной родней, на ее лице кровь, куртка еще более красная, хотя ее ли это кровь или кого-то еще, сказать не могу. Она вытаскивает длинноствольную аркебузу из-под кровавых останков и вытаскивает свою ногу из-под изорванного трупа молодого человека, вывертывая ее, когда ее пятка застревает в складках его разорванной плоти.

Я приподнимаюсь всего чуть-чуть, достаточно, чтобы вглядываться сквозь дымку из взрывчатого вещества болтов, установившейся над бойней, сквозь которую я вижу Полковника у дальнего конца стены, примерно в двадцати метрах, вжавшегося в другой дверной проем. С ним группа из семи или восьми человек, некоторые из них ранены, остальные с лазганами и автоганами, готовые к схватке.

Как одна, отвечая на какой-то приказ по воксу, который я не могу слышать, выжившие Боевые Сестры поднимаются. В мгновение ока линия серебра подходит к

краю стены, резкий ответ болтеров звенит вдоль запятнанного кровью феррокрита, вспышки от их оружия сияют на доспехах, блестя на расплесканной крови их товарищей.

Пение возобновляется, но практически сразу встречается с усиленным животным ревом из-за стены. Я могу судить о расстоянии до их целей по углу их огня, примерно двадцать метров, пятнадцать, десять. Предатели покрывают расстояние за секунды, и подходят к основанию стены всего лишь за четыре быстрых удара сердца.

Стреляя уже прямо вниз, Боевые Сестры начинают получать ответные выстрелы. Болты с визгом летят к ним, врезаясь в их броню, создавая дожди из осколков керамики. Осколки от стены и Боевых Сестер царапают мне лицо и руки, воздух наполняют серебряные осколки и летающие куски феррокрита. Рев от взрывов болтов ошеломительный, пульсирующий в моих ушах, пока Боевая Сестра за Боевой Сестрой отшатываются от стены, каждую отбрасывает сила взрывающихся болтов вокруг и на них, каждая представляет собой центр личного шторма из металлических фрагментов и огня.

Любой солдат, стоящий тут, уже бы был кусками мертвого мяса.

Взрыв провозглашает о первом штурме ворот под нами. Сквозь грохот от попаданий болтов, я слышу обороты цепного оружия, за которыми тотчас следует скрежет вгрызающихся в камень зубцов и более глубокий звук лезвий, режущих дерево.

Движение от Полковника привлекает мой взгляд. Он шевелит губами, возможно, даже говорит, но слова потеряны в дыме боя и реве перестрелки. Он указывает на себя, затем на меня, а затем на лестницу.

Я улавливаю его мысль. Кто-то должен защищать внутреннюю часть врат.

«Нам нужно удерживать монастырь,» говорю я Орскя.

«Что?» кричит она в ответ.

«Вниз по лестнице,» кричу я, указывая пальцем в направлении задней части стены.

«Они пробиваются через врата!»

Я уползаю от нее, зовя еще кого-нибудь, кто может услышать, чтобы они следовали за мной. Она понимает меня, и за мной следует маленькая группа мусорщиков, ползя на животах, некоторые осмеливаются подняться на четвереньки, пока тащатся через разбросанные останки семьи и друзей. Вокруг них Боевые Сестры отбрасываются огнем, некоторые из них падают с пробитой броней и развороченными шлемами. Другие возвращаются, перезаряжая свои болтеры, присоединяя свежие емкости с прометиумом к своим огнеметам перед тем, как снова войти в ливень вражеского огня.

Добравшись до лестницы, я бросаю взгляд на другую и вижу, что по ней спускается Полковник и еще примерно дюжина других.

Большой взрыв за стеной сотрясает землю. Столб дыма и огня поднимается в воздух, и я думаю, что это, должно быть, один из Иммоляторов, который все еще был снаружи, когда упали десантные капсулы. Второй большой взрыв – емкости с прометиумом тяжелых огнеметов, я полагаю – следует через несколько секунд после первого.

Достигнув земли, я обнаруживаю, что здесь уже ждет отряд Боевых Сестер, занимающий позиции за колоннами, которые линуют внутренний двор.

«Становитесь позади нас,» приказывает Старшая Сестра, взмахом отправляя нас в дальний конец монастыря. На секунду, я думаю, что это благородно с ее стороны, пока не понимаю, что она просто не хочет, чтобы мы блокировали коридоры огня ее Сестер.

Мусорщики и ульевики объединяются в группу, следуя за мной и Полковником, пока мы бежим к укрытию дверных проемов и колонн дальше по внутреннему двору. Еще один взрыв притягивает наши глаза к воротам, как раз, чтобы увидеть, как они дрожат на массивных петлях, дерево дальше раскалывается на части.

«Какой план?» спрашивает кто-то. Я больше не уверен, кто ульевик, а кто мусорщик, потому что на всех одежда мусорщиков и большинство из них в масках. Может быть, это Кулаин, или Харрин? Проходят драгоценные секунды, прежде чем я осознаю, что это не имеет никакого значения,

«Что бы не появилось там,» я машу рукой в сторону врат, когда еще один громоподобный удар трескает несколько деревянных балок, «просто стреляйте. Много.»

Разошедшись по любым укрытиям, которые мы можем найти, все направляют винтовку или пистолет на врата. Я бросаю краткий взгляд на стену, всего лишь кучка Боевых Сестер отступает, отогнанная от стены чем-то поблизости. Ударом сердца позже нечто большое и красное перелезает через зубчатую стену с мерцающим топором в руке, окруженное шквалом взрывов болтов, похожим на огненную ауру.

Приземлившись на стену, Космический Десантник-еретик превосходит Боевых Сестер, не просто по росту, но по чистому размеру. Я однажды видел Космических Десантников, на миссии Пресветлого Меча, но тварь, которая поднимает свой цепной топор над головой с нечеловеческим ревом, кажется даже больше. Его броня темно-красная, в рубцах и вмятинах от болтерного огня. Бронзовые и золотые цепи висят, как эполеты, хотя каждое звено толще, чем мое запястье, с которых черепа и отрубленные руки свисают, как вызывающие ужас трофеи. Из выхлопных отверстий его силового ранца струится черный дым, подобно выхлопам транспорта, рычание его цепного топора добавляется к скрежетанию и шипению брони, когда он поворачивается, обзревая свое окружение.

Вид предателя еще более шокирует, потому что я знаю, что когда-то этот воин был лояльным слугой Императора. Я содрогаюсь от мысли о том, какие темные мысли приводят к такому падению. Я сделал свою долю сомнительных вещей, но отвернуться от Бога-Императора было бы верхом безумия.

С еще одним ревом, Космический Десантник прыгает с ошеломительной скоростью к Боевым Сестрам, топор замахивается, чтобы отделить руку и голову ближайшей одним плавным ударом. Вращающиеся зубья фонтаном разбрасывают кровь по стене, пока мертвая Боевая Сестра падает. Игнорируя огонь Сестер, Космический Десантник-Предатель врывается в них, болт-пистолет выпускает поток снарядов, каждый выстрел попадает в шлем, превращая шлемы и черепа в кровавые осколки.

Некоторые видят, что приближается, и вырываются из укрытия, их страх преодолевает здравый смысл. Врата взрываются в туче вращающихся деревянных обломков и пламени, остатки врат и дым разделяются ударом сердца позже

приближающимися монстрами, одетыми в силовую броню. Демоны были жуткими, но это их чистая невозможность ломает разумы и сеет страх в вашем сердце. Смотреть, как Космические Десантники-Предатели пробиваются сквозь разрушенные ворота – это намного более внутренний, реальный опыт. Ошеломляют один их размер, внезапный рев болт-пистолетов и вспышка плазмы, когда они открывают огонь.

Так, как они двигаются, выглядит не неестественным, а гипер-естественным. Создания, настолько бронированные, настолько массивные, не должны двигаться с таким темпом и балансом. Даже передвигаясь бегом, они двигаются, чтобы выпускать выстрелы со всей точностью стабилизированной орудийной платформы, взрывные болты находят серебряные цели с безошибочной точностью. Синие плазменные заряды одинаково прорываются сквозь колонны и броню, взрываясь, как миниатюрные солнца, чтобы превратить свои цели в расширяющиеся облака пара и пепла, обуглившиеся останки отбрасывает на других Сестер.

ТРИНАДЦАТЬ

АНГЕЛЫ СМЕРТИ

Я не хочу открывать огонь. Мысль о привлечении внимания одного из тех нечеловеческих убийц замораживает мой палец на спусковом крючке. Что может сделать лазерный заряд, когда потоки болтов со звоном отлетают от их брони без какого-либо эффекта?

На другой стороне внутреннего двора Боевая Сестра наводит свою мульти-мелту. Воздух искажается от смертельной энергии, шипение от его выстрела становится ревом, когда заряд поглощает ближайшего предателя. Если плазменные взрывы производят огромное впечатление, в убийство мелтой почти невозможно поверить. В одно мгновение полтонны дикого еретика, надвигающегося на нас, в следующее – несколько клочков падающей брони и облако красного пара, окутывающего его товарищей.

Еще один животный рев притягивает мой взгляд к стене, где я ожидаю увидеть предателя, убивающего последних Боевых Сестер. Я не слишком ошибаюсь. Кучи тел в серебряной броне лежат вокруг монструозного воина, пока он наносит рубящие удары налево и направо своим топором, его удары отражает блестящий меч Старшей Сестры.

Боевая Сестра поднимается позади Космического Десантника, одна рука бесполезно болтается сбоку, в другой руке поднятый пистолет, направленный в затылок предателя. Космический Десантник поворачивается и стреляет одним плавным движением, но делая это, открывается падающему клинку Старшей Сестры. Меч с голубой кромкой глубоко врежется в наплечник Космического Десантника, прорезаясь сквозь усиленный керамит до плоти. Выстрел еретика попадает Боевой Сестре в грудь, заставив ее упасть на одно колено.

Отбрасывая Старшую Сестру движением руки, ее меч остался торчать в его раненом плече, Космический Десантник поднимает цепной топор, готовый снова атаковать. Оружие замахивается с размытыми от движения зубьями, направленное в голову

Старшей Сестры. Она, пригнувшись, едва уходит от удара, но выхватывает меч из тела врага и снова устремляется вперед. Лезвие зарывается в нагрудник, сила удара вскрывает керамит.

Импульс атаки заставляет обоих упасть с края стены в монастырь, где они врезаются в землю со звуком грохота брони, ударившегося о феррокрит.

Нет времени, чтобы смотреть, что происходит дальше. Потоки прометиума вырываются из тяжелых огнеметов, охватывая огнем двух еретиков. Они продвигаются вперед в объятый пламенем броне, цепные топоры рубят и пистолеты выплевывают смерть.

Огонь сверху врезается в Космических Десантников сзади, теперь, когда Боевые Сестры на стене не заняты. Вероятно, их там половина, все еще способных сражаться, снаряды болтеров разрываются во вспышках пламени.

Я вижу, как зверский воин спотыкается, голова и плечи охвачены детонациями. Куски брони отлетают прочь, обнажая лицо с плоскими чертами, больше рубцовую ткань, чем кожу, искаженную тревожащими татуировками символов, которые светятся своим собственным светом.

Еще один залп срывает плоть с кости, масс-реактивные снаряды детонируют в черепе, разрывая его на куски изнутри.

Я с неверием смотрю, как дымящиеся останки еретика с грохотом падают на землю.

Их можно убить.

Я, в конечном счете, открываю огонь из лазерного пистолета, направляя свои выстрелы в лица монструозных воинов настолько точно, насколько могу – может быть, я попаду в горжет или глазную линзу, или что-то такое. Я больше промахиваюсь, чем попадаю, а те выстрелы, которые находят свою цель – всего лишь жалкие лучи красного, которые отражаются от боевой брони, как будто она – броня танка.

Вокруг и позади меня остальные тоже стреляют. Одна пуля – это немного, как и один лазерный заряд. Десять выстрелов не считаются угрозой для этих бронированных

чудовищ, но когда их число подбирается к тридцати, сорока, пятидесяти выстрелам, это начинает считаться.

Это словно обдирать укрепление до основания тупой ложкой. Каждый осколок, каждая поднятая пылинка, каждая царапина и маленькая выбоина делают один шаг ближе к недостижимой цели.

Один из Космических Десантников отворачивается от Боевых Сестер, впервые уделяя внимание нашему огню. Посреди сходящейся буре пуль и разноцветных лазерных зарядов, предатель поднимает свой пистолет и открывает огонь. Я вижу вспышку ракетного топлива, исчезающую в груди мусорщика рядом со мной за секунду до того, как болт взрывается, вскрывая ее грудную клетку.

На мгновение я думаю, что еретик направит свой прицел в мою сторону, но дуло пистолета скользит в другую сторону, наполняясь огнем от запуска болта секундой раньше, чем стреляет другой мусорщик, который с головой, превращенной в месиво, отлетает на стену позади нас.

Зверь в красной броне приближается более монотонно. Он стреляет с каждым шагом. Каждый выстрел – убийство. Против этого у нас нет шансов, кроме как отступить, количество наших выстрелов уменьшаются каждые несколько секунд.

Боевые Сестры собираются вокруг своей Старшей Сестры, когда трое из предателей добираются до них, красный таран против серебряной стены. Первый Космический Десантник падает прямо на первую Боевую Сестру, сокрушая ее под своей громадой, бронированные саботоны раскалывают броню, когда воин устремляется на остальных. С ревущими цепными топорами, троица пробивается сквозь серебряную линию, как один из их болтов пробивает плоть.

Огонь сверху внезапно прекращается, что не есть хороший знак. В следующий раз, когда я высовываю голову из-за колонны, я осмеливаюсь взглянуть, что случилось.

Боевые Сестры ушли к внешней стене и стреляют наружу монастыря.

Третья десантная капсула.

Приближение Космического Десантника заставило меня обойти колонну, и с этой стороны я не могу видеть врата. Я оборачиваюсь и смотрю в другую сторону, через

останки врат. Мимо пары больших корпусов в красной броне приближается нечто, даже еще большее по размеру, чем Космический Десантник, вырисовываясь в дыму.

Это размером, приблизительно, с боевой танк, но это шагатель, его бронированная форма приближается равномерными шагами. Сквозь сгустки дыма, я вижу больше цепей и жутких орнаментов, и кулак, размером с человека, который потрескивает искусственной молнией, каждый, похожий на коготь, палец заканчивается вращающимся лезвием, похожим на зубья проходческой машины. На месте другой руки многоствольная пушка, три ленты боеприпасов свисают с его массивного бронированного бункера на плече.

Я тяжело сглатываю, когда вспоминаю уничтожение Иммоляторов. Если две бронированные машины с адскими пушками не смогли остановить эту тварь, тогда, какие шансы у человека в толстой куртке и – я проверяю – двенадцатью выстрелами?

Шипы, украшенные черепами, торчат из бронированных пластин, и я вижу символ на боку, рядом с центральным скоплением костей и черепов, напоминающим открытый саркофаг – клыкастая пасть, сжимающая изображение планеты.

Шагатель, примерно, в десяти метрах от врат, и его орудие поворачивается по мне, стволы начинают крутиться, оживая.

Разум столько всего может выдержать, столько раз ему можно отказывать в простых попытках оставаться в живых до того, как что-нибудь не сломается. Я минул эту линию давным-давно и продолжал двигаться дальше. Я привык к мысли, что умру, но никогда к тому, что я хочу этого. До того момента решения на вершине огненной пропасти, когда я обнял смерть, которая была мне предназначена. Тогда, я хотел этого, я заслуживал мира в тот момент, думаю я.

Пока я смотрю, как те стволы орудия становятся размытым пятном, ожидая мгновенной взрывной реакции, когда вылетит первый снаряд, я осознаю, что мне нужно еще раз подняться на этот холм, и я не могу этого вынести. Быть возрожденным похоже на новое начало. Второй шанс для Последнего Шанса. Невозможность сотворила реальность, но сейчас это, в любом случае, закончится.

Что за бессмысленный день, наполненный сверхъестественным, стрессом и умирающими людьми.

Я открываю огонь из лазерного пистолета, стреляя почти вслепую в бронированный шагатель. Лазерные заряды выглядят, как искры, на его бронированной шкуре, теряясь на фоне красного, бесполезно отскакивая от бронепластин, расположенных под углом.

Пистолет воет в моей руке, силовая ячейка опустошилась. С криком, который идет из самой глубины моих внутренностей и поднимает все мое разочарование и ярость наружу, я бросаю глупую вещь в еретический шагатель. Лазерный пистолет безвредно отскакивает от шипованной брони, пока коробкообразный торс машины продолжает поворачиваться в моем направлении, рычание мотора орудия пробивается сквозь другие звуки боя.

Вспышка синего света вырывается из груди шагателя, на мгновение ослепив меня. Мое зрение снова фокусируется как раз в тот момент, когда я слышу детонацию его силовой установки, сломанные конечности и перекрученный каркас разлетаются по воздуху, останки тела искалеченного пилота пролетают через врата от взрыва.

Мои мысли путаются.

Откуда?

Лазерная пушка.

Сзади.

Уничтожен.

Когда зрение и чувства соединяются, как оружие, собранное вновь после разбора для технического обслуживания, я собираю вместе то, что произошло, как раз вовремя, чтобы увидеть темное нечеткое пятно десантного корабля, с ревом опускающегося над монастырем. Нисходящий поток от его двигателей почти отбрасывает меня в сторону, разбрасывая камни, поднимая брызги свежей крови.

Тяжелые орудия, встроенные в крылья, открывают огонь, выбивая куски из брони предателей, убив четырех, все еще пересекающих внутренний двор. Я моргаю в облаке пыли, закрывая глаза от сияния плазменных двигателей, чтобы сфокусироваться на боевом корабле. Длинный, с плоскими боками, тупым носом и

треугольными крыльями, на внешний вид слишком большой и тяжелый, чтобы парить в небе, как он это делает.

Еще Космические Десантники.

Примерно с пятнадцати метров они падают, приземляясь на стену башни врат в треске сабатонов, костей и керамика под собой. Их броня богато украшена, живой зеленый прорезывают золото и серебро, увешана тем, что выглядит, как плащи и набедренные повязки из кожи ящерицы. Сначала я насчитал пятерых, их болтеры заканчивают то, что начали орудия корабля, посылая рычащие снаряды вниз в монастырь, чтобы разорвать на части раненых предателей.

Боевой корабль продолжает двигаться вперед, еще шестеро Космических Десантников спрыгивают с его штурмовой рампы, когда он снижается, ферроокрит трескается под ударами от их приземления, когда они падают на территорию монастыря среди останков бронированных трупов мертвых предателей. Еретики реагируют не мешкая, отбегая от окровавленных отрядов Боевых Сестер, чтобы сломя голову атаковать новоприбывших. Искривленные боевые кличи доносятся из передатчиков вокса в их броне, эхом отражаясь от стен монастыря.

«Кровь Кровавому Богу!»

Я, на самом деле, не понимаю, что это значит, но от этого сквозь меня все равно пробегает холод, пока я смотрю, как группа зверей в красной броне сближается с новоприбывшими.

Один из Космодесантников отходит вперед от остальных, его броня скорее синяя, чем зеленая, кроме наплечников и шлема. У него длинный меч и посох с набалдашником, который выглядит, как рогатая голова рептилии. Из него вырывается вспышка молнии, пронзая пространство между ним и атакующими предателями, чтобы ударить в ближайшего. Окрашенный в красное керамит раскалывается, как стекло, голубая молния проедает себе путь в обнаженной плоти под ним, счищая сверхчеловеческие мускулы, как листву, сожженную противорастворительной ракетой.

За два удара сердца от еретического воина не остается ничего, кроме стучащих костей и разломанных кусков брони, летящих вперед от импульса атаки. Остальные

двое бегут мимо падающих останков, стреляя из болт-пистолетов, с поднятыми для атаки цепными топорами.

Мурлыканье плазменной камеры возвещает о горячей, как солнце, вспышке энергии. Грудь и рука предателя становятся облаком расцветающего пара, останки падают на одно колено. Все еще живой, предатель толкает себя вверх оставшейся рукой, используя цепной топор в качестве опоры. На нем нет шлема, вместо него лицо, которое кажется сделанным из бронзы, за исключением того, что оно двигается, похожие на кинжалы зубы обнажены, пока предатель рычит ненависть Космическим Десантникам. С отсутствующей рукой и половиной груди, предатель поднимается на ноги, губы оттянуты в рыке, зубья его цепного топора со скрежетом еще раз оживают.

Воин в синей броне выступает вперед, чтобы встретить атаку третьего, блестящая кромка меча встречает опускающийся по дуге цепной топор в дожде черных искр, болты взрываются прямо на груди лоялиста, выпущенные почти в упор. Космический Десантник поворачивается, отражая еще один удар, пока обходит предателя, позволяя импульсу монстра нести его в направлении остальных. Они открывают огонь, к ним присоединились те, кто наверху на стене, шквал болтов рвет поврежденную боевую броню, в то время, как лидер в голубой броне встречает раненого предателя концом своего клинка, пронзая его гримасничающее лицо.

Подобно гончим, разрывающим на куски большую по размеру добычу, взрывы болтов рвут последнего предателя на части кусок за куском, сломанная броня становится вращающимися фрагментами, тело, голова и конечности сотрясаются и ломаются от внутренних взрывов от прицельно точного огня. Со смертельным хрипом зверский воин падает, цепной топор рычит в последний раз, когда выпадает из спазмирующих пальцев, чтобы заскользить по заляпанному кровью феррокриту.

Боевой корабль поднимается, поворачиваясь, пока делает это, чтобы снова с ревом пролететь над сторожкой и приземлиться поблизости от горящих останков Иммоляторов, закрывая две пустые десантные капсулы своей громадой.

Гидравлические полосковые шасси выдвигаются, когда он касается поверхности в центре шлейфа от плазменных двигателей и кружащегося пепла. Двигатели замолкают секундой позже.

Вслед за таким интенсивным разрушением, наступившая тишина несколько секунд похожа на абсолютную. Монастырь кажется маленьким, наполненным присутствием Космических Десантников. Это больше, чем их физический размер. Их боевая броня испускает ауру, вентиляционные отверстия для отвода тепла заставляют воздух мерцать, гул от неслышимых воксов похож на статику на краю слышимости. Когда они двигаются, каждый шаг похож на удар грома, каждое движение сервомеханизма сопровождается воем израсходованной энергии.

Пока отряд в монастыре расходится веером, вода оружием по уничтоженным еретикам, Космический Десантник в синем поворачивается, несколько последних веточек энергии спускаются с треском вниз по посоху с черепом, отражаясь в черных линзах его шлема.

«Назовите себя,» рявкает ближайший Космический Десантник, система обращения силовой брони придает его глубокому голосу металлическую дрожь.

«Кейдж,» заикаясь, произношу я, поднимая руки. Я бросаю взгляд на Полковника перед тем, как продолжить. «Лейтенант Кейдж.»

Дверь позади меня со стуком открывается, принося шлепание шагов. Двое из Космических Десантников нацеливаются и шаги прекращаются.

«Боевые братья!» слышу я восклицание Старого Проповедника. «Благодарения Богу-Императору за ваше вмешательство.»

Полуотряд Космических Десантников на стене повернул свое оружие в сторону дороги, пока Боевые Сестры идут по монастырю, направляясь через разрушенные остатки врат назад на стену. Я предполагаю, что это означает, что монастырь снова безопасен, и выпускаю долгий выдох.

Воин с синим на своей броне обзревает монастырь, конец его посоха с черепом сияет желтой аурой. Он поворачивается ко мне, убирая меч в ножны, пока делает это.

Наконечник посоха тускнеет, и он еще раз осматривается вокруг, бросая взгляд на небо на несколько секунд перед тем, как его линзы снова обращаются ко мне.

«Это не случайно, что Пожиратели Миров приземлились здесь,» провозглашает воин, грохочущий голос отдается эхом от стен монастыря. «Мы должны разгадать их цель, и как она вписывается в схему великого ритуала.»

Я хорошо знаю, что не стоит задавать тупые вопросы в такое время, как это, но упоминание о ритуале заставляет мою кожу покрыться мурашками. Ближайший ко мне Космический Десантник опускает свой болтер и поднимает руку к шлему. С поворотом и шипение, он разъединяет уплотнения и снимает шлем. Лицо под ним плоское, с широким носом и очень черное. Красные глаза с пронзительными черными зрачками с любопытством смотрят на меня. Я открываю рот от удивления, не в состоянии сдерживать свой шок от напоминания, что это – Космические Десантники, которых не следует путать с нами, бедными смертными людьми.

Свирепый взгляд смягчается, и Космический Десантник вешает свой шлем на пояс. Со стуком, он присоединяет свой болтер магнитными замками к своей набедренной броне, и поворачивается к Канониссе Эрасмисе.

«Я – Брат-Сержант Охуак Из Ордена Саламандр. Мы засекли запуск Предателей Астартес и полетели, чтобы перехватить, но были не в состоянии прибыть до того, как они приземлились.» Он бросает взгляд на надвратную стену, где Сестры Госпитальеры двигаются среди куч мертвых, вытаскивая нескольких выживших счастливиц из тел. Его взгляд скользит по нам и возвращается к Эрасмисе. «Сестры Серебряного Покрова заплатили высокую цену ради Императора сегодня. Как и... ваши союзники?»

«Бездомные дворняжки, привлеченные нашим маяком,» заявляет канонисса.

Охуак делает паузу перед тем, как ответить, выражение его лица на мгновение отсутствующее. Я полагаю, что он, должно быть, вслушивается в свой вокс-имплант.

«Брат-Библиарий Афахива думает, что вы не должны так быстро отделяться от этих дворняжек,» говорит сержант.

«Библиотекарь?» я не могу сдержать вырвавшийся смех. Я осматриваюсь вокруг, пытаюсь увидеть, о ком это он говорит. «Вы привели с собой Библиотекаря? И что они собираются делать, *почитать* врагу?»

Воин в синем быстро идет через монастырь, его тень неприятно падает на меня. Я вижу себя в его темных глазных линзах, но на кратчайший момент, я клянусь, я вижу череп там, где должно быть мое лицо.

«Я – Афахива,» говорит Космический Десантник. Я бормочу извинения, ошеломленный необъятностью воина, который нависает надо мной. Я вздрагиваю, когда он протягивает руку, но он мягко кладет массивную перчатку на мое плечо, и я могу слышать веселье, доносящееся из системы обращения. «Я читаю много книг, Лейтенант Кейдж.»

Он выпрямляется и поднимает свою руку, двигаясь, чтобы указать на Шеффера.

«Я видел ваше лицо во сне наяву.» Палец подзывает, и Полковник идет вперед, нахмутив брови. «Кто вы?»

«Полковник Шеффер из 13-го Штрафного Легиона.» Шеффер бросает сердитый взгляд на меня. «Я был старшим офицером команды, которая уничтожила Командующего фон Страба. Возможно, вы видели мое лицо в сводке или на инструктаже?»

«Нет.» Афахива возвращает свой скрытный взгляд ко мне, пока приближается сержант; Старый Проповедник и канонисса тоже подходят ближе, пытаясь стать частью разговора. Рука Библиария несколько секунд двигается над моей головой. Я чувствую жар на затылке и борюсь с желанием отойти от его испытующего взгляда. Воспоминания мерцают на краю сознания, а затем Библиарий резко убирает свою руку.

«Сгоревший?» Он смотрит на Охуака. «Тот, кто прошел сквозь пламя.»

«Это может ничего не значить,» отвечает сержант, его красные глаза на мгновение обращаются на меня перед тем, как посмотреть на Эрасмису, а затем на Шеффера. «Кто ваш военный командующий?»

«Старшая Сестра Аладия руководит в бою,» отвечает Эрасмиса. Ее взгляд мгновение блуждает по внутреннему двору, выражение ее лица становится даже еще больше угрюмым. «Если она выжила.»

Сержант Охуак отворачивается и направляется по внутреннему двору, я полагаю, чтобы найти Старшую Сестру.

«У вас есть наши благодарности, как я и сказал,» говорит Старый Проповедник. «Я помолюсь Богу-Императору за то, что он вовремя направил вас к нам.»

«Я думал, что это был просто сканер, который привлек наши глаза к этому месту, но теперь кажется, что в этом монастыре решается более серьезный вопрос,» говорит Афахива. «Я, все еще, могу чувствовать это.»

Библиарий, внезапно, напрягается, его голова резко поворачивается налево, мимо Полковника, рука движется к рукояти его меча.

«Ты!» Другая рука, обвиняюще, указывает. Я поворачиваюсь, чтобы увидеть, что Охебс крадется вперед из толпы бойцов, собравшихся в середине монастыря. «Я чувствую твою пустоту. Не подходи. Что привело тебя сюда?»

«Я,» быстро говорит Полковник, сжимая пальцы от волнения по бокам. «Он был одним из моей команды.»

«Да, вы пришли в Ахерон, чтобы убить этого.» Афахива бросает меня взгляд перед тем, как продолжить. «Воспоминания чистые и сильные. Орки, они выгнали вас наружу. В пустошах вы объединили силы.»

«Это недопустимо, чтобы--» Полковник тотчас останавливается, когда шлем Библиария поворачивается к нему, безликий взгляд заставляет его замолчать.

«Я не какой-то санкционированный псайкер Астра Милитарум, собирающий обрывки в ваших мыслях, Полковник. Вы – объект моего исследования любым способом, который я выберу, до тех пор, пока я не буду удовлетворен, что вы не причастны к появлению адского разлома.»

При упоминании о дыре, мы все машинально смотрим вверх. Она, все еще, там, перемешивает верхние небеса, блестит дугами серебряной энергии.

«Это еще больше?» шепчу я.

«Разлом расширяется,» подтверждает Афахива. «Еретики, которые напали на вас, пытаются привлечь намного более великую силу, чем мы видели до сих пор. Их повелителя. Красного Ангела, повелителя Пожирателей Миров.»

«Это звучит плохо,» бормочу я, чувствуя легкое головокружение от мысли о чем-то, что даже еще хуже того, что мы видели после прибытия на Армагеддон. Непрошенно, мысль о мрачном, крылатом ночном кошмаре из подулья, проносится в моих мыслях. Подобно ястребу, выслеживающему добычу, внимание Афахивы резко обращается ко мне.

«Точно, лейтенант Кейдж, нечто, что даже хуже, чем кровавый.»

«Кровавый...?» Я шепчу титул, моя кожа покрывается мурашками от воспоминания.

Старшая Сестра Аладия прибывает с Сержантом Охуаком. Ее броня разорвана от центра нагрудной пластины до левого плеча, кровь пятнает ее бок. На серебре шрамы от попаданий болтов, серые и белые углубления на металлизированной эмали. Она сняла свой шлем, открыв тонкое, бледное лицо, обрамленное над ушами волосами, окрашенными в красный, контур красного черепа вытатуирован вокруг черт ее лица.

Она останавливается в нескольких шагах, держа дистанцию от Космического Десантника-псайкера, с напряженным выражением лица.

«Монастырь был защищен, Брат-Библиарий. Нет причин откладывать ваше отбытие.»

«Есть причина задержаться еще немного, но не питайте никаких опасений по поводу нашего присутствия. Это союз, который я хочу продлить. Разве все мы здесь не воины Императора?»

«Вы - да,» мрачно говорит Эрасмиса. Она смотрит на разрушенные врата. «Я – нет, но я могу видеть, что наш монастырь больше не безопасен.»

«Мы не оставим свои обязанности,» резко говорит Аладия. «Орден Серебряного Покрова остается верен своим клятвам защиты. Сейчас больше, чем когда-либо, мы должны противостоять тьме.»

«Как и Саламандры,» говорит Охуак. «Не судите командующих Астра Милитарум слишком строго, Старшая Сестра. Несколько рот Пожирателей Миров угрожают прорваться к югу отсюда. Если бы не отход к свежим позициям, их армию выгнали бы из Ахеронского кармана.»

«Мы должны говорить не о большой стратегии,» говорит Афахива. «Более загадочная цель руководит всем, что происходит в последние дни на Армагеддоне, и я думаю, что ваши Сестры будут главными в помощи нам воспрепятствовать Пожирателям Миров в их дьявольских намерениях.»

«Как так?» говорит Полковник. «Если есть что-нибудь, чем я могу помочь в ваших усилиях, даю слово, что предоставляю это.»

Я узнаю этот взгляд в его глазах. Цель. Даже, возбуждение?

Вот оно, я думаю. Еще один Последний Шанс.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

КРОВАВЫЕ РИТУАЛЫ

Наше маленькое собрание прерывается, пока предпринимаются меры, способствующие защите боевого монастыря. Один из Носорогов устанавливают поперек разрушенных врат, не столько барьер, но лучше, чем ничего. Сестры Битвы стоят на стенах и башнях, пока Космические Десантники патрулируют снаружи, проверяя внешние барбаканы на наличие выживших и удостовераясь, что поблизости больше нет Пожирателей Миров. Боевой корабль поднимается в воздух, чтобы предоставить прикрытие, его тень изредка проходит над серыми стенами и запятнанному кровью внутреннему двору, пока он кружит, рев двигателей приближается и удаляется вместе с ним.

«Кейдж!»

Я поворачиваюсь на крик Полковника. Эрасмиса, Аладия, Старый Проповедник и Шеффер стоят у дверного проема, ведущего в часовню. Он поднимает руку, чтобы позвать меня. Пока я иду по монастырю, тяжелые шаги догоняют меня сзади, Афахива и Охуак обгоняют меня длинными шагами.

Библиарий так же повесил свой шлем, открыв черные, как уголь, черты, он моложе, чем я думал. Мертвенно-бледный шрам спускается с его переносицы и проходит вниз по обеим щекам. Преднамеренный, не боевое ранение. Что впечатляет, исходя из того, что я слышал, что Космические Десантники, обычно, исцеляются и становятся, как новенькие.

«Знак чести,» говорит он глубоким и резонирующим голосом даже без системы обращения брони. Я осознаю, что пляюсь. В его голый череп встроены металлические кабели, соединенные с внутренней частью воротника его брони. Время от времени, золотой нимб играет вдоль проводов. Он протягивает палец и ведет его вокруг моего лица, не трогая. «Вспомни обучение. Император будет судить тебя не по медалям и документам, но по твоим шрамам. У тебя тоже есть честь.»

«Почему он здесь?» требует Эрасмиса, ее презрение направлено на меня. «В разговоре нет места преступникам.»

«Сначала уделите внимание своим грехам, Сестра,» резко говорит Старый Проповедник. «Кейдж рисковал своей жизнью на стене, когда я нет. Кто из нас больше подходит для военного совета?»

Эрасмиса одаривает его взглядом, который предполагает, что священнику, возможно, тут тоже не место, но она ничего не говорит, когда поворачивается к большим дверям, ведущим в башню часовни. Космические Десантники пригибаются под перемычкой двери, когда следуют за ней, лестничный колодец внутри скоро заполняется их громадой и шумами от их брони. Посох Афахивы стучит по ступеням каждые несколько секунд, каждый удар похож на то, как наглухо закрывается гробница.

Аладия показывает нам следовать за ней, и я взбираюсь по ступеням рядом с Полковником, возвращаясь в зал, где я обнаружил, что могу быть живым святым. Я, определенно, не чувствую себя святым под неживыми взглядами гобеленов и статуй внутри.

Но, опять же, почему нет? Из Имперской Гвардии были святые, как, например, Махариус и Веста, и до самого Оллания Пия, первого и величайшего. Я имею в виду, оденьте меня в какую-нибудь золотую броню и машите большим флагом позади меня, и, может быть, я начну немного лучше походить на изображения, запечатленные на портретах вокруг нас.

Я присоединяюсь, когда Сестры и священник кланяются перед алтарем, сотворяя символ аквилы на своей груди. Полковник склоняет голову в уважении, Космические Десантники наблюдают за нами с молчаливым терпением.

«Могу я сказать несколько слов?» говорит Старый Проповедник.

«Если должны,» отвечает Эрасмиса.

«У нас нет времени, чтобы предаваться роскоши молитв,» вмешивается Охуак.
«Угроза усугубляется, пока мы медлим.»

Священник выглядит расстроенным, но не выражает недовольство, уходя за алтарь со сложенными руками.

«Как я говорит ранее, нападения Пожирателей Миров не случайная жестокость, но часть тщательно спланированной кампании разрушения,» говорит нам Афахива. «Я верю, что они пришли, чтобы осквернить этот монастырь, чтобы превратить веру, пропитавшую камни, в темную цель.»

«И, хотя им помешали, они могут вернуться,» добавляет Космический Десантник-сержант, сузив глаза. «Мы не можем остаться здесь, чтобы защитить это место.»

«Мы будем держаться, пока не умрем,» говорит Эрасмиса. Она бросает взгляд на Аладию. «Если Император пожелает этого.»

«Недостаточно защищать себя против этих атак,» продолжает Библиарий. «Уничтожение ваших Сестер *и есть* осквернение. Ваша кровь – порочное смазывание их церемонии.»

«Нам нужно навязать бой Пожирателям Миров,» говорит Полковник, с большим удовольствием, чем такое предложение реально заслуживает. «Штурм, чтобы нарушить их ритуал в его источнике.»

«Именно так мы и думаем,» говорит Афахива, мрачно улыбаясь. «И это намерение моих братьев из Библиариума. Нет никакой физической победы, которую можно одержать здесь. Это – война души, за каждую каплю крови, пролитую по обе стороны сил...»

Он замолкает, обмениваясь осторожными взглядами со своим сержантом.

«Ритуал врага зависит от кровопролития,» заканчивает Охуак. «Все кровопролитие. Это все, что вам нужно знать.»

Нужно знать.

Я вспоминаю разговор с Орскя, и думаю о том, что могло произойти на Армагеддоне раньше. Она упоминала 'пожирателей миров', *истории о крови*. Это не в первый раз. Мысль об этом, безжалостность позволить всему населению планеты умереть, чтобы сохранить секрет... И что произойдет на этот раз?

Никому не нужно знать.

Я держу рот закрытым, даже хотя и хочу задать все очевидные вопросы. Нет нужды напоминать нашей маленькой компании, что нижайшая тварь, как я, не должна говорить о варпорожденных. Это объясняет всеобщее замешательство, никто не хочет упоминать название твари, которая у всех на уме.

«Как вы остановите их?» вместо этого спрашиваю я. «Должен быть способ нарушить ритуал, кроме как не позволить им всех убить, я имею в виду.»

«Разлом над миром – это канал, через который течет их сила,» объясняет Афахива. «Не просто... Еретики притягивают вниз эту энергию, чтобы питать свои церемонии, и в ответ их церемонии расширяют разлом, так что нематериальная сила вытекает в реальность.»

«Мы изолировали несколько важных позиций, где Пожиратели Миров концентрируют свои усилия,» продолжает сержант. «Ахерон – одна из наиболее активных, но есть еще другие по всему континенту Армагеддона Секундус и где-то еще.»

Афахива водит своим посохом по воздуху, оставляя за ним золотой туман. Появляется дрожащее изображение мира, показывающее поверхность планеты, булабочные точки в восьми различных местах сияют ярче. Мой разум играет со мной злые шутки, когда я смотрю на них, каким-то образом представляя их внешней линией геометрического черепа, хотя, когда я моргаю и снова смотрю, они совершенно не кажутся создающими очертание.

«Если мы сможем нарушить ритуал в достаточном количестве этих позиций,» говорит Афахива, «духовные связи между ними будут нарушены и психическая связь с разломом прервется.»

«Или, возможно, достаточно нарушить связь в одном месте, если это возможно,» говорит Охуак. «Это может начать цепную реакцию, которая разрушит всю ритуальную сеть.»

Изображение мерцает, а затем исчезает.

«Итак, где мы нападём?» спрашивает Полковник.

«Библиариум и силы, стянутые со всего нашего Ордена, готовятся нанести удары в следующие два дня,» говорит Библиарий. «Наше прибытие сюда – это отвлечение внимания от цели, к которой я был назначен. Сестра Аладия и ее товарищи будут приятным дополнением к нашим силам.»

Старшая Сестра кивает, хотя и не выглядя слишком довольной идеей.

«План заслуживает одобрения, но мы не можем просто покинуть монастырь. Здесь есть Сестры из других орденов, адепты Экклезиархии, которых мы должны защищать.»

«Да, Брат-Библиарий и я обсудили это,» говорит Сержант Охуак. Его взгляд движется к Полковнику, а затем ко мне. «Мы полагаем, что у нас есть решение, которое подойдет всем, собравшимся здесь.»

Это середина утра, и поднялся ветер, рассеивая грязный туман и дым от битвы, которые висели вокруг монастыря. В этот чистый воздух поднимаются выхлопы Носорогов и Иммоляторов, их двигатели заставляют дрожать сторожку, где я стою с Полковником, Орскя и несколькими другими. Старый Проповедник одет в одежды священника с посохом его ведомства в скрюченной руке. Стоящая с прямой спиной, суровая фигура Канониссы Эрасмисы по большей части скрыта под темно-зеленым плащом и капюшоном. Старшая Сестра Коринт одета в черное, старший член Сестер Госпитальеров из Ордена Факела.

Примерно в сотне метров поднимается боевой корабль Саламандр, плазменные двигатели поднимают стену пыли и пепла, которая несется к нам. Мелкая пыль покрывает стену и наши одежды, когда проходит, оставляя на всем тусклые серые и коричневые узоры. Я протираю большим пальцем в перчатке линзы своих очков и смотрю, как темная громада Громого Ястреба поднимается все выше и выше, пока не исчезает в слое облаков.

Старшая Сестра Аладия поднимается по лестнице защитной стены и подходит. Она идет так, как будто приближается к канониссе, но Дениумениалис перехватывает ее, стуча посохом по рокриту, все еще запятнанному кровью Боевых Сестер, ульевиков и мусорщиков. Старшая Сестра останавливается, опуская свой болтер к бедру, свет

играет на украшенной драгоценными камнями рукояти ее силового меча в своих богато украшенных ножнах на ее правом бедре.

«Я не могу приказать тебе удовлетворить мои желания, Аладия, но я еще раз заявляю протест,» говорит Старый Проповедник. «Сестринство служит воле Имперского Кредо, а не прихотям Адептус Астартес.»

«В данный момент, я произношу волю Экклезиархии,» говорит Эрасмиса, выходя вперед, чтобы встать рядом с Боевой Сестрой.

«Технически, это больше не военная ситуация. У Старшей Сестры Аладии нет старшинства.»

«Технически?» Канонисса поднимает руку в направлении кипящего разрыва в реальности, который портит вид небес. «Анафема Императора принимает форму, и этот мир будет захвачен за считанные дни. Еретики из Предательских Легионов принесли нам войну, используя нашу кровь и веру, чтобы открыть дверь для самого адского из повелителей, чтобы принести разрушение на этот мир, твари, которые идут, будут маяком для еще тысяч из своего развращенного вида. Я думаю, что мы в военной ситуации, уважаемый проповедник.»

«И вы столкнетесь с этими бедствиями, уходя с Космическими Десантниками?»

«Это хорошо подготовленная миссия,» вмешивается Аладия. «Сестры Серебряного Покрова могут внести вклад в значительные усилия в обеспечение победы над Мерзостями Антитезы. Я бы предпочла примкнуть к этим усилиям с вашим благословением, но мне не требуется ваше разрешение. Декрет Пассив ясно дает понять, что вы не можете вовлекать себя в управление Военными Орденами.»

«Ну, вообще-то, это Руководство Синода Экклезиарха Диоклевиса Восьмого,» отвечает священник. «Если вы изучали канонические знания--»

«Мы уходим, Дениумениалис,» резко отвечает ему Старшая Сестра. Она уважительно кивает канониссе, и почти поворачивается, когда хрупкий проповедник поднимает руку, чтобы остановить ее.

«Я сдаюсь,» говорит он. Он поднимает свои экклезиархические четки и сотворяет символ священного 'I' перед Боевой Сестрой, «Конечно же, вы отправитесь с

благословениями Императора, Старшая Сестра. Бог-Император Терры любит вас и наполняет вас Своей милостью, чтобы противостоять тьме, которая окружает нас. Присматривайтесь к Его Воле, чтобы направлять свое оружие, и увидите в Его жертве силу, которая у вас есть, чтобы победить всех врагов.»

Старшая Сестра опускается на одно колено, чтобы получить благословение, склонив голову. Когда Старый Проповедник заканчивает, Аладия встает и предлагает свой болтер. Священник обматывает четками дуло и произносит что-то на Высоком Готике.

«Если я правильно помню,» говорит он, держа четки на оружии, «вы должны предоставить телохранителей для всех членов духовенства.»

«Вы будете в безопасности,» говорит Старшая Сестра.

«Это не то, что я сказал. Мне нужна приличная охрана, во главе со Старшей Сестрой. Я настаиваю, чтобы вы предоставили мне это.»

«Оставить Боевых Сестер в монастыре – это ослабит мою силу.»

«Я настаиваю. Это святая земля Екклезиархии. Она, по-прежнему, обслуживается вашими Сестрами.»

«У вас есть защита.»

«Ваши клятвы, Старшая Сестра, обязывают.»

Аладия пристально смотрит на него несколько секунд, сжимая пальца на рукояти своего болтера. Старшая Сестра возвращает свое внимание к Эрасмисе.

«Канонисса, что наш Устав Веры говорит о приличной охране проповедника?»

«Одна Сестра, я полагаю, Аладия. Одна Боевая Сестра для проповедника из вторичного ордена.»

«Это нелепо!» фыркает Дениумениалис. «Сколько защиты может предоставить мне одна Сестра? Нет, вы должны держать здесь свой отряд, Сестра Аладия.»

«Одна Сестра, канонисса?» говорит Боевая Сестра. Ее взгляд возвращается к Старому Проповеднику. «Я останусь, в качестве вашей охраны, Дениумениалис.»

Грохот двигателей машин становится громче, когда они начинают уезжать.

«Нет, Нет!» резко бросает священник. «Отзовите их сейчас же! Это неуважение, игнорировать мою просьбу!»

Каждая машина выезжает через ворота, и едет по усеянными воронками останкам металлической дороги, траки перемалывают сломанные куски брони в то время, как шипованные передние части проталкиваются через разбросанные останки Иммоляторов и десантных капсул, уничтоженных мелкими бомбами Космических Десантников часом раньше.

Я наблюдаю за ними несколько сотен метров, пока маслянистый дым и пылевые облака не скрывают колонну от взора. Монастырь теперь дом для нескольких дюжин мусорщиков, ульевиков и вспомогательной прислуги монастыря, безопасный для раненых и тех, кто, кто под присмотром внизу. Я поворачиваюсь к своим компаньонам и со вздохом встречаю пристальный взгляд Полковника.

«И что теперь? У кого-нибудь есть игральные кости?»

Прошел почти час с тех пор, как Боевые Сестры оставили нам защищать монастырь и беженцев. Мы поставили часовых на башнях и стенах – смесь их ульевиков и мусорщиков – в то время, как Канонисса Эрасмиса и Аладия руководят инспекцией наших припасов. После ухода Боевых Сестер осталось много комнат в их бывших спальнях корпусах, так что все остальные хорошо расположились со своими скатками, одеялами и что бы они там не принесли с собой. Трупы перенесли до того, как ушла экспедиционная группа – уважаемые мертвые были помещены в склепы под монастырем, в то время, как останки предателей горят в погребальном костре примерно в полукилометре. Старый Проповедник готовится руководить погребальными молитвами для жертв из не-Сестринства.

Крик от бывшего солдата у одного из тяжелых болтеров башни заставил меня нестись вверх на стену и в оружейную комнату, с Шеффером по пятам.

«Что такое?» требую я, даже еще полностью не пройдя в дверь. «Нерожденный?»

«Движение,» говорит стрелок. Я узнаю Террика, солдата из Улья Аид. Он указывает в орудийную щель, на защитные линии между монастырем и пустошами. «Примерно, в четырехстах метрах. Что-то идет тем путем, которым мы пришли.»

Я выглядываю из амбразуры, пытаюсь увидеть то, что заметил его взгляд. Там может быть что-то, там, где сказал Террик. Может быть, просто тень, или, может быть, что-то еще.

Я не чувствую никакого покалывания на коже, но я пока не готов исключать что-то потустороннее. Может быть просто типично, что варпорожденные прибыли так быстро после того, как отбыли Космические Десантники и Боевые Сестры.

Дверь с грохотом распаивается, заставляя меня удариться головой о внутреннюю часть амбразуры.

«Береги себя,» говорит Орская, когда ныряет в дверной проем. «Я слышала крик.»

Поглаживая голову, я отхожу от амбразуры.

«Возможно, что-то приближается там,» говорю я, подходя к дюнному провидцу. «У тебя, все еще, есть магнокуляры?»

Она вытаскивает смотрящие очки из своего плаща, еще одну фамильную ценность дюнных провидцев, и отдает их мне. Я возвращаюсь к окну и снова пробегаю взглядом по защитным укреплениям, следуя по линии траков Носорогов, которые ведут туда, где мы сражались и были спасены.

«Вон там,» говорю я, замечая фигуру, перебирающуюся через разрушенную стену орудийной ямы. Маленькая фигурка следует за ней, и я смеюсь.

«Это Назрек!»

Вместе с несколькими мусорщиками для компании, я выхожу из монастыря, чтобы встретить орка, примерно, в сотне метров от башни врат. Назрек видит, что мы приближаемся, и сидит на дорожном указателе рядом с металлической дорогой.

Подходя, я вижу, что орк в плохом состоянии, глаза закрыты, пока Грот приступает к работе с шилом, достаточно толстым, чтобы его можно было классифицировать, как оружие, пропуская толстую веревку через зияющую рану на боку у Назрека.

«Все еще жив,» говорю я.

Орк открывает глаза, красный напоминает мне нечеловеческий взгляд Сержанта Охуака.

«Я жив тоже,» отвечает он, изгибая губы в чем-то, напоминающем ухмылку. «Нужна новая рука.»

Он поднимает культю, кровь сочится из ужасной раны, осколки кости торчат из разорванной плоти. Я подавляю позыв к рвоте, удивляясь, как это Назрек все еще в сознании, не говоря о том, что спокоен.

Ответ частично приходит, когда Грот делает паузу в своей работе, и вытаскивает пригоршню грибов из мешочка на поясе. Он бросает их в рот орка, и Назрек смыкает свою массивную челюсть и жует. Удовлетворенный вздох исходит от орка, когда он снова закрывает глаза.

Грот предлагает яркую оранжевую поганку, но я отказываюсь с поднятой рукой.

«Заманчиво, но я лучше откажусь,» говорю я маленькому чужаку. Он пожимает плечами, запихивает гриб себе в рот и снова приступает к работе с иглой.

«Не могу поверить, что варповые собаки не прикончили тебя,» говорю я.

Назрек улыбается, вялый от воздействия наркотика.

«Сражаться с двумя. Сбежать от остальных.» Он тихо смеется, поднимая грудь, заставляя Грота бормотать что-то, когда от его вдоха шов начинает расходиться.

«Видеть серебряные люди сражаться. Спрятаться. Затем видеть небесные звезды и большой дакка-корабль. Думать, что Сгоревший в беде. Найти следы.»

«И, вот мы здесь...» Я оборачиваюсь к монастырю и задумываюсь, как Сестры отреагируют на орка. Я не думаю, что есть что-нибудь, что Госпитальеры могут сделать для чужака, но у Назрека лучшие шансы на выживание с нами, чем снаружи. И что касается телохранителей, мало что лучше, чем гигантский орк. Хотел бы я, чтобы Назрек был рядом со мной, когда пришли Предатели Астартес.

«Идем,» говорю я, жестом показывая орку встать. Он открывает глаз, затем оба, а затем с трудом встает на ноги. Я слегка позабыл, насколько массивен Назрек, но даже так, он кажется еще больше, чем раньше. «Ты подросток?»

Чужак ворчит и поднимает кулак к лицу.

«Хорошая битва, делать Назрека снова сильным.» Он обнажает клыки. «Не коротышки. Приличные битвы, делать Назрека большим.»

«Я заметил, что ты стал больше, мой зеленый друг,» говорю я.

Впереди еще много боев. Будут ли это орки, Предатели Астартес или Нерожденные, нечто найдет нас в монастыре. Просто вопрос в том, что, и когда.

Я нашел складной стул в одной из брошенных комнат, и поставил его на надвратной стене, выходящей на дорогу. В моей кружке рекаф – ничего более крепкого не найти, несмотря на давление на Дениумениалиса – и я сижу здесь несколько минут, прислушиваясь к тихой суматохе.

Назрек и Грот исчезли в гараже монастыря, как только я показал им монастырь. С тех пор оттуда доносятся стуки и орочьи проклятия. Никто не осмеливается расследовать это.

Аладия меньше, чем счастлива, иметь 'ксено отбросы' в своем монастыре, а Эрасмиса и Старый Проповедник побледнели от этой мысли. Несмотря на свое положение, никто из них не был готов спорить с этим в настоящее время, пока стояли лицом к лицу с массивным зверем, или командами вооруженных подульевичков и мусорщиков, поддерживающими меня. В свою очередь, Назрек сказал, что у Императора 'много дакки' и что он умрет, защищая Императорский 'шак'. Грот даже сделал подношение, положив маленькую кучку полупожеванных грибов у ног священной статуи.

Тень падает на меня. Это Полковник. Он, все еще, одет в куртку мусорщиков, шапку и платок, но где-то в арсенале он раздобыл пару брошек-аквил, которые прицепил на грудь и шапку. Он, так же, держит дымящуюся кружку, руки в перчатках без пальцев прижимают ее к груди, пока он смотрит на брошенные защитные укрепления.

«Между нами и Ахероном нет ничего, или орков в каменном форте,» говорит он, почти про себя. «Этим людям нужна защита.»

«Не для того вытащил их из улья и протащил по пустошам, чтобы оставить зверям и охотникам,» бормочу я.

«Конечно, мы мало чего можем сделать против полномасштабного нападения варпорожденных,» добавляет он, перемещая взгляд на рану в небе и назад ко мне,

«Монастырь предоставляет святилище. Варпорожденные не смогут войти.»

«Это была вера Боевых Сестер.» Он долго смотрит на меня. «Ты, на самом деле, думаешь, что достаточно святой, чтобы отогнать нематериальных демонов?»

«Я, по существу, живой святой,» отвечаю я и делаю глоток рекафа. «По крайней мере, так говорит Дениумениалис.»

«Есть хорошая причина, по которой требуется конклав кардиналов и множество задокументированных чудес, чтобы объявить мужчину или женщину святыми, а не просто слово отдельного священника.»

Я подаюсь вперед, положив локти на колени.

«Почему бы мне не быть живым святым?» спрашиваю я, скорее себя, чем его. «Вы, на самом деле, думаете, что я просто счастливчик, потому что все еще жив? Разве удача вытащила меня живым из пламени? Или, может быть, вы не думаете, что Император защищает? Все то дерьмо, что вы извергаете о спасении наших душ, это просто оправдание для себя.»

«Я не сомневаюсь, что Император может распространить Свою Волю, чтобы изменить направление наших жизней. Есть множество историй о том, что Он делает так, или что направляет Своих последователей к победе Имперскими Таро. Но даже так, я не буду приписывать каждому странному событию божественное влияние. И я отказываюсь принять то, что убийственный, вероломный богохульник, как ты, может быть настолько возвышен Его блистающим замыслом.»

«Но, разве есть лучший сосуд для Его Воли, чем тот, который был сломан, но который Он починил?» Я делаю еще глоток и указываю на Шеффера. «Вы частично

ответственны за то, что привели меня на этот святой путь. Что привело вас на тот мир, те годы назад, когда вы пришли за мной? Это была рука Императора, действующая через вас, поставившая меня на этот путь.»

На мгновение он кажется задумчивым, не отвергая меня. Полковник качает головой.

«Нет. Я отправился на тот мир, потому что гарнизонам всегда становится скучно, давая таким мятежникам, как ты, шанс показать свое собственное лицо. Я знал, что найду мой тип отребья, так просто случилось, что ты был одним из них.»

«Сколько было выживших?» внезапно спрашиваю я. «За исключением вас, я имею в виду. Все миссии, все последние Шансы, сколько людей прошли через это живыми и с целыми конечностями?»

«В своем уме или просто живые?» спрашивает Полковник, так же просто, как будто кто-то может спросить, хочу ли я рекаф с синтетическим молоком или нет.

«Давайте скажем просто – дышащие,» говорю я, не желая слишком много думать об альтернативах.

«Восемь,» говорит Шеффер. «Не включая меня или тебя, было восемь других Последних Шансов, которые выжили, чтобы получить свою амнистию.»

«Восемь?» Я едва не упал со стула. «Из тысяч? Восемь!»

«Никогда не проваливал миссию,» говорит Полковник в защиту этого чудовищного процента выживания. Он видит выражение моего лица и нахмуривается. «Ты думаешь, что сможешь выиграть войны без того, чтобы люди умирали? Для чего, ты думаешь, существует Имперская Гвардия?»

«Чтобы защищать владения Императора. Чтобы поддерживать Имперскую Волю Терры,» говорю я, цитируя отрывки из клятвы, которую я дал, когда вступил в Астра Милитарум. «Помните, что Олланий Пий сказал об Императоре? Мы защищаем его, и Он защитит нас.»

«Чтобы умереть за Империум,» говорит Полковник. Он наклоняется немного ближе, пристально смотря на меня. «Долг Имперского Гвардейца – умереть за Императора. Император пожертвовал всем ради человечества, и поэтому человечество

пожертвует всем, ради Императора. Ты будешь убивать ради Императора, но еще более важно, что ты умрешь за Императора, чтобы другие нет.»

Я смотрю на него, ошеломленный этим откровенным признанием. У меня мрачный взгляд на вселенную, но видеть то, как Полковник подытожил все вот так... Это ставит его идею Последнего Шанса в другом свете, определенно.

«Ты думал, что герои сохраняют Империум в живых?» продолжает он. «Живые Святые? Боевые Сестры? Космические Десантники? Все они очень хорошие воины, каждый стоит множества солдат Астра Милитарум. Но в этом, так же, их слабость. Чего может достигнуть один Космический Десантник, что не смогут тысяча Гвардейцев? Подумай снова о своих победах, Кейдж, и скажи мне, чего ты добился, что не смогли бы другой мужчина или женщина? Я думал, что ты понял это, когда разглагольствовал на стене перед тем подонком из подулья. Ты не особенный; ты просто здесь. Твоя роль – умереть, чтобы другие жили, но, пока что, кажется, что ты не способен выполнить эту простую задачу. Святые – мученики. А ты просто отказываешься умереть.»

«Я...» Где аргумент против этого? Что говорить против убеждения, которое так пренебрегает личной жизнью и свободой? Более того, я знаю, что он прав. Каждое чертово слово похоже на правду, вбитую в мой череп.

«Твоя жизнь может быть потрачена, чтобы сделать много вещей, Кейдж, но твоя смерть может быть потрачена только один раз. Расскажи мне историю о том, как живой святой сидит на стене боевого монастыря, попивая рекаф, в то время, как воины Адептус Астартес и Адепта Сороритас несут войну врагам Императора.»

«Я не выбирал--»

«Напомни мне о времени, когда Святая Литория оставалась на руинах Станции Надежды и кормила слабых, отдавая свою собственную еду остальным.»

«Я уверен, она--»

«Святая Литория погибла у бреши в Дарквелл, чтобы армии Императора смогли штурмовать цитадель! Она знала, что это ее долг нанести ответный удар по тем, кто

разрушил Станцию Надежды, даже хотя она могла не выжить, чтобы увидеть победу. Посмотри вокруг себя, Кейдж. Это все тебе кажется победой?»

Я собираюсь сказать что-нибудь о людях, которые выжили вместо того, чтобы умереть в подулье, но я понимаю, что это не убедит его. И не должно. На каждого ульевича, которого я спас, есть мертвый мусорщик или Боевая Сестра. Я имею в виду, варпорожденные и Пожиратели Миров напали на это место не потому, что мы пришли, но чего-то другого мы тоже не добились. Только Боевые Сестры и прибытие Саламандр предотвратили наше убийство.

Когда я смотрю на историю снова с того места, где мы сейчас, мне кажется, что все, что я сделал, так это повел их на путь другой опасности.

«Я вижу, что ты начинаешь понимать, Кейдж,» говорит Полковник, смягчая голос. Он смотрит на меня голубыми, как лед, глазами, не с сочувствием, но с яростной решимостью. «Я говорил тебе раньше, что ты не сможешь спасти их всех. По факту, ты не сможешь спасти никого из них. Смерть нельзя обмануть. Ты жил этой ложью, снова и снова.»

«Разве так неправильно хотеть жить?»

«Если ты фермер, или клерк, или технослуга. Ты – нет. Ты – солдат. Ты должен принять, что умрешь на службе Императору. Не обнимай это, не гонись за этим, как за судьбой, но прими жертву Императора в себя и раздели ношу.»

Я киваю, снова понимая, чего он пытается достичь. Я слегка позабыл все это, из-за того, что случилось после огненной пропасти. Как будто выход из пламени вымыл из меня воспоминания. Эту ясность, которая у меня была, когда я стоял на краю, прямо перед тем, как бросить себя и фон Страба в наши огненные смерти.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на людей на стенах, остальные внизу в монастыре занимаются своими переселенными жизнями.

«Но, если мы не попытаемся защитить этих... Это их жизни мы защищаем, даже если место изменилось.»

«Нет, ты мыслишь слишком узко, Кейдж.» Полковник выпрямляется, сканируя глазами монастырь и всех, кто внутри. «Ты ничего им не должен. Несколько дюжин

хлопьев пепла на пустошах. Император правит бесчисленными миллиардами. Это всем им ты служишь. Что лучше? Ждать, когда придет битва и сражаться здесь, отдавая свой последний вздох за этих людей, или найти высшую цель, более значительную миссию, которая нарушит планы врага и спасет тысячи, или миллионы?»

Я снова обдумываю все, что мы сделали. В то время это казалось таким маленьким. Реактор, достигающий критической отметки. Пуля в мозг чужака. Мужик, бросающий себя в огонь с другим мужиком. Простые акты. Почти невозможно создать обстоятельства, но так мало, чтобы закончить, когда мы были там.

И я никогда, на самом деле, не думал о последствиях, кроме того, чтобы остаться в живых. Войны поворачивались или предотвращались. Как и говорит Полковник, миллионы жизней спасала горстка людей в плохом месте в правильное время.

Так что, я могу остаться здесь, с лазерным пистолетом и ножом, и ждать, когда варпорожденные и орки придут и убьют нас. Я уверен в этом так же, как и в том, что Олеша разрывает на куски болт, теперь я могу это видеть, в конечном итоге, враг идет через те ворота, через мой труп, и все умирают. Нас слишком мало, а их слишком много.

Я смотрю на Полковника и сжимаю зубы. Несколько человек могут защитить миллионы, если они делают правильную вещь в наихудшем месте. Что-то, что я услышал от Афахивы, всплывает в моих мыслях, и я встаю, выбрасывая последние капли рекафа через стену.

«У меня есть, на самом деле, плохая идея,» говорю я Шефферу.

«Хотел бы я ее услышать,» отвечает он.

ПЯТНАДЦАТЬ

СЛЕДУЯ ЗА ЗЕЛЕНЫМ

Ворчание генератора теряется, когда шлифовальная машина оживает, разбрасывая искры по темному интерьеру мастерской. С Полковником позади, я вхожу в дверь, чтобы столкнуться с образом, который никогда не покинет меня.

Назрек нагибается над верстаком, культя отрубленной руки зафиксирована в промышленных тисках. В мерцающем свете, я улавливаю блеск заклепок, прикрепляющих металлическую пластину к плечу чужака, три длинных гвоздя приварены в качестве защитных шипов. Грот стоит на верстаке, одной ногой на разорванном бицепсе, держа ручку шлифовальной машины в тощих, но, на удивление, сильных пальцах. Вращающийся диск высекает искры из металлического колпака, прикрепленного к культе, удерживаемого на месте другой рукой Назрека.

Из металлической культы выдается чоппа орка, избавленная от рукояти и прикрепленная к культе болтами. Сверхпрочные пружины уходят в мускулы, дрожа, пока шлифовальная машина пробирается через железо, заканчивая зигзагообразный рисунок на похожей на щит пластине, закрывающей искусственный локоть.

«Босс!» Орк забывает, что его рука в тисках, и пытается подняться, едва снова отрывая конечность. Грот бросает шлифовальную машину на пол с дикой маленькой ухмылкой, и начинает откручивать ручку тисков. Как только тиски ослабляются, орк выдергивает грубую бионику, искусственную конечность, пружины сжимаются, как искусственные сухожилия.

Грот поднимает лампу и светит на новую насадку, которую Назрек поворачивает на одну сторону, а затем на другую, любясь их ручной работой. Я не техноадепт, и это выглядит, как дно силовой установки Химеры, чем какая-нибудь аугментика, которую я видел, но, кажется, она работает.

«Хорошо?» говорит он, поднимая похожий на топор придаток. Масло капает с фиксирующей пластины, брызгая на ноги орка.

«Ага, выглядит хорошо,» говорю ему я. «Откуда ты узнал, что делать?»

«Считаю должно быть мек,» говорит орк с ухмылкой. Он постукивает костяшками по зазубренному щиту, прислушиваясь к звону наклонив голову на бок. «Твердый.»

В свете лампы, я могу видеть кучу скоб, заклепок и шитья, удерживающих вместе торс орка. Вокруг краев слои плоти, похожие на смесь из струпьев и грибов. Кожа темнее, как будто все тело орка отвечает на раны, становясь толще.

«У меня к тебе есть несколько вопросов,» говорю я орку.

«Ага, босс.» Назрек что-то говорит Гроту, который поспешно уносится в темноту. «Что ты хочешь?»

Полковник и я проходим дальше внутрь, позволяя двери закрыться за нами. В полутьме я стал лучше осознавать размеры орка, запах от него смешался со смазкой и остатками мазей и кадилиц Боевых Сестер.

«Что ты теперь хочешь делать?» спрашиваю я, держа дистанцию, пока пытаюсь не выглядеть так, как будто держу дистанцию. «Я имею в виду, куда ты хочешь пойти?»

«За тобой, босс.»

«Точно. Что, если бы я хотел сделать кое-что для Императора?»

«Сражаться?» Назрек поднимает руку-чоппу. «Назрек сражается за Императора тоже.»

Я чувствую, что Полковник движется рядом со мной, но сохраняю свое внимание сфокусированным на орке.

«А если нам придется сражаться с другими орками, чтобы сделать это для Императора?»

Назрек не отвечает сразу же. Я понятия не имею о том, какое мышление считается моральностью или лояльностью среди орков, но, судя по тому, что произошло в подулье, Назрек так же счастлив сражаться с другими орками, как и со всеми остальными. Я не уверен, что его, на самом деле, волнует, почему, просто есть кто-нибудь, кого можно ударить.

«Плохие орки?»

«Буду прям,» говорю я. «Хорошее и плохое больше не связано с этим. Варпорожденные, чумоносцы и кровопарни, и так далее, им плевать на то, что хорошо и плохо, орков или людей. Их будет намного больше, и мы думаем, что можем остановить их.»

«Сражаться с кровопарнями.» Назрек кивает. «Сражаться с орками, сражаться с варпопарнями. Ага.»

«Хорошо,» говорю я. Темное и подавляющее присутствие орка начинает пробирать меня, как будто я в его логове. Это иррационально, но я не могу стряхнуть ощущение. «Давай ненадолго выйдем наружу.»

Назрек ворчит несколько раз, но не двигается. Появляется Грот из задней части мастерской, таща болтер Боевой Сестры и пригоршню металлолома. Он кидает вещи на верстак и забирается на него, визжа и жестикулируя. Назрек в ответ ворчит несколько мыслей, тыкая пальцем в кучу.

«Готов, босс,» говорит орк, нависая над нами.

Шеффер открывает дверь, и свет ощущается, как радушный рассвет, загрязненный воздух Армагеддона ощущается свежим ветерком по сравнению с замкнутым пространством мастерской. Мыслями я возвращаюсь назад в подулей и осознаю, что я никогда не понимал, насколько там было отвратительно от житья с людьми и орком. Я выхожу наружу, когда стук молотка начинается позади меня, сопротивляясь желанию повернуться и выяснить, что делает Грот.

«Это,» говорю я, смотря вверх. Назрек следует моему взгляду и гримасничает.

«Плохо,» говорит он. «Варп, ага?»

«Варп,» говорю я. «Дыра между нашим миром и их. Пока она открыта, будут приходить варпорожденные. Убьют всех людей. Убьют всех орков.»

«Не убьют всех орков, не всех,» говорит Назрек. Это не вызов или хвастовство, насколько я могу сказать. Орк смотрит на меня, и ударяет оставшейся рукой по своей груди. «Этот мир всегда зеленый. Даже если нет орков. Зеленый.»

Я полагаю, что Назрек говорит о том, что как только на вас напали орки, почти невозможно уничтожить все их следы. Споры задерживаются, вырастая в оркоидные формы, со временем создавая маленькие клочки орколевства, которое возвращает настоящих орков и гротов. Я бывал в разных местах, от улья до джунглей. У Адептус Механикус, вероятно, есть название для этого. Я просто думал об этом, как об оркификации.

«Я хочу поговорить с тобой о зеленом. Большой зеленый, ты это можешь чувствовать?» Я делаю странные движения руками, пытаюсь передать идею о психической реальности. Назрек кивает своей массивной головой, и я продолжаю. «Ты можешь это ощущать здесь?»

«Маленький зеленый,» говорит орк, выглядя слегка несчастным. «Много не зеленого. Кровь думает. Песни Императора. Запачено.»

«Ты можешь ощущать, где большой зеленый?» спрашивает Полковник.

Назрек смотрит на Полковника, впервые к нему обращаются напрямую, я полагаю. Он обдумывает свой ответ, возможно раздумывая, как Полковник вписывается во все это.

«Ага,» говорит Назрек. Орк смотрит в направлении Ахерона, слегка не в том направлении, откуда мы пришли. «Большой зеленый там. Большой зеленый и плохие мысли.»

«Битва, между орками и варпорожденными?» предполагаю я.

Назрек типа кивает и пожимает плечами, что не есть самый ясный из ответов.

«Беспорядок.»

«Я слышал, что Афахива упоминал запасной план, на случай, если удары по вражеским силам не нарушат ритуал,» говорю я, перемещая взгляд с Полковника на орка, чтобы проверить, понимает ли Назрек, что я говорю. «Психическая инверсия, так он называл это, я думаю. Нечто, что должны сделать Библиарии, если им придется, это может перегрузить связь между верхом там и низом тут. И тогда я вспомнил, что случилось с психическим орком, когда пришли варпорожденные.»

Назрек тупо смотрит на меня, а затем на Полковника.

«Чего?»

«Нам нужен большой бум,» говорю я, показывая руками взрыв. «Не реальный взрыв, но психический. Большой зеленый бум?»

«Большой бум?» Назрек чешет подбородок концом своей чоппы, грибные хлопья падают с зазубренного клинка. «Зеленый бум... Большой 'трясибашка' трясибашкнет кровавопарней.»

«Там, наверху,» говорит Полковник, указывая. «Трясибашка *внутри* дыры.»

Я смотрю на Шеффера, раскрыв рот. Теперь моя очередь выдавливать слова.

«Что?»

«Цель атак Саламандр, разорвать ритуальную связь между Пожирателями Миров здесь на поверхности и разломом на орбите. Мне кажется, если мы не сможем разорвать связь на этом конце, она должна быть прервана у источника. Если мы не сможем психически разрушить разлом, он может достигнуть желаемого результата.»

«Как мы большой зеленый бабах там наверху?» говорит Назрек.

«В точности мои мысли,» говорю я.

«Нам нужно доставить орка-псайкера в разлом,» говорит Полковник, так же спокойно, как будто он говорит, что нам нужно зайти в столовую за свежим рекафом. «Судя по тому, что случилось в подулье, воздействие чистых элементов варпа должно вызвать психическую реакцию, достаточную для наших нужд.»

Целый пучок новых вопросов плавает в моих мыслях, но мысль, которая добирается до моего языка, представляет собой совокупность всех них.

«Как?»

«Вы хотите захватить могущественного орка-псайкера, но та часть, которая доставляет вам трудность – это доставить его на орбиту?» говорит Полковник, подняв одну бровь.

«Когда вы говорите об этом так...» Я прочищаю глотку, пытаюсь сфокусироваться. «Это всегда так? Я имею в виду, на Ичаре IV вы с Ориелем сидели и разговаривали как-то так, 'Нам нужно убить эту Королеву улья в сотне километров от ближайшей Имперской линии, минуя зараженную спорами территорию, прячась в пещерах, защищаемых тысячами смертельных чужаков,' или что-то, типа того?»

«Да. Типа того. Начинаем с цели и разбиваем ее, пока нет всех этапов, которые нужны.»

Я тру свои виски, вспоминая, что уже не спал два дня. Это то, что нам нужно решить. Никакого смысла гнаться за орком-боеголовкой, будучи не в состоянии ясно думать.

«И все? Просто поднимемся наверх со всем, что нам нужно, и делаем это?»

«Хороший план,» говорит Назрек, догоняя разговор. «Чудила делает большой зеленый бабах в небе. Нет больше варповиков.»

Что, на самом деле, не оставляет никакого места для дальнейших споров. Я знаю, что это моя идея. Я оборачиваюсь к внутреннему двору, и вижу нескольких подульевиков, несущих воду от перерабатывающей емкости к своему жилищу. По всему Армагеддону есть миллионы людей, пытающихся выжить. Я улавливаю, что Полковник имеет в виду, когда смотрю на это с другой точки зрения. Просто пытаться выжить – не выигрывает войны. Быть готовым умереть – да.

Есть детали, которые нужно разобрать, но, насколько я могу разобраться в этом, нам нужно достать себе орка-варпобашку, доставить его на космический корабль, подняться на орбиту, влететь в разлом и выкинуть варпобашку в пустоту.

Я снова смотрю на Шеффера, и у него, должно быть, такие же мысли, но не кажется, что он озабочен ими. Всего лишь, еще одна самоубийственная миссия.

Вполне ясно, что на этот план смешанная реакция. Когда слухи распространяются, маленькая делегация находит меня и Полковника, пока мы обследуем содержимое оружейного склада монастыря. Зажатые в угол среди ящиков с боеприпасами и несколькими работоспособными болтерами, нас допрашивают Орскя, Эрасмиса и Старый Проповедник. Старшая Сестра Аладия стоит у двери, посвятившая себя невольной роли телохранителя Дениумениалиса.

«Вы не можете покинуть нас,» заявляет Эрасмиса, выдвинув подбородок, как меч, готовый к выпадку. «Наши Боевые Сестры ушли с пониманием того, что ваше ополчение останется защищать монастырь.»

«Никаких клятв не было,» говорит Полковник, скрещая руки. «Наилучший способ защитить всех остальных, и весь Армагеддон, это уничтожить угрозу от варпорожденных.»

«Для чего уже выполняется миссия, Полковник Шеффер,» отвечает канонисса. «Целый Орден Космических Десантников и рота из Ордена Серебряного Покрова приступили к осуществлению плана, который мы все одобрили. Чего вы надеетесь достигнуть с... с отребьем из улья и кочевниками из пустошей?»

Орска бросает сердитый взгляд на старую женщину, слыша подразумеваемое оскорбление. Она отходит от остальных и поворачивается, так что она стоит рядом со мной и смотрит на них.

«Я не согласна оставаться в этой тюрьме,» говорит Орска. «Мои люди сражаться лучше на открытой местности.»

«Кажется, что это было не так, когда вы сбежали к нам от варпорожденных,» презрение Эрасмисы грубее, чем скрежет техноадепта. «Мы предложили вам убежище внутри наших стен, и вот так вы отплачиваете нам?»

«Там не было никакого прятанья. Мы сражаться с вашими врагами. Ничего не должны!»

«Леди, мы можем позволить, чтобы смысл был услышан?» говорит Старый Проповедник, поднимая руки. Как Орска, так и Эрасмиса обратили свои нахмуренные лица на него, но он, кажется, не обращает на их гнев никакого внимания. «Я уверен, что есть какой-нибудь способ согласовать все наши нужды. Я не сомневаюсь, что Кейдж поведет нас к Воле Императора. Я знаю это в своей душе. Это задача, достойная живого святого, разрушить логово Вечного Врага изнутри, чтобы спасти Армагеддон.»

«Это так ощущается, верно?» говорю я. «Я имею в виду, если бы меня не направлял Император, мне бы нужно было быть сумасшедшим, правильно?»

Эрасмиса открывает свой рот, но Дениумениалис прерывает ее.

«Цитируя *Министорум Либра Мартир*, 'Это история о человеке, который делал безумные вещи, потому что он делал на практике то, о чем многие Святые проповедовали'.» Старый Проповедник нервно трет руки. «Но это оставляет нас в некотором затруднительном положении относительно гражданских, которых вы привели с собой, как и относительно оставшегося персонала Сестринства. Дети. Вы оставите их без защиты?»

«Вы имеете в виду, оставят ли они *вас* без защиты?» резко бросает Эрасмиса.

«Вовсе нет, я всецело намереваюсь сопровождать Кейджа, чтобы мог задокументировать его подвиги для обсуждения *Кансиллой Мартирайс*.»

«Возможно, не стоит говорить о мученичестве так много?» предлагаю я.

«Вы планируете следовать за этим безумцем?» говорит Старшая Сестра, выходя вперед. «И вы ожидаете, что я пойду с вами в качестве вашей охраны?»

«Ну же, Аладия, это не отношение слуги Бога-Императора.» Дениумениалис складывает руки и держит их у груди, как будто в молитве. «Если это Воля Императора, мы не должны бороться с этим.»

«Мы не можем оставаться и просто надеяться, что варпорожденные, Предатели Астартес или орки не захватят боевой монастырь,» говорит Шеффер. «Одна пушка или тридцать, никакой разницы.»

«Им придется пойти с нами,» говорю я, приходя к решению. Если они раньше не думали, что я не в своем уме, взгляды от остальных, за исключением Дениумениалиса, подтверждают, что они думают об этом сейчас. Я поднимаю руку, чтобы остановить споры до того, как они поднимаются, и направляю большинство слов Полковнику. «Орская права. Ее люди намного более подготовлены к жизни и сражениям в пепельных пустошах. Они могут держать не-бойцов в безопасности, пока мы ищем нашу варпоголову. Если мы не вернемся из этого, они будут не в худших условиях, чем если мы оставим их здесь. Но, если мы преуспеем в этой части, нам нужно будет добраться до ближайшей стартовой площадки.»

«Станция Кракен,» говорит Полковник. «Как я уже тебе говорил.»

«Точно. И это означает, либо будет нужно больше солдат, чтобы защитить их, либо способ, чтобы выбраться с Армагеддона. Оба этих варианта лучше, чем оставаться здесь и просто ждать, что случится наихудшее.»

Дениумениалис ухмыляется, а Орскя задумчиво кивает. Я могу видеть, что канонисса пытается найти какое-нибудь возражение, но даже она, в конце концов, сдается, со вздохом делая шаг назад. Полковник одаривает меня пронзительным взглядом, недоверчивым, но я искренен.

«Таков был план, помните?» говорю ему я. «Когда мы покидали Ахерон. Добраться до Имперских линий и убраться с этого обреченного мира. Сейчас есть изъяны, может быть, мы сможем остановить это, но исходная цель озвучена.»

«Кажется, что у тебя все под контролем, Кейдж,» соглашается Шеффер.

Это смешно, но чем больше он говорит это, и чем больше я пробегаюсь по плану в голове, тем больше я убежден, что это может сработать.

Может быть, это, на самом деле, то, чего Император хочет от меня.

Возьмите астероид. Слегка выдолбите его. Наполните его орками. Закройте его генераторами щита, как которыми пользоваться, вероятно, даже орки не понимают. Поставьте на него несколько абсурдно нестабильных реакторов и чрезмерно мощных двигателей. И выстрелите им в планету.

Вы получили себе орочий каменный форт.

Зверь Газкулл послал сотни таких штук на планету в начале второго вторжения. Содержимое сгорает на своем пути и только некоторые, в основном, врезаются в поверхность, чтобы уничтожить все в радиусе нескольких километров. Это то, что случилось с Ульем Аид, хотя, это и была цель, как говорил мне Назрек. Некоторое количество из них, как ни странно, приземляются почти целыми.

Поздравляем, теперь у вас есть тяжеловооруженные и укрепленные позиции по всей вражеской территории, с которых можно осуществлять свои нападения.

Исходя из того, что мы на пути, чтобы похитить орочьего псайкера, чтобы послать его на орбиту, чтобы он мог психически взорваться, чтобы, будем надеяться, перегрузить

варп-разлом, притаившийся над Армагеддоном, орочьи каменные форты теперь кажутся гениальной идеей.

Отдельный каменный форт, приземлившийся, всего лишь, в нескольких километрах от боевого монастыря, был зачищен, в качестве части осады Ахерона, и теперь в нем, определенно, новые обитатели – орки, изгнанные из улья прибытием варпорожденных. Дым поднимается от скрытых двигателей, недавно поднятые флаги медленно хлопают в густом воздухе Армагеддона.

Я беру на время магнукуляры у Орски и осматриваю грубо вырезанные рампы и пешеходные дорожки, прорезающие, подобно шрамам, поверхность приземлившегося астероида. Он не самый большой, может быть, тридцати метров в высоту, но почти сто шестьдесят метров в ширину. Кратер от удара был стерт артиллерийским обстрелом и эрозией от жестких условий Армагеддона, но части кольца были усилены маленькими башнями и наблюдательными пунктами. Я осматриваю их медленными движениями магнукуляров, но, кажется, что они пусты. Возвращая свое внимание к основному форту, я не вижу слишком много происходящего, пытаюсь посчитать признаки движения за неровными стенами.

«Я бы сказал, что ближе к дюжинам, чем сотням,» говорю я, возвращая магнукуляры. «Но, это не делает никакой разницы, их, все равно, слишком много.»

Наши силы насчитывают тридцать два вооруженных человека, и, примерно, столько же невооруженных. Мы оставили их в нескольких сотнях метрах позади, дальше по склону, с которого мы следим за орочьим фортом, несколько мусорщиков остались в качестве часовых. Я скольжу в сторону по пеплу, чтобы посмотреть на Назрека. Помимо руки-чоппы, орк вооружен болтером, с которым Грот обращался с недобрым вниманием. К передней части приварено длинное лезвие, и, каким-то образом маленький чужак умудрился пересобирать подающий механизм, чтобы оружие питалось сразу от двух магазинов. Я не уверен, в чем разница, но Назрек кажется весьма удовлетворенным этим, когда показывает мне. «Больше дакки,» говорит он, что бы это не значило.

«Ты уверен, что чудила там?» спрашиваю я орка.

«Ага, большой зеленый. Стучит в моей голове. Дом-дом, дом-дом. Варпобашка стучит реально хорошо в космической дыре.»

Грот хихикает, показывая взрывающуюся голову маленькими пальцами.

«Что бесполезно для нас, пока мы не доберемся до него,» говорит Полковник позади меня. «Орская, твои люди жили поблизости?»

Она кивает.

«Не подходить слишком близко, но мы охотиться в этих дюнах до того, как камень приземлится.»

«Есть путь мимо башен, тот, где нас не увидят?»

«Должен быть. Я поговорить с остальными.»

Она припадает к земле и слегка скользит вниз по склону туда, где ожидают остальные разведчики и мусорщики, группа ульевиков и последние из солдат находятся дальше.

«У меня есть идея,» грохочет Назрек. «Мы купить варпобашку.»

«Как...?» начинаю я.

«Дадим людей оркам. Получим варпобашку.»

«Обменяем людей?» говорит Полковник, бросая взгляд назад на далекую толпу детей и других гражданских, нескольких Сестер Госпитальеров, санитаров и сломанных варпом среди них. Дениумениалис тоже с ними, бронированная фигура Старшей Сестры Аладии поблизости, наблюдает за своим подопечным. Снова поднимается ветер, бросая вихри пыли по бесплодному ландшафту.

«Я не думаю, что мы должны делать это, Назрек,» осторожно говорю я. «Мы, вообще-то, не имели в виду, чтобы продавать своих людей в рабство.»

Орк смотрит на меня несколько секунд, озадаченный мыслью. Затем он кивает и ухмыляется.

«У меня есть хорошая мысль.» Орк стучит сбоку шлема толстым зеленым пальцем со сломанным ногтем. «Мы *притвориться* продавать людей?»

«Как это сработает?» спрашивает Шеффер. «Как ты притворишься, что продаешь кого-то?»

«Мы подвести людей к воротам. Наделать шум. Орки придти и посмотреть. Других людей Императора не видеть. Войти. Забрать варпобашку.»

Я уже готов начать выискивать дыры в плане, но останавливаю себя. Снова обдумывая это, в этом, возможно, есть хорошая идея. Я бросаю взгляд на Полковника, который, очевидно, обдумывает то же самое. Я слегка спускаюсь по склону и складываю руки чашечкой вокруг рта.

«Охебс! Сюда!»

Я могу сказать, какая из закутанных в пальто фигур – он, по дистанции, которую держат другие. Он поворачивается и бредет к нам, лицо закрыто шарфом и капюшоном. Я отхожу, когда он подбирается ближе, а Назрек неловко ворчит.

«Назрек, ты все еще можешь чувствовать зеленый?»

«Зеленый все еще здесь,» продолжает орк.

«Охебс, встань рядом с Назреком.»

Солдат бросает на меня нахмуренный взгляд, пока я прошу, с неохотой топая вверх по склону, чтобы встать в нескольких шагах от чужака. Назрек обнажает длинные клыки, губы дрожат от ярости.

«Что теперь, Назрек?»

«Нет зеленого,» жалуется орк. Он тыкает кончиком импровизированного штыка, заставляя нуля отойти дальше. «Маленький зеленый.»

«Значит, ты можешь глушить силы варпоголовы,» говорю я, одаряя Охебса многозначительным взглядом.

«Ты знаешь, что это означает, что мне нужно подобраться поближе,» говорит он, еще дальше отходя от Назрека. «Например, на расстоянии удара?»

Грот резво скачет к нам, щебеча своим пронзительным голосом. Назрек ворчит что-то в ответ. Меньший чужак поднимает сумку с грибами, которую таскает с собой с самого подулья. Я смотрю на Охебса, и мы оба мотаем головами, в недоумении. Грот копается в сумке, что-то разыскивая. Он достает пригоршню ярко-зеленых грибов, которые слегка выглядят похожими на морщинистую кожу.

Назрек говорит что-то еще, и Грот от досады закатывает глаза. Маленькое создание притворяется, что ест зеленый гриб, затем косит глаза и немного пьяно ходит туда-сюда перед тем, как мелодраматично, закружившись, не упасть на землю в фальшивом обмороке.

«Этот гриб свалит нашу варпоголову?» говорю я, указывая на гриб, пока Грот оживляет себя из своего притворного ступора. «Если он съест его, мы сможем его увести?»

Грот показывает мне костлявыми пальцами вверх, и запихивает грибы обратно в маленькую сумку.

Возвращение Орски заканчивает маленькое театральное представление, и Грот спешит назад к Назреку, чтобы получить неуклюжее похлопывание по голове.

«Никто знать путь в форт,» говорит нам дюнная провидица, «но можем добраться ближе. Там камень трещина. Старый, старый водяной разрез под дюнами. Мы идти вверх по трещине, близко к основанию форта.»

Она указывает и снова дает мне магнукуляры. Я едва могу видеть темную линию на сером, возможно, несколько выходов каменных пород поблизости от каменного форта.

«Пойдет,» говорю я, и отдаю ей магнукуляры. Мои глаза снова возвращаются к завитку безумия, загрязняющему небо. «Я бы подождал ночи, но ощущение такое, что нам нужно все сделать так быстро, как только возможно.»

«Я согласен,» говорит Полковник. «Нам нужно решить, кто будет в рейдовой группе, а кто пойдет с орком.»

Это решение, обычное в жизни в Последних Шансах. С одной стороны, я могу пойти к оркам с Назреком, прямо под их пушки, и надеяться, что они не откроют огонь сразу

же, как увидят нас. С другой стороны, я могу попытаться проскользнуть в центр их форта, пока другая группа, будем надеяться, будет задерживать их. В любом случае, нет никакого смысла предполагать, что произойдет потом. Как и во множестве таких миссий, все связано с моментами импровизации и направленной тупости.

ШЕСТНАДЦАТЬ

КАМЕННЫЙ ФОРТ

Я был рядом с достаточным количеством орков в эти последние месяцы, чтобы знать, что их зрение не так хорошо, как наше, большую часть времени, но их обоняние настолько же сильное, как и у гончей-ищейки. К счастью, расселина, по которой мы следуем за Орскя, приближается к каменному форту с подветренной стороны. Так же, ветер начинает поднимать бурю, так что пылевые облака уменьшают видимость до восьмидесяти или девяноста метров, в лучшем случае. Это означает, что нас, скорее всего, не заметят, а так же то, что если здесь поблизости, снаружи форта, бродят какие-нибудь орки, мы будем, практически, выше них.

Ветер приносит знакомый-но-нежелательный запах грибов, экскрементов и смерти. Такой же сильный, как и в подулье, что удивляет, исходя из того, что этот форт снова заселен за последние несколько дней. Имперские команды зачистки должны были пройти по каждому укромному уголку и трещине огнеметами и противоорочьими токсинами, чтобы убедиться, что от них ничего не осталось, но пахнет так же плохо, как и заражение в подулье.

Водосток глубиной, примерно, пять метров, и пару метров шириной, следующий изменчивым курсом какой-то высохшей реки, вырезанный в камне за прошедшие века. Большая его часть – это уплотненные пепел и песок под ногами, но они, все еще, перемещаются, так что мы в точности следуем по следам мусорщиков, идущих по двое по ущелью.

Он слегка расширяется, а затем прерывается поверхностью от удара астероида, соединяясь со стенкой кратера примерно в тридцати метрах от темной поверхности форта. Орскя подает сигнал остановиться, и мы приседаем в укрытии каменных стен, пока один из людей дюнного провидца проверяет путь в кратер. Я смещаюсь вдоль края водостока, чтобы встать рядом с Орскя, и вместе мы взбираемся вверх, чтобы мы могли посмотреть в направлении разлома, который служит главными воротами форта.

Естественное образование и добавки от работы орков создали перевернутую 'V', примерно, четырех метров в высоту и шести в ширину в основании форта, выходящую на юго-запад, насколько я могу понять. Рампа из наносов пепла гладко уходит вверх ко входу, пересеченный следами шин, гусениц и следов от ног в обоих направлениях. Она изгибается на запад, между двумя сторожевыми башнями у края кратера – примерно, в пятидесяти метрах от ворот, примерно в ста двадцати метрах от того места, где находимся мы.

Сквозь плывущие облака пара багги оставляют следы в пыли, пока патрулируют край кратера. Я хватаю Орскя за руку и киваю в их направлении, но они движутся в другую сторону, от нас, в данный момент. Не пройдет слишком много времени до того, как они сделают круг.

«Они ехать в кратер, не прыгать над трещиной,» говорит она, указывая на потревоженные линии пепла, примерно в пятнадцати метрах от того места, где мы, прямо перед разведчиком, сидящим на корточках на краю водостока.

Я смотрю наверх. Края астероида отвесные, испещренные темно-серыми и черными прожилками. Там дыры, где располагались генераторы поля и двигатели, вырванные Имперскими войсками, которые захватили территорию во время атаки на Ахерон. Это большая глыба камня, но на нее можно забраться. Забраться туда – не самая моя большая проблема. Обойти ее, чтобы найти варпоголову, и выбраться – настоящий трюк. Когда я слышу, что моторы становятся громче, разведчик проскальзывает назад и машет нам продвинуться дальше в разлом.

Мы отступаем, запихиваясь в трещины и складки в черном камне, наша одежда мусорщиков, покрытая пеплом, смешивается с коричневым, серым и прожилками красного вокруг нас. Держа руку на лбу, чтобы предотвратить блеск солнечного света на своих очках, я рискую высунуться и мельком взглянуть, когда двигатели начинают отдаваться эхом по ущелью.

В облаках потревоженной дюны две машины с грохотом проносятся мимо. Я вижу широкие шины, разбрасывающие пыль, водителя и стрелка на каждом багги, но и все.

Как только они уезжают, мы снова выдвигаемся вперед, используя несколько минут до того, как орки снова вернуться к водостоку. Когда мы снова возвращаемся на нашу выгодную точку, Орскя использует свои магнокуляры, чтобы осмотреть дорогу вдоль края, высматривая другую часть нашей группы, где Полковник и Назрек пытаются привлечь как можно больше орков.

«Они приближаются,» шепчет она, передавая мне устройство.

Я тотчас обнаруживаю их. Перепачканная группа людей в тряпках, которую эскортирует горстка мусорщиков. Назрек самоуверенно ведет их, Грот скачет вокруг ног чужака. Стучащий гул извергается от обеих наблюдательных башен, и в паре пещер над входом есть движение, пока орки появляются изнутри, дула длинных пушек высовываются из защитных укреплений. Назрек ведет свою торговую группу прямо вверх, к башне, много махая кулаком-чоппой и жестами показывая назад на очевидных пленников. Грохот эхом отдается изнутри входа форта, за ним следует поток энергичных орков, хлынувших вниз по рампе. Большинство из них выглядят, как ульевичи – один или два почти такие же большие, как Назрек, но не один из них не больше. Затем, в сопровождении группы свирепо выглядящих воинов в тяжелой броне, появляется босс, окруженный по бокам процессией из маленьких гретчинов, несущих флагштоки, куски трофеев и ассортимент из немыслимо-выглядящего оружия.

Этот парад спешит по дороге, когда два багги проезжают сторожевые башни. Несколько отставших – орки и гретчины – следуют вниз по рампе, но внимание всех твердо зафиксировано на торговой делегации. Тяжело отвести магнокуляры и отвернуться, настолько я безрассуден, чтобы увидеть, что произойдет дальше, но сейчас самое лучшее время, чтобы выдвигаться до того, как кому-нибудь станет скучно или кто-нибудь станет подозрительным.

«Идем,» говорю я, бросая магнокуляры Орски.

Как группа, мы стремглав несемся из расщелины. Я полагаю, что на этом участке скорость лучше, чем скрытность. В воздухе все еще много пыли от багги, и любому на карауле, пришлось бы смотреть прямо на нас, чтобы увидеть, как наши замаскированные фигуры движутся сквозь мрак.

Пепел разлетелся по сторонам форта, создавая весьма крутой и мягкий склон. Орскя и ее мусорщики взбираются зигзагом наверх и мы следуем за ними, выстраиваясь в линию у твердой каменной поверхности. Камень кажется расплавленными местами, либо от создания точки входа, либо от битвы, невозможно понять. Какова бы ни была причина, щели и складки на камне предоставляют хорошие точки для опоры, и мы дружно лезем по стене форта, повесив свое оружие на спины, направляясь к двум брешам, всего лишь, в нескольких метрах выше.

Разведчики приближаются к каждой дыре и всматриваются внутрь. Это тягостные несколько секунд в ожидании, что они подадут сигнал, что все чисто, но, в конечном итоге, мы получаем большие пальцы вверх, и следуем за ними внутрь, по одному в каждую дыру. Орскя направляется в одну дыру, я в другую, но падение через квадратное отверстие доставляет меня в ту же камеру, что и ее – вырезанную комнату, почти пяти метров в поперечнике, местами квадратную и, очевидно, сделанную, чтобы содержать какую-то большую машину.

Дыра, превосходно круглая, вырезанная каким-то резакон поля чужих, я полагаю, выводит нас в изгибающийся, неровный тоннель, едва высокий, чтобы в нем стоять, и достаточно широкий, чтобы идти по трое в ряд. Разведчик направляется в каждую сторону, оставаясь в поле зрения около каждого поворота прохода.

«Куда?» спрашивает Орскя.

Было бы полезно иметь здесь Назрека, чтобы он направлял нас с зеленым, но это не вариант. Орски не делают ничего обычным способом. Все, что они делают – это импровизация, разовая работа, так что нет двух одинаковых вещей, если только у них нет рабов, работающих на них. То же самое правдиво для их поселения, судя по тому, что я видел в джунглях и подулье. Но, учитывая это, есть определенный шаблон к тому, что они делают, как будто есть подразумеваемый образец, который заставляет их что-то делать, что-то полузабытое. Точная планировка логова орков никогда не похожа на любую другую, но общее расположение важных мест – как, например, те места, где живут военачальник и его закадычные друзья, где они кучкуют свое дерьмо, мастерские 'меков' и так далее – обычно да.

Мне нужно найти один из этих знаков. На том основании, что я не хочу приближаться к воротам, если возможно, я указываю направо, в другую сторону от главного входа.

Оставляя позади пару острых глаз и хороших стрелков присматривать за нашими спинами, мы движемся так быстро и тихо, насколько возможно, позади троицы разведчиков.

Сквозь естественный разлом, почти вдвое выше, чем я, мы забираемся в другой коридор, на стенах виднеются следы от какой-то дрели или лопаты. Он намного прямее, хотя не слишком, спускающийся вниз с отверстиями, как естественными, так и неестественными, с обеих сторон. Орочий запах намного сильнее вниз по уклону, и мы направляемся по нему, опасаясь встретить какого-нибудь чужака.

«Почему тихо?» бормочу я, отмечая отсутствие обычных криков, которые я ассоциирую с житьем орков. Ни двигателей, ни смеха или криков, и никаких стуков или грохота.

«Может быть, все уйти?» предполагает Орскя.

Ощущение тревоги движется вниз по моему позвоночнику за секунду до того, как Охебс подходит позади нас.

«Будем надеяться, что варпоголовый не ушел,» говорит он. «Если он пошел посмотреть, что происходит, нам фрагец.»

«Спасибо, что подметил это,» ворчу я в ответ, желая, чтобы ноль не был частью плана.

Один из разведчиков шикает и указывает через щель в стене в помещение впереди. Мы спешим вперед, чтобы посмотреть, насчет чего это шиканье.

Запах возвращает меня назад в тюремный шпиль в подулье, и я, мгновение, боюсь посмотреть внутрь. Снова приготовив себя к тому, что я могу увидеть, я проталкиваю голову в шероховатые края пещеры.

Тела. Кучи тел орков. Две дюжины, по меньшей мере, плюс столько же или больше гретчинов, сложенные друг на друга у дальней стены зала. Все они выглядят очень свежими, темная кровь лужами собралась на полу, тела разорваны и выдолблены. Несколько дюнных мух жужжат вокруг трупов, но я еще не вижу никаких признаков яиц или личинок.

«Умерли в последние несколько часов, я полагаю,» говорю я остальным.

«Варпорожденные,» рычит Орскя, сотворяя защитный символ. «Они сделать это.»

«Ага,» говорю я, вытаскивая голову из комнаты и бросая взгляд на Охебса. «Я полагаю, что у орков такие же проблемы, как и у нас. Идем, сделаем это, так быстро, насколько сможем.»

Через серию полостей и прорытых туннелей, мы направляемся к центру форта, слегка поднимаясь, когда можем – я считаю, что у босса, обычно, жилище близко к центру поселения, и его орки-приятели поблизости, так что форт не будет другим. Двигатели и генераторы щита, должно быть, заполняли наружные комнаты. Назрек говорил мне, что чудил держат в стороне от других орков. Орки генерируют зеленую энергию, так что, чем больше орков вокруг, тем опаснее для псайкера. И для других орков, с тех пор, как, кажется, что варпоголовый собирает энергию и посылает ее потенциально смертельными бабахами без предупреждения.

«Чувствуешь что-нибудь?» спрашиваю я Охебса.

«Я – ноль,» резко бросает он в ответ. «Я – противоположность детектору.»

«Точно, ага,» говорю я. «Я думаю, что нам нужно забраться выше. Я полагаю, что орки хотят легко приходить и уходить, так что большинство из них будет держаться поближе ко входу. Варпоголовый будет настолько далеко, насколько возможно.»

Продуваемые рампы и лестницы ведут нас вверх, все еще без какого-либо легчайшего признака каких-нибудь жильцов. Здесь до жути пусто. Я уже ожидал бой, и, пока мы забираемся выше, беспокойство о том, что нашей варпобашки здесь нет, растет с каждой секундой. Это только до тех пор, пока Назрек и остальные могут раскручивать отвлечение до того, как произойдет что-то плохое.

«Будет быстрее, если пойдут несколько из нас,» говорю я, махнув остальной группе остановиться. «Если услышите выстрелы, идите и найдите нас, иначе, будем держать в голове, что нам будет нужно выбраться. Мне нужен ты, Охебс. Орскя, ты хочешь пойти или остаться?»

«Я остаться. Ты взять Ланна, Корт и Бессда.»

«Ты тоже, Феллкас,» говорю я, видя одного из моих бывших солдат среди толпы в капюшонах. «Ты полезен в стесненных условиях.»

«Да, Сгоревший,» говорит он.

Прошло какое-то время с тех пор, как я слышал титул, и это заставило меня сделать паузу. Почти невозможно думать, что некоторые из этих людей те же самые, которые следовали за мной в том другом мире, в той другой жизни в подулье. Я совершенно уверен, если бы мне сказали это там, где нас всех бы прикончили, я бы болтался в петле или собирал бы свои внутренности.

Передвигаясь больше быстрее, чем скрытнее, мы забираемся в другой покатый коридор, разделяясь наверху, чтобы обследовать ближайшие комнаты. Как и большинство остальных в форте, здесь голый камень, некоторые обработаны машинами, некоторым приданы очертания рукой природы.

Рявканье оружия резкое и шокирующие в ограниченном пространстве.

Звук, на самом деле, не может быть грязным, но есть нечто в звуке оружия орков, что заставляет меня думать так. Слегка неуравновешенная детонация нестабильной амуниции, не похожая на равномерный треск лазгана или ужасающее фыркание-рявкание болтерного заряда.

Один выстрел, за которым последовали крики паники снизу от нас.

Прошел удар сердца.

Крик. Стрекотание автогана, и еще один громкий выстрел, со звоном отражающийся от камня, подобно богохульному шепоту в храме.

«Орская?» кричу я в перерыве между залпами.

Позади, оттуда, куда мы направлялись, я слышу грохот ботинок. Больше, чем одну пару.

«Сгоревший?» произносит Феллкас. «У нас компания.»

«Уберите их. Хотя, будьте осторожны, чтобы не навредить варпобашке.»

«У нас проблема,» доносится голос Орски. «Плохая ситуация здесь.»

«Насколько плохая?»

Ворчание и оружейный огонь прямо позади меня привлекает мое внимание к лично нашему затруднительному положению. Два орка появились в квадратной арке впереди, никто из них не маленькие особи из их вида. Феллкас и мусорщики отгоняют их назад шумными залпами, пули со звоном отлетают от грубо обработанных стен вокруг дверного проема.

«Они идти позади нас!» приходит голос Орски. «Между нами и тобой.»

«Отгоните их и выбирайтесь из форта,» кричу я в ответ, надеясь, что орки не понимают, что я говорю. «Наделайте шуму, и заберите их с собой, чтобы мы смогли добраться до варпобашки.»

«Я понять, Сгоревший. Император смотреть за тобой.»

Мгновением позже оружейный огонь возобновляется, яростнее и дольше, чем раньше. Все, что я могу делать, так это верить, что Орскя сделает все, что сможет, чтобы отвести жар от нас.

Я слышу металлический стук о камень недалеко от нас.

«Вниз!» кричит один из мусорщиков. Корт, я думаю. Я вижу, как стикк-бомба останавливается в нескольких метрах по коридору, пока остальные ударяются о пол. Искры летят фонтаном из одного конца.

Слишком близко.

Я перепрыгиваю Охебса, съездившегося рядом со мной, и пинаю ботинком, посылая гранату назад вверх по коридору. Она отражается от стены и летит по спирали, чтобы остановиться прямо за арочным проходом.

Стикк-бомба взрывается, когда я отворачиваюсь. Жар омывает меря, и несколько кусков шрапнели врезаются в мою куртку и штаны.

«Вставайте! Вставайте!» кричу я сквозь гул в своих ушах.

Я разворачиваюсь, пока остальные поднимаются на ноги, открывая огонь из своего лазерного пистолета, когда орк тяжело выходит из комнаты, ожидая увидеть наши

куски повсюду, я полагаю. Мой первый выстрел попадает ему сбоку головы, прожигая ухо и входя в череп. Воя от боли, он поворачивается, громоздкое, похожее на дробовик оружие, поднимается в моем направлении. Я снова стреляю, к моему лазерному заряду присоединяется шквал пуль от моих компаньонов, ударяя в лицо и грудь зверя – он едва ли в пятнадцати метрах от нас, почти невозможно промахнуться.

«Охебс, за мной,» кричу я, срываясь вперед. Еще больше путь хлещут мимо нас, пока остальные прикрывают нас огнем, врезаясь в плоть и лохмотья орка, пока он падает, отскакивая от бронированных пластин на его плечах. Я снова открываю огонь, посылая еще больше лазерных зарядов в лицо чужака, выжигая глаз одним из выстрелов.

«Бежим к варпоголовому,» говорю я, когда мы добираемся до дверного проема. Сжав зубы, я бросаю в проход, ожидая рев шутты орка, приветствующей меня.

Я резко останавливаюсь, обнаруживая второго орка, стоящего спиной ко мне. В углу маленькой комнаты есть третий ксенос, в медных браслетах и кольцах, с которых срываются зеленые искры. Другой орк наклонился над ним, рыча и указывая на дверь.

Крепкий орк поднимается и поворачивается, раздувая ноздри, сужая глаза, когда его взгляд останавливается на мне. Я вытаскиваю свой нож. Он смотрит на клинок, дрожащая улыбка изгибает его губы, пока он вытаскивает свое собственное оружие, полметра зазубренной мерзости.

Я ору на него.

Он ревет в ответ и прыгает.

Я поворачиваюсь и бегу, ныряя в дверной проем, пока он приближается ко мне.

«Стреляйте!» кричу я, откатываясь от арочного прохода.

Орк с грохотом вылетает наружу, прямо в залп огня от остальных. Зеленая плоть отрывается от толстых костей внезапным ливнем пуль, их объединенные удары намертво останавливают его на месте. Я с трудом поднимаюсь на ноги, и бросаю себя в сторону, когда он входит в поток пуль, замахиваясь мне в спину.

Поворачиваясь, скользя по полу, я добавляю несколько выстрелов из лазерного пистолета, пока он топает за мной, вытаскивая тяжелый пистолет из-за пояса.

Я не могу сказать, двадцать или тридцать попаданий нужно, чтобы свалить его, но уже должно быть близко к этому числу. С продолжительным стоном орк падает, пистолет выпадает из когтистых пальцев, пока он зажимает фонтанирующую рану на своей шее. Порезы и дырки отмечают его голову и торс, видно больше крови, чем кожи.

Движение наверху коридора привлекает мое внимание к чудиле, бегущему вниз по проходу, за ним тянется зеленая молния. Я пускаюсь в погоню, прыгая мимо умирающего орка, попытавшегося ударить меня в своей смертельной агонии.

Коридор заканчивается резким спуском, где варпоголовый останавливается, приседая у лестницы из кабеля с узлами, привязанной к болту на стене. Он бросает взгляд назад и видит, что я приближаюсь. Позволив тросу упасть, орк поднимается во весь свой рост, больший, чем я осознавал, когда он съеживался в комнате. Крапинки зеленой энергии кружат вокруг его руки, пока он поднимает расставленные пальцы в мою сторону, каскад изумрудной пены пузырится в его открытом рту.

«Охебс!»

Надо отдать ему должное, ноль не мешкает. Охебс бросается вперед, мимо меня, в шторм психической молнии, расширяющейся от протянутой руки чудилы. Кажется, что дуги проходят сквозь его тело без эффекта, становясь за ним рассеивающимся зеленым туманом

Он телом врезается в орка, ударяя плечом ему в живот и закручивая, пока он падает, каким-то образом утаскивая существо на землю. Случайные вспышки зеленой энергии проходят по плоти чужака, пока сломанные куски меди отлетают от его тела.

Чудила пытается подняться, рыча и воя, пока Охебс обхватывает собой, как змея, его ногу и нижнюю часть тела.

«Кейдж!» кричит он, поворачивая голову, когда зеленый кулак ударяет по ней.

«Сейчас, Кейдж!»

Я вытаскиваю маленький мешочек из-за пояса и бросаю его, так сильно, насколько могу, прямо в лицо орка. От удара образуется шлейф желтой-и-белой пыли, споры, приготовленные Гротом, окружают голову чудилы. Он рефлекторно вдыхает их, вытягивая смесь наркотических грибов.

Чихая, варпоголовый отшатывается назад, таща Охебса в направлении конца коридора и резкому падению. Он скачет на самом краю, пытаясь отбросить ногой Охебса, остаются мгновения от потери равновесия и падения до своей смерти и нашего провала.

Он исчезает из поля зрения.

Мусорщик проносится мимо меня, бросившись по коридору, чтобы схватить Охебса за лодыжку, пока орк падает, утаскивая нуля к краю. Ее вторая рука хватается кабель рядом с болтом, сильные пальцы секунду скользят по металлу, прежде чем ухватиться.

Я прыгаю мимо нее, скользя на животе к краю коридора, руки хватают молотящую ногу варпоголового, пока он вырывается из слабеющей хватки Охебса.

Шаги позади нас приводят остальных нам на помощь, руки хватают и тянут, тяжело вытаскивая нас и орка обратно на край.

Снотворное уже работает, чудила глубоко храпит в нашей хватке.

Пока что все идет нормально. Теперь нам просто надо выбраться отсюда.

С Охебсом, Ланной и Феллкасом, полунесущими, полутащащими вялого варпоголового, Корт, Бессда и я возглавляем обратный путь по извивающемуся лабиринту коридоров форта. Проходя группу тел орков и гретчинов, я осознаю, что Орскя отступила тем же путем, каким мы пришли.

«Мы не в том состоянии, чтобы ввязываться в серьезную перестрелку,» говорю я остальным. «Мы не можем вернуться тем же путем, которым пришли. По факту, нам нужно найти другой путь, если Орскя и остальные отвлекают столько внимания, сколько могут.»

Мы разворачиваемся и направляемся по следующему коридору, прислушиваясь к звукам боя, который изредка отдается эхом вдоль неровных стен.

«Это было впереди?» говорит Феллкас после того, как эха от затяжной перестрелки стихли. «Я думаю, что это было впереди.»

Меняя курс, мы выбираем правый поворот, обнаруживая себя наверху какой-то лестницы, вырезанный в камне. Здесь только один путь, вниз, так что мы все беремся за варпоголового и осторожно начинаем спускаться по лестнице. Безопасно спустившись вниз, я отхожу от остальных в разлом в камне, который был расширен инструментами. На другой стороне темное пространство, с проблесками солнечного света в дальнем конце.

«Мы пойдем туда,» говорю я, но, как только за мной в брешь следует Корт, мы слышим голоса орков, звучащие в открытом пространстве справа от нас. Свет от фонаря становится сильнее, освещая открытое пространство всего лишь в нескольких метрах от нас.

«Назад, назад,» говорю я остальным, махая рукой, проскальзывая с Кортом всего лишь за несколько секунд до того, как орки входят в большую пещеру.

Мы приседаем в тени и слушаем. Металлический скрип становится громче, сопровождаемый резонирующим звоном, который приносит струящийся свет в форт. Через несколько секунд доносится грохот шагов и повышенные обороты двигателя багги. Смотря в щель, я вижу около двадцати орков, заходящих через главные ворота, багги со скрежетом останавливается перед ними, в нескольких метрах от нас. Вонючие выхлопные газы плывут в щель от двигателя, работающего на холостом ходу. Стрелок сзади рычит что-то водителю, и за этим следует жестокий смех.

Еще больше орков возвращаются, грохоча по рампе. От самой большой группы отделяются группы поменьше, пока один из самых больших чужаков хрипит и выкрикивает приказы. Я немного меняю положение, пытаюсь заглянуть за ворота, чтобы посмотреть, смогу ли я заметить кого-нибудь из торговой команды. Они все могут быть мертвы, но отсюда я не могу увидеть никаких признаков боя. Хотя, орки знают, что что-то не так – гретчины роятся, как муравьи в потревоженном гнезде,

вереща и вопя друг другу, в то время, как их более крупные родственники кричат и пинают их.

«Может быть, назад наверх?» говорит Ланна, показывая большим пальцем за свое плечо.

Я мотаю головой.

«Орки уже могут быть везде,» отвечаю я. Мой взгляд продолжает возвращаться к багги, совсем недалеко от нас. Но экипаж выглядит так, как будто сейчас они никуда не собираются. «Точно. Нам придется выбрать этот быстрый-но-опасный путь. Охебс, будь рядом с варпоголовым на случай, если он проснется. Феллкас, помоги ему. Остальные, нам нужно избавиться от водителя и стрелка того багги. Скорость – это то, что нам нужно. Просто избавимся от них, чтобы посадить чудилу, окей?»

На их лицах, закрытых шарфами, недоверчивые взгляды.

«Мы можем затянуть это, прячась, пока нас не поймают или не загонят в угол. Вы этого хотите?»

Мотания головами показывают, что не хотят.

«Мы делаем глупую, но правильную вещь, и заберем тот багги, хорошо и быстро, и понесемся, как сумасшедшие.»

В этот раз я получаю кивки.

Мы протискиваемся в щель, которая, к счастью, все еще окутана тенями. Стрелок сошел вниз со своей позиции в задней части багги, чтобы наклониться сбоку машины и взять кружку чего-то у водителя. Я вытаскиваю себя из щели и бегу, с ножом в руке, прямо к орку.

Запрыгивая ему на спину, я обхватываю рукой его горло и направляю нож ему в ухо, ударяя всей своей силой.

Он падает назад, вбивая меня в непрощающий камень, в то время, как водитель поднимается со своего сидения, удивленный вопль вырывается из его клыкастой пасти. Остальная часть команды проносится мимо меня, открывая огонь по зверю, убивая его в водительском куполе. Разорванный на части пулями, он падает вперед в

кабине, двигатель тяжело ревет, когда он падает на рычаги управления. Вопли от других орков звенят в пещере.

Корт помогает мне откатить мертвого стрелка, и я поднимаюсь на ноги, в то время, как остальные заталкивают чудицу на пассажирское сидение. Оружейный огонь разрывает темноту, пули воют над головой, когда орки осознают, что происходит. Мы выбрасываем тело водителя и Феллкас, самый большой из нас, садится на его место. Я запрыгиваю в заднюю часть багги к тяжелому оружию с двумя стволами, разворачивая его, чтобы направить на орков, несущихся к нам по пещере. Остальные тоже залезают, хватаясь за балки и цепи, когда багги резко разгоняется с протестующим воем двигателя.

Я открываю огонь, мои выстрелы дико пролетают над головами приближающихся чужаков, пока мы ускоряемся. С багги, дрожащим на неровном полу, открытый прицел на стволе оружия хуже, чем бесполезен. Я пытаюсь направить свой прицел вниз, но то, что меня бросает из стороны в сторону, как мешок с синтетическим зерном, не помогает. Вражеский огонь звенит о металл вокруг нас. Корт, присевший слева от меня, вскрикивает. Я чувствую, как что-то со звоном отскакивает от казенника оружия и режет мою левую щеку. Снова открывая огонь, я держу спусковой крючок нажатым, ленты с боеприпасами пожираются казенником, пока оглушительный рев оружия заглушает резкие рывканы шутт орков.

Феллкас направляет нас влево, избегая группу орков, стреляющую в нас. Его маневр врезает нас в другого чужака, который пролетает мимо меня, рыча и плюясь, тяжело приземляясь позади нас. Я разворачиваю оружие, в процессе наступая на Корта. Снова стреляя, я умудряюсь попасть в цель, срезая кровавые ленты плоти с троицы орков, которые пересекают нашу линию выхода. Феллкас врезает багги в их падающие тела, машина взбрыкивает, пока перебирается через их трупы.

Уже остается, всего лишь, несколько метров от открытого воздуха. Большинство орков позади нас.

«Другой багги!» предупреждает Феллкас, когда мы вырываемся в более яркий свет, убирая руку с рулевой перекладки, чтобы указать направо.

Я вижу дым сквозь кружащуюся пыль за мгновение до того, как вижу свет от стреляющего оружия. Тяжелый грохот следует за размытым пятном снаряда, проносящегося мимо нас, взорвавшегося в воротах недалеко позади.

«Езжай к ним,» говорю я Феллкасу, снова наступая на Корта, когда еще раз разворачиваю тяжелое оружие.

Снаряд взрывается всего лишь в метре перед нами. Несясь сквозь огонь, дым и пыль, мы вырываемся из зоны взрыва, я посылаю выстрелы в корпус другой машины. Я вижу, как ее водитель падает, и багги резко поворачивает, наезжая колесом на камень. Стрелок вылетает со своего места, когда багги переворачивается, все еще разбрасывая колесами пыль.

Мы еще не ушли. Огонь со сторожевых башен несется к нам – странные лучи красной энергии, которые с треском проносятся мимо, как змеи молнии. Феллкас начинает маневрировать зигзагами, но я перегибаюсь через металлическую пластину, разделяющую нас, и кричу ему.

«Они, в любом случае, не могут целиться еще дерьмовей, просто едь быстро!»

Мы ускоряемся, но, несмотря на мои заверения, лучи с башен приближаются к нам, шипя все ближе и ближе.

«Что это?» говорю я, наклоняясь над перегородкой, чтобы указать на большую красную кнопку в центре грубой приборной панели.

«Держитесь, и мы выясним,» говорит Феллкас, смеясь.

Все хватаются, за что могут, когда подульевик бьет кулаком по кнопке.

Что-то бурлит во внутренностях багги, рычание двигателей становится высокотональным визгом, когда воспламеняется какое-то причудливое топливо, которое мы только что добавили. Огонь вырывается из дымовых труб по обе стороны от меня, и машина устремляется вперед, как гравишютер, выпрыгнувший из десантного корабля. Я чувствую, как мой мозг бьется внутри моего черепа от ускорения, смех Феллкаса становится воплем ужаса, пока мы продолжаем набирать скорость, мчась по дороге прямо между башнями, дрожащие колеса каждое мгновение угрожают вырвать у него контроль.

Подобно болту из оружия Космического Десантника, мы вылетаем из кратера, колеса отрываются от земли, по меньшей мере, на три секунды перед тем, как рухнуть на утрамбованную землю. Я вижу размытые очертания, проносящиеся мимо – может быть, тела орков и несколько, одетые, как мусорщики?

«Я не знаю, где тормоза!» орет Феллкас.

«Не важно,» говорю я, разжимая свою зубы. Я оглядываюсь на сторожевые башни, исчезающие во мраке. «Просто продолжай ехать.»

СЕМНАДЦАТЬ

ПЛОХИЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Нам, в конце концов, удалось взять багги под контроль, примерно в двух километрах от форта. К счастью, варпоголовый все еще без сознания. Пока мы с пыхтением перебираемся через дюны, я приседаю рядом с Кортм. Его веки открыты и дрожат, но его дыхание слабое, и в его носу и рту кровь. Очень нездоровое темное пятно распространяется по куртке под его накидкой. Это напоминает мне о Карсте, и я отворачиваюсь, не осмеливаясь осмотреть рану.

«Как мы найдем остальных?» спрашивает Феллкас, останавливая багги на склоне холма. Впереди от нас, форт представляет собой тень вдалеке. Я могу слышать треск оружейного огня, отчетливый, но переменчивый.

«Мы покругим вокруг и посмотрим, сможем ли встретиться с Орския и ее группой. Потом мы найдем Полковника, если сможем.»

Так что, таков план, и понадобилось около часа до того, как мы, в конечном итоге, не натолкнулись на одного из мусорщиков-разведчиков, примерно в полутора километрах к востоку от форта. Она отвела нас к импровизированному лагерю, где Орския выставила часовых, несколько остальных охраняют горстку раненых. Багги с ворчаньем останавливается, и я спрыгиваю. С Бессдой мы снимаем Корта с багги.

«Дерьмо, меня подстрелили,» говорит Феллкас, пока выбирается из водительского сидения. Он указывает на темно-красное пятно на своей левой ноге. «Хотя, я этого не чувствую.»

«Смазка,» говорит Охебс, копаясь под сидением, чтобы вытащить порванную трубку. «Ты в порядке.»

«Фраг тебя,» резко бросает подульевик, отталкивая Охебса.

«Присматривай за варпоговым,» говорю я Охебсу до того, как ситуация обострится.

Мы забираем Корта в зону лечения, организованную под куском брезента. Два человека под ним мертвы, лица закрыты головными уборами. Мы оставляем там Корта, и, пока остальные собираются вокруг багги, обмениваясь историями, я нахожу Орскя.

«Рада видеть тебя,» говорит она.

«Я тебя тоже,» отвечаю я с улыбкой. Я показываю большим пальцем на багги. «Мы достали орка. Ты видела, что случилось с Шеффером и остальными?»

«Я сказать моим людям место, чтобы встретиться,» говорит она, складывая руки.

«Мы идти туда и ждать.»

«Хотел бы я подумать об этом,» говорю я.

Мы бросаем машину орков. Она, все равно, смертельно опасная, и выхлопной дым со временем привлечет внимание. Направляясь на север, мы следуем за разведчиками назад к точке встречи, выбранной Орскя. Пересекая холм, который выглядит так же, как и все остальные, форт давно скрылся из виду позади нас, мы выходим к нескольким мусорщикам, делающим лагерь. Орскя спешит вперед в ложину, а затем возвращается с новостями.

«Они говорить, когда стрельба начинаться, все разбежаться,» говорит она мне. «Мои люди знать путь. Надеяться привести ваших людей.»

Это долгое ожидание, чтобы увидеть, сбудется ли эта надежда.

Мы проводим время в тишине, присматривая за полусонным варпоголовым, присматривая за ходячими ранеными и тяжелоранеными. В течение следующих нескольких часов прибывает Полковник с, примерно, двумя дюжинами людей на хвосте, Назрек и Грот среди них. Он не знает, выбрался ли кто-нибудь еще, но по большей части по двое и по трое продолжает появляться большая часть отсутствующих людей – иногда только мусорщики, иногда один мусорщик, ведущий подульевичков. Я рад видеть Олеша и его родню в одной из групп. Уже ближе к закату, когда сквозь смог появляется фигура в серебряной броне, Старый Проповедник рядом с ней. Пустоши привели их в полный беспорядок, от грязных лиц до ног в пепле и пыли.

«Сгоревший жив!» объявляет священник, спеша вперед, чтобы обнять меня.

«Благословен будь! Я вижу, что Император снова направил нас правильно.»

«Приятно быть оцененным,» говорю я, выбираясь из его рук. «Император за вами тоже присматривает, Старый Проповедник.»

«Он делал это многие годы, это правда.»

Священник направляется в импровизированный лагерь, раздавая приветствия и благословения в равной мере, в то время, как Старшая Сестра следует за ним по пятам. Полковник отходит от группы вместе с Орскя.

«Есть большинство людей,» говорит она. «Опасно ждать дольше. Орки, может быть, охотиться. Варпорожденные тоже.»

«Мы направимся к Станции Кракен так скоро, как сможем,» говорю я. «Чем дольше мы ждем, тем хуже все станет.»

«Сначала, мы вернемся в боевой монастырь,» говорит Полковник.

«Мы покинули его, какой смысл возвращаться? Это займет больше времени.»

«Хватит!» рывканье Полковника заставляет головы повернуться в нашем направлении. Кажется, ему все равно. «Я отдал тебе приказ. Ты подчинишься.»

«На каком основании?» говорю ему я. Я наклоняюсь, поднимаю горсть пыли и позволяю ей стечь сквозь свои пальцы. «Вот, чего стоит ваше звание здесь, Шеффер.»

«Это – ошибка, ты это знаешь,» говорит он, не отступая.

Дениумениалис возвращается к нам, очевидно намереваясь вмешаться. Аладия следует за ним с несколькими остальными.

«Вы не ведете эту миссию, правда в этом,» говорю я Полковнику. «Если вы хотите быть ее частью, привыкните делать то, что я говорю вам.»

Это задевает оголенный нерв, и он вытаскивает свой лазерный пистолет.

«Я не потерплю дальнейшей несубординации,» настаивает он, угроза очевидна.

«Нет нужды в применении силы, Полковник Шеффер,» говорит Старый Проповедник. «Мы все хотим одного и того же.»

«Я в этом сомневаюсь,» рычит Полковник.

«Я верю, что Кейдж лучше знает, что делать дальше,» продолжает священник. «Мы видели божественное управление, которое ведет его вперед.»

«Хватит,» резко бросает Полковник. «Больше никакой этой чепухи про живого святого.»

«Чепухи?» Дениумениалис становится злым от обвинения, краснея от щек до макушки. От ульевиков, которые тоже собираются, слышны злобные бормотания. «Как вы смеете, Полковник Шеффер! Я – священник Адептус Министорум и я не позволю себя так высмеивать.»

Полковник сердито смотрит на священника, а затем на меня. Его взгляд движется к нашей маленькой публике.

«Он – обманщик,» говорит Шеффер. «Император никогда бы не увидел ничего святого в этой испорченной оболочке. Все хорошее в нем исходит от меня.»

«Какое высокомерие, Полковник,» говорит Старый Проповедник. «Вы можете быть посланником Бога-Императора, но вы не Его создатель. Божественная рука на Кейдже, история его жизни доказывает это.»

«Он не живой святой,» тяжело говорит Полковник, поднимая свой пистолет. «Здесь нет чуда, которое защитит его. Я предоставлю вам все доказательства, которые вам нужны.»

Я слышу треск лазерного пистолета, но я скорее вижу темное размытое пятно, чем вспышку света. Лазерный заряд попадает сбоку головы Дениумениалиса, когда он прыгает передо мной. Обуглившаяся кожа и горячая кровь разбрызгиваются по моему лицу.

Я улавливаю проблеск движущегося серебра, и, мгновением позже Шеффер растягивается на земле, кровь сочится из раны над его глазом, его руки пусты. Аладия стоит над ним, держа палец на спусковом крючке, дуло ее болтера испачкано его

кровью. Некоторые из остальных уже кричат, умоляя ее стрелять, требуя смерти Полковника так же, как они требовали этого в подулье.

«Стой!» кричу я, ожидая немедленной казни Полковника.

Аладия не сдвигается ни на миллиметр, но ее голос доходит до меня кратким, тихим тоном.

«Нет нужды в суде, вина очевидно. Будь у нас время, казнь была бы долгой и тяжелой. В данных обстоятельствах, болт в голову будет достаточным наказанием.»

«Стой,» снова говорю я, стирая остатки Дениумениалиса со своих губ и подбородка. «Здесь есть сообщение, которое мы пропустили. Старый Проповедник умер, но он умер ради меня. Его акт спас меня, и это показывает нам Волю Императора. Это не Бог-Император побуждал нас убивать друг друга, но темные силы.»

Она обдумывает это несколько секунд. Я ожидаю, что она нажмет на спусковой крючок, но, кажется, мое возражение было услышано. Отступая назад, Аладия поднимает свой болтер.

«Я больше не буду пятнать свою душу этим делом,» говорит она, широким шагом возвращаясь назад к группе.

По моему настоянию, остальные тоже уходят, оставляя меня с Полковником.

Он поднимается на ноги, стряхивая с себя пыл перед тем, как поднять свой лазерный пистолет.

«Нам нужно--» начинает он, но я его прерываю.

«Вы не идете.» Слова, которые, кажется, легко говорить, ощущаются, как яд в моем рту. Полковник пристально смотрит на меня, сжав челюсти. «Примите это, как благословение.»

«Благословение?» Он говорит медленно, как будто разжевывая слово зубами. «Это — мятеж, Кейдж.»

«Вы. Не. Командуете.» Как я могу сказать это еще яснее? «Вы не нужны этим людям, но они пойдут за мной. Ради блага миссии, вы не идете.»

«Ради блага миссии?» Кажется, что он мгновение не в состоянии понять очень простой факт. Я размышляю, может быть, удар Сестры Аладии выбил что-то из его головы.

«Вы фрагнули священника! Это навлечет гнев Императора и все такое, знаете ли. Плохо. Плохое предзнаменование.»

«А как насчет того, что ты сказал, что это знак от Императора?»

«Это может быть правдой, но, с другой стороны, может быть, вы просто только что убили священника. Я больше не желаю рисковать, имея вас рядом.»

«Ты не можешь вести эту миссию, Кейдж. Ты потерпишь неудачу.»

Я протягиваю руку в утешении. Это было его существование один Император знает, как долго. По меньшей мере, одну нормальную жизнь и, вероятно, больше.

«Вы можете остановиться,» мягко говорю ему я. «Вам не нужно пытаться выиграть каждую войну самому. Вам не нужно бросать себя в пасть смерти в этот раз. Вы заслужили этот... этот шанс на маленький мир. Ради всего, что свято, Шеффер, вы можете пересидеть это.»

«Мир?» Он строит гримасу, как будто это наихудшее богохульство.

«Ага. Не война. Просто присматривайте за гражданскими, и убедитесь, что с ними ничего не случится. Может быть, отведете их в монастырь, как вы и говорили?» Я поднимаю взгляд на разлом, в данный момент кружащийся шторм цвета старого синяка. «Не говорите об этом остальным, мы, все равно, собираемся умереть там, наверху, победим или проиграем. Это вытекает варп. Нельзя врезаться туда кораблем, а затем просто вернуться. Наихудший вариант, мы прорвемся сквозь течение в пространство варпа без Навигатора. Наилучший – нас разорвет на части энергия от взрыва варпоголового. Вам не нужно умирать. Только один раз, отступите и заткнитесь.»

«Ты думаешь, что можешь вести Последних Шансов, Кейдж? Ты думаешь, что ты, может быть, теперь полковник?»

«Мы через многое прошли. Вот честно, вы когда-нибудь встречали кого-нибудь лучше подготовленного, чтобы сменить вас, чем я? Есть причина, по которой я продолжал возвращаться назад, и это не потому, что мне нравится вкус пайков.»

«Тебе это нужно,» говорит он, слегка наклонив голову набок. «Та речь, которую ты выдал на стене монастыря, это была ложь. Ты выбираешь такую жизнь, снова и снова. Возможно, не тебе решать, где будет бой, но ты прав, ты продолжаешь возвращаться. Но это не из-за миссии. Это из-за меня! Я даю твоей жизни смысл, и я дам твоей смерти смысл.»

«Не могу спорить, Полковник. Но, так же, мне нужно, чтобы вы были здесь, когда меня не станет. Я пытался раньше, но, по какой-то причине, я, все еще, здесь. Может быть, Император спас меня для чего-то лучшего, как это. Я не могу сказать, святой ли я или нет, но я могу сказать вам прямо здесь, прямо сейчас, что это ощущается, как будто предполагалось, что я должен сделать это. Вот, как дальше пойдет история Лейтенанта Кейджа.»

Я поворачиваюсь и ухожу, игнорируя его следующие слова. Может быть, он был основой моей жизни эти последние несколько лет, но будь я проклят, если не попытаюсь выбраться из его тени, когда у меня есть шанс.

Когда я дохожу до края лагеря, там меня ждет пара дюжин людей.

«Давайте готовиться,» говорю им я. «Нам нужно украсть космический корабль.»

Мусорщики, ульевичи, два оркоида и Боевая Сестра.

Да. Это *мои* Последние Шансы.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

СТАНЦИЯ КРАКЕН

Добывание шаттла или лихтера, способного доставить нас на орбиту, должно быть самой простой частью нашего плана. Эрасмиса сказала нам, что порт, работающий на Станции Кракен, был все еще функционирующим – отделение было оставлено, чтобы защищать комплекс после отступления главных сил на тот случай, чтобы его можно было использовать в качестве оси для контратаки.

Ночь наступила до того, как мы закончили пересекать около четырех километров брошенных полевых укреплений, которые отделяют Станцию Кракен от остальных пустошей. Я начинаю беспокоиться, когда вижу, что пятна света на горизонте - это не просто навигационные огни, но мерцающий красный огонь. Несколькими минутами позже доносится звук взрывов, в сопровождении оранжевых и желтых вспышек в дымке. Волнение становится открытым беспокойством, когда огненный шар быстро поднимается на несколько сотен метров в воздух, разбрасывая горящие обломки по широкой территории.

Я продолжаю идти вперед, заставляя свое тело двигаться на чистой воле, чтобы преодолеть отсутствие сна и усталость мускулов. Со мной двадцать три Последних Шанса. Охебс – единственный из первоначальной команды Полковника, кто выжил, и Старшая Сестра Аладия здесь тоже. Без шансов воссоединиться с остальными из своего ордена в скором времени, она сказала мне, что это кажется лучшим курсом действий, чем сидеть, присматривая за ранеными и не-бойцами. Я, так же, думаю, что она больше не хочет проводить время с Полковником, как и я.

Назрек и Грот стали обладателями медалей, насколько мне известно, меньший чужак, в частности, доказал, что он что-то вроде грибного алхимика, когда дело дошло до того, чтобы держать варпоголового в спокойном состоянии. Орскя и большинство здоровых из ее людей составили контингент мусорщиков, всего двадцать, в результате чего осталось только девять последователей Сгоревшего, все еще способных сражаться, из сотен, которые сбежали со мной после первого нападения. Это, все еще, ничто по сравнению с четырьмя тысячами, которые умерли

между приземлением на Ичар IV и уничтожением Коританорума, но в качестве незапланированного пополнения, я полагаю, я собрал довольно умелую группу.

Осталось около километра до станции, но все еще не понятно, что происходит. Над головой сходятся в дуэли самолеты, трассеры и ракеты пробиваются сквозь сумеречный мрак. Стрельба и треск из меньшего оружия доносится от комплекса, скрытые, по большей части, наружной стеной около трех метров в высоту. Я призываю остановиться, чтобы оценить все и обсудить план с импровизированным взводом.

«Это, возможно, хорошо для нас,» говорю я, пытаюсь выставить ситуацию в наилучшем свете. «В замешательстве, мы можем проскользнуть внутрь и достать корабль так, чтобы никто нас не заметил. Мы улетим со стоянки самолетов и направимся к звездам до того, как кто-нибудь узнает, что мы были здесь.»

«Ты думать?» говорит Орская, поднимая свои очки, чтобы посмотреть на меня сомнительным взглядом. «Легко внутрь?»

«Легко наружу,» говорю я, хотя я даже сам себе не верю. Ничто никогда не легко для Последних Шансов. «Сестра, ты что-нибудь знаешь о планировке порта?»

«Моя рота приземлилась на Кракене до того, как был построен монастырь,» отвечает она. «Шестиугольная стена, два километра в поперечнике, окружающая бараки, взлетную полосу и стартовые площадки, плюс командно-контрольная башня рядом с восточной стороной. На будет нужно направиться к орбитальным площадкам в северном секторе, на дальней стороне.»

«А путь внутрь? Эти стены выглядят весьма сплошными.»

«Есть пара ворот, одни на востоке, другие на западе, слева и справа от того места, где мы. Но они будут охраняемыми или оспариваемыми. Я не могу представить себе, что мы пройдем там незамеченными.»

«Стена просто слишком высокая, чтобы перелезть через нее без соответствующего снаряжения,» говорю я, смотря на Орски.

«Иметь некоторую веревку,» говорит она мне, качая головой. «Мы послать наверх людей, найти что-нибудь, чтобы привязать веревку. Другие забраться.»

«Звучит, как план,» говорю я, бросая взгляд на Охебса. «Как наш спящий?»

Варпоголовый, привязанный к одним из саней мусорщиков, ворчит и пускает слюни, но в остальном в коматозном состоянии. Грот тоже едет на санях, внимательно наблюдая с мешочком с порошкообразным снотворным в руке.

«Начинает выходить из этого, я полагаю.» Охебс смотрит на Назрека, который пялится на перестрелку на отдалении, провожая взглядом случайный трассер и вспышки детонации. «Эй, он должен бодрствовать? Варпобашка, он должен бодрствовать, чтобы сделать свою трясобашковую вещь?»

Назрек возвращается и смотрит вниз на чудилу до того, как пожать плечами.

«Может быть.» Он поворачивает свою массивную голову ко мне на мгновение, а затем назад к другому орку. «Нужно снять защиту.»

«Какую защиту?» говорит Охебс.

«Блестящий металл останавливает зеленый,» говорит Назрек, срывая браслет с руки варпоголового. «Снять металл, большой бум.»

«Давай сделаем это, как только окажемся на корабле, ладно?» кричу я, когда Охебс наклоняется над орком, чтобы снять браслет. Я возвращаю свое внимание к остальным. «Потребуется даже больше времени, чтобы обойти вокруг, чтобы подойти к станции с севера, так что давайте найдем самое лучшее место, чтобы перелезть через стену на этой стороне, а затем пройдем к взлетной полосе. Помните, мы здесь, чтобы забраться туда, а затем на корабль, не застревать в перестрелке. Держимся низко, движемся быстро.»

«Здесь должны быть солдаты Астра Милитарум, защищающие станцию,» обращает внимание Аладия. «Они не будут видеть в нас союзников.»

Я натягиваю шарф на рот и нос, и вытираю пот с лица рукавом. Температура уже падает, но вся одежда мусорщиков, защищающая нас от стихий – теплая. Я смотрю на свой взвод.

«Когда я уничтожил Коританорум, там были сотни тысяч гражданских. Большинство из них не были предателями, их командиры просто оказались во власти вторжения

чужаков. Но мы не могли позволить этому распространиться. Если бы война была проиграна, если бы город продержался еще немного дольше, это заражение бы выбралось и распространилось по другим войскам, и, может быть, за планету. Так что, мы взорвали плазменные реакторы и испепелили пять миллионов человек.» Я поворачиваю свой взгляд к звездному порту. «Мы здесь, чтобы спасти Армагеддон. Уберем всех, кто встанет у нас на пути.»

Первая вещь, которая становится ясной, пока мы подбираемся ближе к Станции Кракен, это то, что битва не настолько простая, как я поначалу думал. Мы залегли, примерно, в ста пятидесяти метрах от скрученных останков колючей проволоки, которая служила охраной внешнего периметра, и я провожу оценку.

Я могу видеть знамена орков, поднятые над стеной поблизости от нас, но бронированные машины, поливающие огнем строение вокруг контрольной башни – это ублюдочные версии Имперских боевых машин – Пожиратели Миров. Вспышки лазганов показывают продолжающееся присутствие гарнизона Астра Милитарум, сосредоточенного на северо-западе с карманом на дальнем западе. Разделенные, это просто вопрос времени, когда их уничтожат. Хорошие новости в том, что орки пробили брешу порядочного размера в защитной стене, так что, если мы захотим последовать за ними внутрь, мы сможем избежать лазания.

«Кейдж!» Крик приходит от Сестры Аладии. «Мы не можем позволить порту перейти под власть наших врагов.»

«Сейчас больше забот,» говорю я, указывая на разлом, который пятнает ночное небо, как медленно расширяющийся цветок от взрыва. Я думаю, что могу видеть темные фигуры в его центре, но, может быть, это просто мое воображение и полное истощение, которые пытаются отключить мое тело. «Никто не будет беспокоиться о взлетной полосе, как только Пожиратели Миров добьются своего.»

Я почти хочу сказать ей пойти и присоединиться к защитникам, но ее полезно иметь рядом. Она, определенно, самый способный воин среди нас, даже без своего болтера и силовой брони. Ее боевое облачение просто делает ее почти неостановимой, если только мы напрямую не нарвемся на Предателей Астартес. С этой мыслью в голове, я веду взвод дальше и налево, направляясь к западной бреше, самой маленькой из трех.

Еще одна остановка и быстрый осмотр с помощью магнокуляров показывают, что орки, предсказуемо, пошли дальше во время своей первой атаки. Останки нескольких чужаков забивают расколотый камень, а горящие остовы полудюжины машин, как больших, так и маленьких, освещают утрамбованную землю вокруг комплекса. Здесь очень мало укрытий, которые могли бы не взорваться, и даже еще меньше теней.

«Мы пойдем внутрь, очистим стену, а затем просто следуйте за мной,» объявляю я, поднимаясь на последней дюне перед открытым пространством вокруг защитной стены. Пепел здесь укрепил рокрит. Он не совсем ровный, но он не смещается под ногами. Я провел так много времени, утомительно шагая по склонам из песка и камня, что неприятно снова бежать по непрощающей земле. Я едва не спотыкаюсь, а несколько мусорщиков выглядят так, как будто ковыляют, пока мы несемся сквозь мерцающий оранжевый свет от огня.

Брешь начинается в метре от земли, маленькая рампа, сделанная орками, поднимается к ней. Назрек останавливается, отбрасывая свой переделанный болтер и поднимая шутту с большим стволом из обломков, на ее ленте куски металла, похожие на маленькие танковый снаряды. Положив ее на одно плечо, орк забирается вслед за нами, сапогами топча останки своего вида, не обращая внимания на их смерть. Грот, как обезьяна, прыгает с упавшего камня к трупам, а затем к бреши с длинным, тонким клинком в зубах.

Перетаскивая себя через камни, покрытые внутренностями орков и человеческой кровью, я спрыгиваю во внутреннюю часть комплекса.

Я побывал в нескольких битвах, так что я знаю, что есть в этом какой-то образ, который вы можете узнать с первого взгляда. В этот раз, это просто анархия. Линии огня идут во все стороны, вспышки лазганов и болтов пересекаются с дульными вспышками шутт орков и зелеными лучами из оружия чужаков. Орочи ракеты с шумом несутся по спирали сквозь лучи прожекторов в то время, как тяжело вооруженный Стервятник на бреющем полете стреляет по дальней стене. Я рад, что мы не пошли тем путем.

Взрыв, который мы видели раньше, должно быть был от склада топлива. Цистерны с горящим прометиумом освещают западную половину комплекса, и вы можете

чувствовать жар от них с того места, где мы стоим, а это в нескольких сотнях метров от нас.

И, обдумывая все это, у меня тонущее ощущение, что не осталось никаких кораблей. Тяжело поверить, что не осталось ничего на земле, во что бы не попали снаряды, бомбы или перекрестный огонь.

«Там!»

Орска хватает меня за руку и указывает на поднятую взлетную площадку почти прямо перед нами, частично скрытую дымом, поднимающимся от горящего склада. Там расположен тупоносый десантный корабль, адепты в красных робах двигаются вокруг его шасси, другие фигуры появляются и исчезают в румянном свете, который струится из открытой ramпы по бокам обшивки, что-то загружая на борт. Он, явно, собирается улететь, и у нас нет много времени.

На всем пути до него открытое пространство. Восемь сотен метров или около того, вычисляю я, с вражеским огнем для компании. Пока остальные собираются вокруг меня, я ищу что-нибудь другое, другой шаттл, до которого легче добраться. Вместо этого я слежу за рухнувшими останками бомбардировщика Имперского Флота Мародер. Он выглядит выгоревшим, взорванным на середине взлетной площадки, конус носа и верхняя часть фюзеляжа почернели от огня.

«Сначала мы пойдем туда,» говорю я, указывая за останки пальцем. «Затем мы свернем налево к десантному кораблю.»

«Это дальше,» указывает Сестра Аладия.

«Да, но тот бардак,» я указываю на погребальный костер из металла и тел, который был смотровой башней где-то на востоке, «прикроет нас от огня. У нас будет только половина дистанции, которую нужно пересечь по открытому пространству.»

Я не в настроении для споров, и, как только Охебс и пара других спускают варпоголового с разрушенной стены, я срываюсь на бег, прямо к уничтоженному Мародеру. Я не оглядываюсь. Лучше верить, что они следуют за мной, потому что если это не так, я мог бы с таким же успехом уйти один.

Я улавливаю ободряющий стук шагов позади себя.

Через несколько секунд я слышу абсолютно лишашее мужества шипение болта.

Он поносится мимо моего уха, затем доносится хрип, когда он находит свою цель. Задержка в полсекунды, а затем влажную детонацию сопровождают крики и вопли. Я продолжаю бежать, не доверяя ничему, кроме скорости, пока пытаюсь увидеть, откуда пришел выстрел.

Нет ничего в лужах мерцающего света. Может быть, случайный промах?

«В кого попало?» кричу я, молча молясь, чтобы это не был Охебс или варпоголовый.
«В кого попало?»

«Страсна,» кричит в ответ Орскя, тяжело дыша. «Мы оставить его.»

Булавочный укол света привлекает мои глаза к участку стены, которая разделяет главную взлетно-посадочную полосу и дорогу позади нее, примерно, в трехстах метрах. Мгновением позже он превращается в еще один болт, пролетающий в нескольких метрах справа от меня, принося такой же глухой удар и крик, как и раньше. Я слышу стук потерянного оружия и чьи-то проклятия.

Лазерный заряд несется в ответ, далеко от цели на таком расстоянии.

«Продолжаем двигаться!» кричу я, тяжело вдыхая в легкие, которые кажутся более сжатыми, чем орехи техножреца. «К Мародеру!»

Что-то большое перепрыгивает через стену. Бронированное и быстрое.

Предатель Астартес. Пожиратель Миров.

Всего лишь, один, но это не утешает. Он стреляет из чертового болт-пистолета, сбивая нас с двухсот пятидесяти метров, даже когда начинает бежать к нам. Цепной топор с рычанием оживает в другой руке.

«Ты бежать, мы остановиться,» выкрикивает Орскя.

Я должен бы, вероятно, поспорить. Но не делаю этого. Я просто продолжаю бежать, когда пули начинают нестись вдоль взлетно-посадочной полосы в наступающего Космического Десантника. Осколки керамики отлетают от его брони, но он

продолжает приближаться, еще один болт со вспышкой вылетает из дула его пистолета, чтобы снять кого-то позади меня в смертельной детонации.

Курс Пожирателя Миров изменяется, неся его в направлении группы, которая остановилась, чтобы открыть огонь. По крайней мере, эта часть плана сработала.

В двухстах метрах от останков Мародера я, в конце концов, рискую бросить назад взгляд. У Назрека на плече веревка и он тащит сани вместе с горсткой остальных, включая Охебса. Еще полдюжины следуют за ними, бросая панические взгляды на приближающегося Космического Десантника. Позади них, Орская и оставшиеся установили импровизированную огневую линию, стреляя в приближающегося Космического Десантника. Аладия с ними, с болтером наготове. На отметке в сотню метров, она открывает огонь, ее первый выстрел отскакивает от наплечника, утыканного пиками и ужасными трофеями. Космический Десантник покрывает еще десять метров до того, как она снова стреляет, на этот раз ее снаряд попадает предателю прямо в центр груди.

Он спотыкается, падая на одно колено, и бессловесный крик надежды вырывается из моей глотки.

Болт-пистолет рывкает свой ответ, болт мчится к Аладии. Мой крик стихает, когда болт попадает в боковую часть ее шлема, взрываясь на посеребренной броне. Аладия падает на бок, ее палец нажимает спусковой крючок, болт из патронника бесполезно улетает в небо.

«Кейдж, идем,» задыхаясь, произносит Охебс, когда приближается.

Я последний раз смотрю на другую группу. Еретик снова бежит, уже в пятидесяти метрах, слышится рык цепного топора, болт-пистолет сверкает, чтобы оторвать голову мусорщику.

Реально тупая часть меня хочет вернуться. Как будто, я могу помочь... Умная часть моего мозга берет верх, и я бегу за санями, засовывая свой пистолет за пояс, чтобы таким образом я мог наклониться и толкать обеими руками.

Металлический рев разрывает ночь позади нас.

«Кровь Кровавому Богу!»

Даже на таком расстоянии я могу слышать цепной топор, раскручивающийся на полную скорость. Возможно, это мое воображение, которое заполняет следующий фрагмент, рвущуюся плоть и треск костей.

Затем что-то, похожее на вспышку молнии, заставляет меня споткнуться, отпуская сани, когда я останавливаюсь и поворачиваюсь.

Я вижу, что трое мусорщиков мертвы, один из них сокрушен под ногой воина-берсерка. Орскя замахивается своей аркебузой, как дубиной, тяжелый приклад врежется в лицо Космического Десантника, ломаясь от удара. Когда чудовищный воин отводит назад цепной топор, Аладия прыгает сквозь давку тел с блестящим синим мечом в руке. Кончик клинка уходит вверх, аккуратно отрезая кисть Космическому Десантнику. Все еще держа цепной топор, рука отлетает, падая по спирали позади Пожирателя Миров. Разъяренный, Космический Десантник опускает свою культю, врезая ее в лицо Орскя. Ее голова откидывается назад, шея, очевидно, сломана, сила удара складывает ее пополам. Я чувствую удар в своих внутренностях, внезапную боль при виде смерти дюнной провидицы.

Аладия вонзает свой силовой меч, держа его обеими руками, в щель между шлемом и пластроном, пронзая горло и позвоночник. Поворачиваясь, она вырывает меч, делая резкий удар по голове.

Мне не нужно видеть остальное. Я поворачиваюсь и бегу за остальными, покрывая последнюю сотню метров до уничтоженного самолета все более тяжелыми шагами. Достигнув до убежища разломившегося фюзеляжа, я нахожу Назрека на другой стороне, пристально смотрящего из дыры в стене отсека, остальные объединяют свои усилия, чтобы протащить варпоголового сквозь путаницу из проводов и перекрученного металла.

«Плохо, босс,» говорит орк. «Плохо.»

Я могу видеть еще Космических Десантников, направляющихся к нам от отдаленной стены. Пятеро, по меньшей мере, их кроваво-красная броня сияет в свете огня.

«Если мы побежим сейчас, мы сможем добраться до десантного корабля,» говорит Охебс.

«А если не сможем, то нас убьют на открытой местности,» отвечаю я. Взгляд через плечо показывает приближение мусорщиков и Сестры Аладии. Если мы уйдем сейчас, значит без них. «Мы не можем рисковать. Нам нужно держаться здесь, перегруппироваться, а затем побежать.»

И это было большой ошибкой.

Громада Мародера защищает нас от прямых попаданий, что хорошо, потому что интерьер наполнен осколками от взрывающегося металла и фрагментами от взрывов болтов. Если на то пошло, занятие укрытия в разбитом самолете облегчило задачу Пожирателям Миров, которым, всего лишь, надо попадать рядом с нами, чтобы посылать ливни смертельной шрапнели, косящие людей, забившихся внутрь фюзеляжа.

Пол уже омыт кровью, и я не могу ничего услышать из-за звона металла и криков раненых. Как будто мой мир сжался до металлического цилиндра около пяти метров в длину и трех в ширину, наполненного смертью и болью.

Обстрел безжалостный, не дающий ни доли секунды, чтобы бросить взгляд за изогнутые балки и сломанный металл. Прошло, должно быть, десять секунд, какое расстояние они смогли покрыть? Сто пятьдесят метров? Больше?

Аладия стоит спиной к одному из усиленных ребер жесткости, которые опоясывают главный бомбовый отсек Мародера, с болтером в руке, пока маленькие детонации прорываются сквозь поверхность снаружи. Боковая сторона ее татуированного лица покрыта кровью, кусочки металла застряли в коже, но она, совершенно, не обращает на это никакого внимания.

Дюжина и больше фигур, корчащихся на полу с разорванными лицами, перерезанными артериями и вываливающимися кишками, не настолько спокойны.

Если бы кто-нибудь спросил меня, когда я вступил в Имперскую Гвардию, что было бы самым худшим, что я могу увидеть, я бы ничего не смог бы себе представить даже наполовину настолько плохого, как эта бойня.

А это только прелюдия к настоящей резне, когда те еретики прорвутся сквозь стены и разорвут нас на куски своими цепными топорами. И нет ни одной чертовой вещи,

чтобы что-то поделаться с этим. Любой вид контррогня невозможен. В тот же момент, как кто-нибудь пытается подняться, или высунуться из укрытия, еще одна детонация посылает раскаленные докрасна металлические осколки в него.

Фрагово беспомощны.

Я никогда не думал, что погибну, не сражаясь каким-нибудь способом, но это именно такая ситуация. Если я попытаюсь сражаться, то умру даже быстрее.

Я могу только смотреть на остальных уголком глаза. Я могу видеть Назрека, припавшего к полу, Грот укрывается в тени орка. Я ловлю испуганные взгляды от некоторых из остальных, но я не могу видеть Охебса или варпоголового.

Почему я вообще думаю о них? Никто не выберется отсюда живым. Миссия – полный провал.

Что раздражает больше всего, так это представлять, что сказал бы Полковник. Никакого самодовольства, просто эта святее-и-лучше-чем-ты праведность, которую он приносит с собой. И, так же, есть тайное подозрение, что он был абсолютно прав насчет меня. Это мой фрагов беспорядок. Я думаю, что лучше высуну свою голову из фюзеляжа, чем скажу это ему.

А затем, в конце концов, я осознаю, что дело во мне. Потому что, если Сестры и Саламандры смогут остановить Пожирателей Миров, тогда не важно, что происходит здесь. Мой полный провал становится неуместным. Я буду освобожден от своей полной неадекватности.

Но нет никакого способа выяснить это, так что я собираюсь умереть со знанием того, что выбросил единственный шанс, который у нас был, чтобы спасти Армагеддон.

Я настолько закутался в эти мысли и молитвы, что мне потребовалась секунда, чтобы заметить изменение в шуме боя. Более глубокий гром среди стрелкового оружия и случайные резкие звуки тяжелого оружия.

И отсутствие взрывающейся смерти в непосредственной близости от меня.

Сестра Аладия перемещает свой болтер за подпорку, целится наружу, но не открывает огонь.

Больше никто не осмеливается двигаться.

Сквозь разорванную крышу я вижу синий огонь от плазменных двигателей и слышу шум, который приносит недавние воспоминания.

Громовой Ястреб.

«Разве мы уже не делали это?» говорю я, разворачиваясь из своей позы зародыша, смотря наверх, чтобы увидеть боевой корабль Саламандр, опускающийся неподалеку, орудия на крыльях стреляют вдаль.

Остальные встают и начинают ликовать, высыпая из остова, чтобы кричать и махать приземляющемуся кораблю.

«Нет времени праздновать,» резко бросаю им я, перебираясь через трупы, забившие нижнюю часть корпуса самолета, проверяя лица.

«Охебс?»

«Здесь, Кейдж,» отвечает он, выбираясь из-под двух тел, которые представляют собой скорее кровь и хрящи, чем людей. Его левая рука – это месиво из порезов, кости показываются на локте и предплечье. «Все еще, здесь.»

Варпоголовый рядом с ним, закопанный под еще большим количеством трупов. Мы собираем несколько трудоспособных, чтобы оттащить их и высвободить орка, который начинает шевелиться во сне, обнажая свои зубы и ворча.

Громовой Ястреб приземляется среди кружащейся пыли и ярких огней, передняя штурмовая рампа с воем открывается. Спускается отряд бронированных воинов, затмевая еще одного из их контингента.

У меня замедленная реакция при виде Полковника в официальном мундире, на его голове снова офицерская фуражка. Под ними все еще изорванные одежды мусорщиков, но, при первом взгляде, ты думаешь, что он только что сошел с плаца.

«Фраг меня,» произношу я.

Я насчитываю десять Космических Десантников, которые расходятся веером вокруг нас, стреляя в отдаленные цели на стенах, как в орков, так и в еретиков.

«Лейтенант Кейдж, доклад,» рывкает Шеффер, останавливаясь в нескольких метрах от меня.

Обучение и инстинкт берут контроль на секунду, и я становлюсь по стойке смирно, рука наполовину поднимается, чтобы отдать честь перед тем, как упасть сбоку.

«Тяжелые потери, цель еще не достигнута,» бормочу я, внезапно ощущая себя так, как будто меня притащили и поставили перед одним из моей старой семьи за какой-то проступок. Отчасти мой природный темперамент проявляется снова. «Какого флага вы здесь делаете?»

«Спасаю Армагеддон,» отвечает Полковник. «В отличие от тебя.»

Он проводит по нам этим ледяным взглядом, сжав челюсти, сжимая руки в кулаки.

«За мной, все вы, кто еще может ходить,» кричит он, поворачиваясь на пятках. Я догоняю его несколькими поспешными шагами, все еще не уверенный, что я не умер в этих обломках, и что это не вид какой-то ненормальной, но краткосрочной жизни после смерти.

«Как...?» Я осматриваюсь и вижу Космических Десантников, идущих с нами, все еще стреляющих. «Вы привели нескольких друзей.»

«Твоя самая большая проблема, Кейдж, в том, что ты даже близко не настолько умный, как ты думаешь,» говорит мне Полковник, быстро шагая по разбитой взлетно-посадочной полосе, направляясь прямо к луже огня вокруг передней части десантного корабля. Его голос повышается над шумом болтеров и глухим гулом силовой брони, но он доносит слова с той же самой холодной точностью, как и всегда. «Мои миссии – не обычные подульевые потасовки, выполненные благодаря мужеству и сообразительности. Они – военные операции, объем которых, кажется, ты никогда не понимал. Ты, в самом деле, думаешь, что преуспел бы, просто несясь вперед без планирования, надеясь, что Император, каким-то образом, сделает все правильно ради тебя?»

«Я бы не сказал--» протестую я, но Полковник не заинтересован в моем взносе в разговор.

«Подумай о каждой миссии, в которой мы когда-либо сражались вместе, Кейдж, и скажи мне, что ты не осознавал, какими огромными предприятиями они были? Звездные корабли, транспорты, оружие. Информация о враге, прикрывающие бомбардировки, орбитальные удары, техножрецы и сброс припасов. Это все произошло просто так?»

Мы, всего лишь, в паре сотнях метров от ступеней, ведущих к взлетной площадке. Случайные выстрелы проносятся мимо или воют над нами, основная часть направлена на Саламандр или боевой корабль, который поднялся, чтобы занять позицию над головой.

«Разве нам не нужно подготовиться к бою?» говорю я, отмечая, что у Полковника даже нет пистолета в руке. «Просто на тот случай, если они не захотят нам отдать свой десантный корабль, верно?»

Взгляд, который Полковник бросает на меня, более ядовитый, чем укус гадюки.

«Тебе не приходило в голову, что заправка топливом и вооружение десантного корабля посреди продолжающегося боя было странной вещью?»

«Я предполагал, что они, может быть, эвакуируют офицеров, или что-то такое. Это не казалось важным.»

«А ты когда-нибудь думал насчет того, чтобы принести вокс, который мы достали, чтобы связаться со Станцией Кракен?»

«Ну, я полагаю, теперь--»

Тяжелые орудия на западной стене открывают огонь, посылая ракеты и снаряды над нашими головами в путаницу руин в центре комплекса. Я следую за их падением несколько секунд, и вижу тела орков, захваченных взрывами.

«И у тебя есть кто-нибудь, кто сможет пилотировать корабль на орбиту ради тебя?» продолжает Полковник, смотря строго вперед.

«Я не зашел так далеко--»

«Я верю, что ты проводил оперативную оценку своей команды, чтобы определить важные специализации и потенциально жизненно важные для миссии профили.»

«Как именно--»

«Ты был бы посмешищем, а не командиром, Кейдж, но те трупы, которые ты оставил позади, совсем не смешные.» Его гнев – это то, что стоит засвидетельствовать. Ни криков, ни театральности. Только чистый, сфокусированный гнев, и он весь направлен на меня. Я увядаю под его презрением, как лес, который накрыло антирастительными снарядами. «Ты не услышал ничего из того, что я сказал тебе в монастыре. Ты не можешь победить, если ты беспокоишься о том, чтобы спасти жизни, свою или кого-нибудь еще. Ты будешь жить, если только преуспеешь, все остальные пути ведут к смерти. Твоей и всех остальных.»

Все мои извинения уничтожены силой его слов, но он еще не закончил.

«С того самого момента, как ты снова увидел меня, все, что у тебя было в мыслях, так это быть главным.»

«Кто бы говорил! Вы пытались воспользоваться каждым шансом, который был.»

«Теперь ты знаешь, почему. Ты не готов проводить такой тип миссии. Ты способен на проникательность, практическую импровизацию и обладаешь сверхъестественным чутьем на выживание.» Мы подходим к подножию металлической лестницы, ведущей вверх к площадке десантного корабля. Он останавливается и смотрит на меня, качая головой. «Чем ты не являешься, Кейдж, так это полковником Имперской Гвардии Бога-Императора, и всем, что с этим связано.»

Я должен стоять здесь и принимать это, потому что он пробивает мою защиту и вонзает каждый выстрел. Я поднялся до своего естественного уровня в Ахероне, своего рода военачальника, но это предел моих способностей, в качестве подульевича. Если бы я остался на Олимпии, может быть, я бы превратился в то же самое. Но в тот момент, как я вступил в Имперскую Гвардию, мне было не суждено попасть в офицерский состав и быстро подняться по званиям... Клянусь Императором, мое звание лейтенанта – прежнее звание – было, по существу, административным, потому что я, в какой-то момент времени, командовал взводом.

«Еще одна вещь, Кейдж,» говорит он, его слова проходят сквозь туман страдания. Я смотрю на него как раз вовремя, чтобы увидеть замах кулака.

Он прикладывается идеально между носом и щекой, откидывая мою голову назад, чтобы опрокинуть меня на пол. Я слишком поздно поднимаю руки, чтобы защитить себя, когда он нависает надо мной.

«Если ты еще когда-нибудь ударишь меня, я тебя пристрелю.»

Он стоит, ожидая моего отклика. Я киваю, чувствуя, как кровь течет вниз из моей верхней губы. Это, на самом деле, ерунда, но из всех ран, которые я получил за эти последние несколько дней, эта ранит больше всего. Я снова киваю, полностью подчиняясь его воле.

«Я рад, что мы пришли к этому согласию,» говорит он, и предлагает руку, чтобы помочь мне подняться на ноги. Я принимаю ее и с ворчанием поднимаюсь.

«У меня есть для тебя два слова,» говорит он, отходя, смотря вверх на посадочную площадку, а затем назад на меня. «Ты готов?»

Я встаю по стойке смирно, в этот раз мое отдание чести такое же резкое, как цепной топор.

«Да, Полковник,» отвечаю я.

«Тогда, идем со мной, Лейтенант Кейдж.»

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

ОГРАНИЧЕННЫЕ ПУСТОТОЙ

Перед тем, как мы поднимаемся на десантный корабль, бронированный воин отходит от остальных. Я узнаю Библиария Афахиву с посохом в одной руке и болт-пистолетом в другой. Он останавливается рядом с варпоголовым, который начинает шевелиться даже еще больше, ворча в последних муках сна.

Космический Десантник протягивает руку, золотой нимб играет между кончиками его пальцев. Губы орка дрожат, обнажая острые зубы, стон вырывается из глубины его груди. Афахива отшатывается, как будто пораженный.

«Сильный,» говорит он, убирая руку. Он смотрит на меня, а затем на Полковника. «Это ваша психическая бомба?»

«Да,» говорю я. «Я видел, как эти варпоголовые реагируют на варпорожденных, и Назрек согласен. Обнажение его разлому должно дать нам психический взрыв.» Я смотрю на варпоголового, на Полковника, а затем на Библиария. «У меня вопрос.»

«Задавай его,» говорит Афахива.

«Почему мы не используем Громовой Ястреб?» Я выбрасываю большой палец над плечом туда, где боевой корабль Саламандр кружит вокруг порта, пушка и тяжелые болтеры пробивают борозды в атакующих. «Я полагаю, что это быстрый и безопасный путь на орбиту.»

Космический Десантник смеется, глубокому рокоту придается нервирующая резкость от механической системы обращения его брони.

«Огнем Вулкана, это было бы безумием!» отвечает Библиарий. «Ваш план почти определенно обречен на провал, Лейтенант Кейдж. Вы все погибнете, либо попав в разлом, либо когда орк-псайкер взорвется. Даже если вы зайдете так далеко, я думаю, что есть только маленькая вероятность того, что, как вы надеетесь, осуществится. Нет, Лейтенант Кейдж, Саламандры не будут сопровождать вас в этом

путешествии в одну сторону. С вашей стороны это смело, вероятно, даже глупо, но мы продолжим преследовать Пожирателей Миров здесь, на поверхности.»

«Ладно,» говорю я. Я замечаю Старшую Сестру Аладию поблизости и поворачиваюсь, чтобы поговорить с ней. «Я полагаю, что вы тоже покинете нас. Космические Десантники могут, вероятно, помочь вам вернуться к вашей роте, или в одну из других из вашего ордена.»

Она проходит мимо нескольких последних ульевиков и мусорщиков, живая статуя из серебра, испорченная брызгами крови и грязью. Ее глаза движутся от Назрека к остальным, затем к Полковнику, Афахиве и, в итоге, ко мне.

«Полковник Шеффер прав, ты не командир,» говорит она. Я склоняю голову, собираюсь отвернуться, но она продолжает. «Но я смотрю на этих людей, и я могу видеть что-то, из-за чего они тут. Ты не командир, Сгоревший но ты – лидер. Я вижу, как ты сражаешься, не только своим оружием, но своей душой. Я вижу хорошую, полную решимости войну с эгоизмом. Некоторые могут сказать, что это делает тебя нечистым, недостойным любви и защиты Императора.»

Она повышает свой голос, когда круговой облет Громого Ястреба приносит его ближе, орудия грохочут и рывкают.

«Я верю, что мы рождены неидеальными, и что мы должны прилагать все усилия, чтобы доказать себя перед Богом-Императором каждый день, который Он дарует нам. Ты пал так низко, но ты вернул себя, и своим путешествием из пламени ты воспроизвел эту борьбу. Благороднейшие из моего Сестринства были повышены до святых, и горстка стали живыми святыми, поддерживаемыми Волей Императора, чтобы продолжать сражаться после милости смерти. Дениумениалис верил, что ты вел благословенное существование, и отдал свою жизнь за эту веру. Мученик. Возможно, он был прав. Возможно, святой из Астра Милитарум не идеал. Возможно, они бойцы, лидеры, те, кто бросает вызов врагам Империи не с набожностью, чистотой и праведностью, но с более глубокой, более кровавой верой.»

Она идет вперед, и я могу ощущать слезы у себя на глазах. Нечто, что я раньше никогда не чувствовал, шевелится внутри, когда эта Боевая Сестра, божественная

рука Бога-Императора, становится на колени на разбитом феррокрите и протягивает свой меч.

«Смерть Дениумениалиса напомнила мне о простой правде, дарованной нам Святой Саббат.» Она склоняет голову, стук ее оружия о землю у моих ног громче, чем грохот самого могучего настенного орудия. «Нет никаких чудес. Есть только люди.»

Ошеломленный, я стою несколько секунд, пораженный этим грациозным и могущественным существом, стоящим на коленях передо мной. Все восхваления Сгоревшего всплывают в моем мозгу, звенят в моих ушах. Я снова вижу Старого Проповедника, становящегося перед пулей. Воля Бога-Императора проявилась через действия человека.

«Подними свой меч, Сестра,» говорю я ей. «Я не могу заявлять, что я святой, и с данного момента – это команда Полковника. Но, я бы принял твою компанию, как знак того, что Император, все еще, присматривает за этой толпой бедных ублюдков.»

Улыбка раскалывает ее маску искренности, когда она поднимает свой меч, первый признак женщины внутри Боевой Сестры.

Десантный корабль сидит на взлетной площадке среди толпы техножрецов в красных робах и аугментированных сервиторов, воздух густой от запаха Марсианских масел и человеческого пота. В ослепительном свете, я могу разглядеть на корпусе кусок пластали, примерно, три на два метра. Он выделяется, потому что остальной корабль бледно-серый, с выжженными коричневыми и черными местами от повторного входа в атмосферу, в то время, как кусок, явно, новый, почти отполированный.

«Что это?» говорю я, указывая.

«Большинство действующих орбитальных кораблей были эвакуированы вместе с экипажами,» говорит женщина позади меня. Я поворачиваюсь, чтобы обнаружить, что смотрю на низкого пилота с темными волосами – так кажется по летному костюму и шлему под ее рукой. «Эта птичка моя, *Эйтучия*. Она была на ремонте три недели, но только звонок от вашего Полковника заставил вещи двигаться.»

«Значит, они только что починили ее?» говорю я. «Типа, *в спешке?*»

«С ней все будет в порядке.»

«Вы, должно быть, Коммандер Нери,» говорит Полковник, проталкиваясь мимо меня. «Вы готовы к взлету?»

«Ждем вас, Полковник Шеффер. Я закончу предполетные проверки.»

«Вы знаете, куда мы собираемся, верно?» говорю я, размышляя, насколько она будет предана миссии. Уже не в первый раз Полковник выдергивает какого-нибудь бедного пилота или водителя.

«Прямо в ту большую сияющую жопу, я слышала,» говорит Нери, закрывая один глаз и изображая пальцем выстрел из пистолета в небо.

«И у вас все в порядке с этим?»

«Ваш Полковник сказал мне, что мы собираемся спасти планету. Не так ли, Полковник?»

«Это – цель.»

«Тогда, давайте не зависать здесь, время отправляться,» говорит она перед тем, как исчезнуть в открытой рампе в корпусе.

Мы готовимся отправиться. Для каждого есть новый лазган – Назрек тихо смеется и не отдает свою массивную переделанную шутту – плюс несколько упаковок с пайками и запечатанные банки. Сухие плитки из синтетического зерна, залитые тепловатой, металлической водой никогда не были настолько хорошими на вкус. Пока мы жадно поглощаем эти дары, двигатели с воем оживают, изредка запинаясь, пока прогреваются. Громкоговоритель над нами в проходе пронзительно оживает.

«Жопы в сидения, все. Мы отправляемся через пять минут.»

Я поднимаю взгляд на Полковника.

«Она кажется... стабильной,» говорю ему я.

«Она – высоко награжденный пилот.» Он бросает взгляд наверх, на кабину экипажа в нескольких метрах выше нас на носу десантного корабля. «Она какое-то время была на земле, вот и все. Жаждет.»

«Ага, жаждет. Совсем не сумасшедшая.» Я поворачиваюсь к остальным и хлопаю руками, чтобы заставить их пошевеливаться. Что такое с этими людьми из Имперского Флота? «Все на борт! Берите побольше силовых ячеек. У меня ощущение, что у нас будет еще один бой.»

От пилота мы только что получили предупреждение, что мы вошли в пустоту. Между нами и жестким смертельным вакуумом ничего, кроме нескольких сантиметров пластами.

Ульевики и мусорщики никогда не были вне мира, и среди них вспышка ужаса и волнения. Некоторые пристально смотрят из узких окон на звездное пространство, некоторые на другой стороне отсека смеются, пока смотрят на уменьшающийся вид Армагеддона. Когда я покинул Олимпию – это было с облегчением. Имперская Гвардия обещала нечто большее, чем мерзкое существование в подулье. Для этих людей все намного отличается. Осознают ли они это или нет, это короткое путешествие в один конец.

Снова опускается тишина, когда новизна проходит, некоторые из них осознают, что они теперь в реальном космосе, больше обращая свои мысли к тому, что ждет впереди.

Через еще пару минут, я чувствую зуд в своей крови, не похожий ни на что, что я испытывал раньше. У меня такое ощущение, что мне нужно почесать внутреннюю сторону своих вен.

Редкие бормотания прерывают немое напряжение. Молитвы от некоторых, богохульства от других. Назрек испускает обескураженный стон, стуча рукой сбоку головы, как будто пытаюсь выбить засор.

«Это эффект варпа,» громко говорю я, пытаюсь заставить звучать это прозаично. «Мы подбираемся ближе к разлому. Присматривайте друг за другом.»

Мое предупреждение встречено озадаченными взглядами, напоминающими мне, что никто из них раньше не испытывал ничего похожего на путешествие в варпе.

«Варп, он проникает в ваши мысли. Может быть, вы начнете слышать вещи, или видеть вещи, которые не кажутся правильными. Но это будет нормально. Если вы видите, что кто-нибудь дергается, убедитесь, что с ним все нормально.»

«Чем ближе мы будем к нашей цели, тем более явными станут эти ощущения,» добавляет Полковник. «Есть утонченные способы, которыми варпорожденные могут влиять на ваши мысли. Если вы видите что-нибудь подозрительное, не мешкайте действовать. Помните, что миссия и ваши жизни зависят от поддержания этого корабля свободным от порчи. Любые сомнения должны стать известными мне.»

Это заявление выбивает их из колеи до тех пор, пока Сестра Аладия не начинает молиться, ее слова произносятся с верой, которая отталкивает страхи. Хотя, большая часть молитвы на Высоком Готике, мы все становимся окутанными ее набожностью, ощущая силу ее праведности, подобно теплу, исходящему от ее брони.

Через несколько минут встревоженный крик от одного из мусорщиков привлекает внимание каждого. Это Тормас, который вертится в своих ремнях безопасности, пытаясь расстегнуть пряжку трясущимися руками.

«Горящий, горящий,» бормочет он, поднимая руку, чтобы защититься от чего-то, что только он может видеть. Он продолжает на диалекте мусорщиков, только одно слово из пяти понятно, и даже в этом случае едва. Его попытки выбраться из своего сидения становятся более отчаянными, несмотря на попытки тех, кто вокруг него, успокоить его. Он бросается на них, смотря в их лица, как будто всматривается в ночной комшар, вздрагивая от их обнадеживающих рук.

Тут и там остальные начинают стонать и шептать, говоря о туманах и молниях и глазах, которые не прекращают пристально смотреть. Некоторые стряхивают это, трясясь, но оставаясь в здравом уме. Другие сидят с остекленевшими взглядами, сидя тихо, как статуи, глубже погружаясь в варповые сны. Изредка панический крик вырывается в растущей тревоге.

Я обмениваюсь молчаливым взглядом с Полковником. У летательного аппарата, настолько маленького, как этот, нет поля Геллера, но я думаю, что это не будет проблемой, пока мы, на самом деле, не окажемся внутри разлома варпа. Я предполагаю, что вытекают карманы нереальности. Я могу ощущать их, как

внезапную паранойю, просачивающуюся сквозь меня, или отдаленный гром барабанов, который только я могу слышать. Время от времени, я ловлю себя на том, что чешу тыльные стороны своих рук, почти раздирая их до крови своими сломанными ногтями.

«Время до цели, примерно, пять минут,» информирует Нери по интервоксу.

Полковник поворачивается на своем сидении и нажимает кнопку на панели вокса между нами.

«Так пять минут или нет?» ворчит он.

«Мы летим в большом волнистом разломе в ткани времени и пространства, Полковник, но не стесняйтесь выйти отсюда и измерить.» Связь шипит статикой, вероятно скрывая проклятия пилота. *«Около пяти минут.»*

Пульсация в затылке вернулась, сильнее, чем я когда-либо ощущал это на Армагеддоне, похожая на взрыв, совмещенный с металлическим дребезжанием.

Я проверяю Охебса, в задней части отсека рядом с варпоголовым, который был привязан к медицинским носилкам, и сейчас располагается между двумя рядами сидений.

Он чувствует мой взгляд и поднимает свой, напряжение написано на его чертах. Орк содрогается, пальцы медленно двигаются. Время от времени дымок зеленых испарений вырывается из его носа, пока он дышит.

«Недолго,» говорит Охебс. «Это будет сложно.»

«Мы переместим его в воздушный шлюз,» говорю я, ударяя по застёжке своих ремней безопасности, чтобы подняться. Предупредительный свет оживает над моим местом, сопровождаемый повторяющимся динь-динь-динь тревоги. За удар сердца звук звенит громче, красный свет становится размытым ярким пятном перед моим взором. Я трясую головой, и момент проходит.

«Кейдж?» Полковник поднимает взгляд на меня, нахмурившись.

«У нас сейчас будет компания,» умудряюсь сказать я до того, как волна тошноты ударяет по мне, отправляя мне на твердую палубу.

Пол ощущается, как мокрый песок, под моими пальцами, хотя, когда я фокусируюсь, он снова становится покрытой ямками пласталью. Хотя, воздух горячий, я могу чувствовать пот, выделяющийся из моей кожи в ответ, как будто было открыта дверь печи.

Крик из передней части отсека пусто звенит в моих ушах, и еще больше головокружения проходит сквозь меня, когда я пытаюсь повернуть свою голову, чтобы увидеть, что происходит.

Полковник встает, это выглядит невероятно медленно, рот открыт невозможно широко, когда он кричит. Звуки доходят до меня, как бессвязный стон, наполненный тревогой. Расширяя глаза, он двигает руку к кобуре на своем поясе. Поворачивая шею, я смотрю вверх, чтобы увидеть, как что-то падает сквозь крышу, собираясь из облака искр, танцующих на плоском сером фюзеляже.

Я закрываю глаза, чтобы обрести некоторое равновесие, пытаюсь разрушить галлюцинации лица, злобно смотрящего на нас сверху. Это, каким-то образом, делает еще хуже, случайные звуки становятся голосами, монотонно бормочущими в моих ушах. Я не могу понять слов, но они говорят мне о крови и смерти, обрамленные треском больших орудий и воплями резни. Мотая головой, я встаю, чувствуя себя так, как будто я в центре бушующей битвы. Бронированная фигура, больше похожая на зверя, чем на человека, маячит передо мной, грива окровавленных волос распространяется от его черепа под шлемом с гребнем.

Повсюду вокруг тысячи воинов, некоторые Предатели Астартес, другие - дикие создания из когтей и рогов, некоторые из них, явно, люди или мутанты, одетые в кроваво-красное тряпье, черепа и отвратительные руны врезаны в плоть или намалеваны на дисках и знаменах. Изображение Сгоревшего приходит на ум, и я чувствую тошноту от мысли, что могло, на самом деле, вдохновить на создание таких знаков.

Я вижу дюжину ужасающих гигантов, призванных варпом, крылатых призраков из чистого гнева, похожих на чудовище, которое появилось в подулье. Некоторые несут топоры и хлысты, у других мечи и булавы, каждое оружие струится черными огнями ненависти.

С ними стоит тот, кто отличается. Одетый в броню, которая напоминает мне Предателя Астартес, он скорее монстр, чем человек, чудовище с красной кожей и красными волосами. Его броня покрыта гротескными пиками, его лицо с рогами и клыкастой маской бесконечной ярости. В его руке цепной топор, рожденный ночными кошмарами, его голова больше человеческой, его зубы выкованы из зубов драконов на основе из кости призванных варпом.

Демоны.

Настоящее название снова возвращается ко мне, и я осознаю, что я смотрю не во что-то реальное, но в другую сторону портала. Это не изображение безумия, но видение того, что ожидает Армагеддон, если мы потерпим неудачу.

В моем туманном сне гончая с красным телом рептилии и бронзовыми зубами прыгает на меня.

Звук лазгана пробивается сквозь все, и я чувствую горячую вспышку разряда сбоку своего лица.

Я открываю глаза, осознавая, что я тот, что открыл огонь.

И гончая с нами, внутри десантного корабля.

Ее плечи настолько же высокие, как мои, хвост хлещет, кожаный гребень изгибается, когда она откидывает назад голову и испускает вопль, который сотрясает палубу.

Некоторые из моих компаньонов тоже открывают огонь, но не только по кровавому монстру. Вокруг нас появляются другие твари – кровавые воины с черными мечами и крылатый варпорожденный, сотворенный из огня и тьмы. Вспышки лазерного огня оставляют слепые пятна на моем зрении, шум от оружия присоединяется к испуганным крикам и воплям от тех, кто попал в ловушку с демонами.

Зазубренный нематериальный клинок прорезается сквозь ткань и плоть, разрезая одного из мусорщиков передо мной. Я стреляю из своего лазгана в грудь варпорожденному, пока его язык мечется, чтобы поймать капли крови, хлещущие из раны. Появляется еще одна адская гончая, пробиваясь через сидения в центре отсека, проявляя свою тушу из ничего, как будто появляясь из скрытого логова.

«Позади меня!» Крик Охебса прорывается сквозь шум.

Взгляд в его сторону показывает, что демоны полностью игнорируют его, воздух на несколько метров от него свободен от красных миазмов, которые сгущаются вокруг нас. На другой стороне отсека Сестра Аладия. Я клянусь, что каждый болт из ее оружия оставляет дрожащую золотую дорожку, когда они одинаково проходят сквозь нереальных зверей и воинов. Назрек стреляет из своего нелепого оружия, взрывающиеся снаряды разрывают на куски трех варпорожденных так же, как и одного из наших, который был в хватке врага. Куски демонической плоти расплескиваются по стене и потолку. Другим не настолько везет, ошеломленным свирепостью и внезапностью нападения.

Я вспоминаю слова Полковника. Мы не можем спасти жизни. Миссия – это все.

Он уже прошел мимо меня, монотонно стреляя из своего пистолета в кровавых демонов, присевших над трупом ульевича.

Интервокс с воем оживает, но это не голос пилота. Отвратительный смех и оцепеняющий мозг скрежет заполняют воздух, достаточно громкие, чтобы оглушить. Я с трудом иду за Шеффером, отказываясь от инстинкта сражаться, направляясь к маленькому пятну убежища вокруг Охебса.

Пока я иду, спотыкаясь, я мельком смотрю на чудилу. Два красных глаза смотрят на меня с чистой животной злобой.

Охебс осознает, что происходит, примерно в тот же момент, как и я. Он прыгает к варпоголовому, когда мускулистая зеленая рука, окутанная потрескивающей энергией, вырывается из ремней. Отростки психической силы умирают, когда Охебс хватается тварь за руку. Чудила кричит, воплем разочарования, и пытается отбросить Охебса.

Полковник и я добираемся до орка вместе, бросаясь на него, за мгновение до того, как Охебс теряет хватку и падает.

Мгновение я смотрю в его красные глаза, зеленые искры движутся по спирали вокруг них. Это смывает прочь пульсацию варпа, отодвигая в сторону задержавшиеся изображения кровавого поля боя на другой стороне разлома.

Вместо этого я вижу огромную орду зеленокожих воинов. Нет, не орду. Армию. Это не огромная толпа без мыслей или цели, это завоевательная сила, наступающая единым умом, с возвышающимися лидерами и громадными боевыми машинами, разрывающими ковер из вражеских солдат. Каким-то образом, я знаю, что это – Армагеддон. Все зеленое, мерцающее энергией орков, и, внезапно, Назрек обретает смысл.

Армагеддон – зеленый. Он всегда будет зеленым.

Связь прерывается, когда Охебс возвращается, бросая себя на варпоголового. Когтистая рука прикладывается сбоку моей головы, снова отбрасывая меня на пол.

«В воздушный шлюз его,» тяжело дыша, произносит Полковник, ударяя по переключателю на переборке рядом с чудилой.

Я делаю ошибку, бросая взгляд назад. Отсек в полной анархии, полуреальный шторм из лазерного огня и демонов в кровавых цветах. Фюзеляж плавится, показывая проблески невозможного, вечной битвы в варпе.

«Мы в разломе,» кричу я остальным двоим, снова фокусируясь в голове на задаче. «Мы можем это сделать!»

И в тот же момент лазерный заряд попадает в затылок Охесбу. Мозговое вещество разлетается по нам и варпоголовому. Я с ужасом смотрю, как ноль падает на пол, кровь вытекает из дыры в его черепе.

Ветви зеленой молнии крадутся вверх по руке варпоголового. С животным ревом, он отбрасывает меня и Полковника, вырываясь из последних пут. Он дрожит, искры срываются с его кожи, в то время, как медные браслеты и ожерелья выкипают, не способные сдержать энергию, текущую через орка.

Кровавый демон прыгает на орка, черный клинок оставляет дымящуюся дорожку, пока он движется к горлу орка.

С рычанием варпоголовый поднимает когтистую руку, отбивая клинок в сторону. Осколки черного врезаются в потолок от разбитого клинка. Рыча, варпоголовый вонзает свою руку в грудь демона, разрывая его на куски зеленым пламенем.

Пламя превращается в арки молний, прыгающие от одного демона к другому, чудила поднимается над палубой энергией, которая окружает его. Весь отсек наполняется извивающейся изумрудной энергией, ползущей по корпусу и переборкам, превращающей демонов в кровавый пар.

Затем он останавливается.

Слышаться несколько ужасных, чреватых проблемами ударов сердца, пока энергия струится в варпоголового. Он сияет изнутри, вены выпирают, как веревки, из кож, реки зеленого света курсируют в них.

Инстинкт бросает меня сквозь собирающуюся ауру зеленой энергии в воздушный шлюз за переборкой. Полковник бросает взгляд на меня, а затем следует. Я желаю секунду, чтобы позвать остальных. Я вижу Назрека, дрожащего телом, когда энергия зеленого змеей струится от него в варпоголового. Сестру Аладию, со скользким от демонической крови клинком, повернувшейся, чтобы посмотреть на нас.

Варпоголовый извергает луч зигзагообразной энергии, выпуская концентрированный вопль психической силы. Взрыв рвется вдоль сидений, превращая их в шлак, и вырывается из передней части корпуса.

Мгновение я стою, смотря вдоль длины десантного корабля, сквозь уничтоженные останки кабины, в пасть самого разлома. Я снова слышу гром орудий и резкие звуки боевых горнов.

Декомпрессия рвется через отсек.

Чувствуя себя плохо, я бью рукой по активационной панели воздушного шлюза, дверь со стуком опускается мгновением позже. Прижав лицо к стеклу, я вижу, как содержимое отсека вырывается в небытие пустоты. Тела, люди и демоны, врезаются друг в друга. Летит Назрек, все еще стреляя, Грот хватается за лодыжку большего чужака, открыв рот в безмолвном вопле. Аладия тоже, становясь просто серебряной вспышкой на фоне кружащейся красной раны в реальности.

За ними следует варпоголовый, окруженный арками энергии, пока летит в разлом в пространстве подобно зеленой ракете. Вспышки энергии становятся больше и ярче, превращаясь в шторм за секунды. Волнообразные волны изумрудной энергии

доносятся до нас, превращаясь в видимую рябь, прорывающуюся сквозь реальность и нереальность. Подобно плазменному заряду, они жуют фюзеляж, словно пожирая все нас своим пути.

Зеленый оmyвает меня, принося оглушительный рев животного неповиновения, который бросает меня по воздушному шлюзу. Все ощущается так, как будто нескладным, каждая частица меня разваливается на части от ярости удара сердца, который никогда не закончится.

ЭПИЛОГ

Реальность возвращается. Небытие предпочтительней агонии, которая пылает в моей голове невероятно долгое мгновение.

Мои чувства прекращают неконтролируемо вращаться, снова собирая мир вокруг меня, подобно наполненному статикой гололитическому экрану, приобретающему фокусировку. Мои уши не хотят прекращать шипеть, а моя кожа ощущается так, как будто она хочет уползти куда-нибудь в темное место, чтобы умереть, оторвавшись от плоти под ней.

«Фраг меня, я жив,» шепчу я, пытаюсь впитать прохладу металла под своими руками, желая, чтобы она распространилась до адского пламени внутри моего живота и легких.

«Мы оба.»

Я стону и падаю на спину при звуке голоса Полковника. Открывая глаза силой воли, которая могла бы поднять Боевой Титан, я вижу его, сидящего у стены воздушного шлюза. Под его глазами, носом и ртом засохшая кровь. Я думаю, что выгляжу так же по его обеспокоенному взгляду.

«Я, на самом деле, думал, что это будет последний раз,» говорит он, проверяя дрожащие руки, когда поднимает их со своих коленей. Выглядит так, как будто он смотрит на что-то, что не узнает.

Сквозь толстый армогласс окна двери я могу видеть то малое, что осталось от корабля. На фоне жесткой пустоты деформированный корпус вращается, как будто фюзеляж был неприлично вскрыт каким-то огромным хлыстом. Поверхность металла завита зарубками, которые выглядят вплавленными в материал, отражающими непостоянный звездный свет. Пятна крови украшают остатки исковерканного потолка.

Внутри, воздушный шлюз кажется нетронутым, хотя стены кажутся слегка изогнутыми, двери целы.

Мы проводим несколько минут в тишине, просто плывя в пустоте. Сквозь внешнюю дверь я не могу увидеть ничего, кроме звезд.

Тень затмевает свет звезды Армагеддона, погружая нас в темноту, внутренние люмены светятся тусклым оранжевым. Глухой стук проходит через корабль, вибрируя вдоль стен и пола. Со стонами и гримасами, мы поднимаемся, поднимая оружие, пока ожидаем самого худшего. Еще один грохот раздается в воздушном шлюзе, на этот раз более локализованный, от внешней двери.

Панель, рядом с рессорами, оживает, цифры пробегают по ее экрану, пока кто-то набирает код снаружи.

Дверь с шипением поднимается, чтобы открыть три бронированные фигуры. Космические Десантники. Отсутствие пик и черепов говорят мне, что они, вероятно, лояльны Императору, но в свете фонарей их брони трудно разглядеть цвета. Затем свет уменьшается, открывая темную зеленую броню и набедренные повязки из кожи ящерицы.

«Афахива?» говорю я, не в состоянии поверить в это.

Библиарий Космических Десантников входит в воздушный шлюз и снимает шлем. Его лицо выглядит более морщинистым, чем я помню, и металлические заклепки удерживают пластину сбоку его черепа.

«Я думал, что вы не пойдете?» говорю я.

«Мы не пошли,» отвечает Библиарий Саламандр, переводя взгляд от меня на Полковника, а затем снова на меня с чем-то, близким к изумлению.

«Мы преуспели?» резко спрашивает Полковник. «Ритуал, Пожиратели Миров завершили его?»

«Нет, не завершили,» говорит нам Афахива с улыбкой. «От ваших ли усилий или наших, не могу сказать.»

«Я не понимаю,» говорю я. «Как вы могли завершить свои нападения, мы не могли разделить больше получаса назад?»

Его выражение лица становится мрачным.

«Атака Пожирателей Миров была только началом новых страданий Армагеддона. Орда кроворожденных заполнила большую часть мира. Нам пришлось уйти – было невозможно больше удерживать его. Наши смерти были бы бессмысленны. Теперь, мы вернулись с чудом, чтобы вернуть этот мир. Должно быть, наш прыжок в варпе вернул вас в реальное пространство. Я никогда не слышал ничего подобного об этом.»

«Чудо,» бормочет Шеффер. «Еще одно чертово чудо.»

«В ваших словах нет смысла,» говорю я, думая, что, возможно, последствия моих подвигов намного более серьезные. Звучит так, как будто он говорит обо все в прошедшем времени.

«Что с нами произошло?» медленно говорит Полковник. «Как долго мы были в варпе?»

Мои внутренности превращаются в лед, когда он задает вопрос. Я предполагал, что, поскольку, мы выжили, нас просто выбросило назад в реальное пространство. Эффект временного растяжения варпа никогда не происходил со мной. Могли пройти часы на поверхности внизу, пока мы входили в окраины разлома.

«Вы отлично знаете, что время не работает так просто, Полковник Шеффер.» Афахива снова смотрит на нас и чешет подбородок. «Целое поколение было рождено и умерло с тех пор, как вы отправились на свою безумную миссию.»

«Пятьдесят лет...» бормочет Полковник.

«Больше, скорее всего,» говорит Библиарий.

Один из остальных Саламандр поворачивает свою голову к Афахиве, с поднятым болтером в нашу сторону, говоря во воксу. Глаза Библиария медленно движутся от меня к Полковнику, награждая нас некоторым беспокойством. Он кивает другому Космическому Десантнику и делает шаг к нам, кончик посоха направляется в нашу сторону.

«Хотя вы можете не ощущать этого, вы провели слишком много времени в варпе, мои старые друзья,» тяжело говорит Афахива. Череп ящерицы на его посохе сияет психической силой, очаровывая, пока это кружится синим и белым перед моим

взором. «Есть все шансы, что такое обнажение испортило вас. Возможно, вы выжили, потому что было сделано некое адское соглашение с силами варпа.»

Другой Космический Десантник, явно, снова обращается к нему, потому что Афахива нахмушивается и качает головой.

«Это не наш способ, брат,» отвечает Афахива, возвращая свое внимание к нам. «Вы видели то, что не позволено видеть. Вы видели дела и слуг Хаоса.»

Слово мне незнакомо, но оно, все равно, посылает по моему позвоночнику нехорошее ощущение.

«У мусорщиков есть история,» говорю я. «Я думаю, что Инквизиция стерла все записи о демонах, пришедших на Армагеддон раньше.»

«Это весьма возможно,» говорит Афахива. Он бросает упрекающий взгляд на своего товарища. «Но мы не инквизиторы. Мы не убиваем на месте тех, кто имел несчастье обнажиться перед наихудшим врагом.»

Он подходит ближе до того, как я могу вздохнуть с облегчением, нимб от посоха окружает мою голову. Я чувствую иголки, вторгающиеся в мои мысли, раздирающие их на части для исследования. Это длится, всего лишь, несколько секунд, но это заставляет меня упасть на колени с кружащимся зрением и звоном в ушах. Полковник испытывает похожее обследование и падает рядом со мной.

«Совсем нет никаких признаков порчи,» говорит Афахива с некоторым неверием. Его посох тускнеет, когда он ставит его рядом с собой.

Я поднимаюсь. Полковник встает рядом со мной, подняв руки к вискам, один глаз все еще закрыт.

«Зачем вы здесь?» спрашивает Полковник.

«Силы тьмы разорвали Империум на части штормом варпа таким обширным, что он разделил Галактику. Множество миров погибли, остальные потеряны за завесой *Цикартикс Маледиктум*. Владения Императора на грани уничтожения, и мы вернулись на Армагеддон с примархом, чтобы сделать то, что мы не могли сделать раньше.»

«Примарх?» бормочу я. Со всеми недавними разговорами о святых и силах варпа, я не должен быть удивлен упоминанием об одном из сынов Императора, последний из которых был потерян для Империи тысячи лет назад. «Здесь примарх?»

Это слишком много, чтобы принять, и я стою, покачиваясь, некоторое время, пока пытаюсь стоять прямо. Полковник прочищает глотку и вытирает кровь со своего лица кончиками пальцев. Он, мгновение, смотрит на красное, а затем на меня.

«Это звучит очень плохо, Библиарий Афахива,» говорит он. «В самом деле, очень плохо.»

Мои мысли возвращаются со своих запутанных путешествий, формируя согласованную идею в моей голове. Я встречаю взгляд Полковника.

«Для меня это звучит так, что Последние Шансы нужны больше, чем когда-либо.»